

Татьяна Коростышевская

ПРИЗВАНИЕ — МИНЬОН!

ПРОЛОГ

Царствование королевы Авроры по праву считается золотым веком Ардеры. Много историй того времени осталось в песнях бродячих менестрелей всех пяти королевств, сказаниях, которые передаются в тавернах и у костров путешественников под ночным светом двух авалонских лун — белоснежной Алистер и Нобу, подобной черной жемчужине небес. Королева была умна, она была расчетлива, она была рождена для того, чтобы править. Но эта история не о ней, а о людях, которые помогли ей сделать век Авроры тем самым золотым веком. Эта история о королевских миньонах — козырных валетах, блистательных кавалерах карточной колоды. О мудрейшем Габриеле ван Харте, чья хитрость вошла в легенды, о лорде Уолесе, гербовый мятный клевер которого до сих пор украшает стены Королевского университета, о мужественном Оливере Веклунде, чей меч всегда был на стороне справедливости, о талантливом Станиславе Шарле Доре, великом менестреле, и конечно же о Бастиане Мартере Шерези, чья судьба была загадочна, а ослепительный блеск недолог. А впрочем, наша история скорее о Бастиане. О красавчике Басти — бретере и забияке, королевской бестии, занозе в ягодичных мышцах королевских недругов. О валете, который неожиданно оказался джокером, о плуте и трикстере...

Итак, приступим.

История наша началась вовсе не в фамильном замке Шерези, как можно было бы ожидать, а в королевских покоях замка Ардер. Ее величество Аврора, будучи раздраженной склоками внутри двора, вызвала к себе Мармадюка. Этот достойный господин будет играть немалую роль во всех последующих событиях, но пока нам достаточно знать, что власть его при дворе была безмерна, а должность, без добавления величественного «лорд», впрочем называемая редко, звучала как... шут.

— Вы звали меня, моя королева? — Мармадюк окинул ее величество беглым взглядом и устроился в кресле у камина, вытянув к огню ноги в длинноносых башмаках с бубенцами.

Аврора раздраженно тряхнула головой. К слову, королева была хороша собой и выглядела настолько молодо, что внешность ее нередко вводила в заблуждение как иностранных дипломатов, так и местных вельмож.

— Ван Хорн опять дурит, лорд Вальденс недоволен повышением налогов, Турень заблокировал принятие закона о строительстве двух университетов, Большой королевский совет парализован.

— Все плохо?

— Просто ужасно!

— А я говорил вашему величеству, — шут повернулся к собеседнице, — что рано или поздно вам придется выйти замуж за достойного, говорил, что положение женщины на троне шатко? Советую вам оставить свои смешные ужимки королевы-девственницы и выбрать супруга из членов Королевского совета. Канцлер ван Харт — прекрасный претендент. Правда, он женат, но ради такой партии что-нибудь придумает. По слухам, его ум, невзирая на возраст, все так же остер, а супруга уже одной ногой в чертогах Спящего.

— Не хочу! — просто ответила королева.

— Придется воевать.

— И пусть.

— Ты зальешь кровью всю Ардеру, от Изумрудного моря до Тиририйских гор. — Шут перешел на «ты» с легкостью, говорящей о близости к трону. — Не этого ты хотела, лавируя между интересами этих вельможных стариков, расширяя территории и проводя реформы. Твой народ только начал оправляться от последствий войны.

Аврора думала, ее прекрасные изумрудные глаза смотрели в одну точку.

— Ты нашел ребенка?

— Да, это мальчик. Последний представитель золотой кости. Его воспитывают какие-то пейзажи.

— Чудесно!

— Аврора, ему пять лет и...

— Значит, у меня еще есть время.

— Для чего?

— Я подарю Ардере новую аристократию, — сказала королева. — Все наши проблемы в том, что у власти стоят люди закоснелые и неумные, я их заменю. Смена поколений, бескровная и мягкая.

Мармадюк хмыкнул, а Аврора, вскочив с кресла, возбужденно заходила по покоям.

— Вели королевскому секретарю составить письма десяти или дюжине захиревших дворянских фамилий. Мы призываем ко двору их наследников.

— По поводу?

— Мы вводим в нашем государстве институт королевских фаворитов, миньонов, которым за близость к трону придется побороться, проявив сноровку, ум и прочие качества. Мы привлечем свежую кровь из провинции.

— А как же твой образ королевы-девственницы?

— Ах, мой дорогой, ну какой девственнице помешает пара-тройка миньонов?

Шут решил, что никакой.

Глава 1

ТАЙНА РОДА ШЕРЕЗИ

Несушки обругали меня последними словами на своем курином наречии, когда я выходила из сарая, прижимая к груди корзину с яйцами.

— Я вас кормлю, — крикнула я через плечо. — А кому что не нравится, та завтра же отправится в суп!

Одна из бесстрашных страдалиц, черная бестия с кудрявым хвостом, еще успела напоследок клюнуть меня в босую пятку.

— Ты первая! Я тебя запомнила, — мстительно сообщила я ей и захлопнула плохо подогнанную дверь сарая.

Полторы дюжины яиц отправились на кухню к кухарке Магде, а я — хозяйничать дальше. Шерезский замок, место моего рождения и обитания, некогда был великолепен. Наверное, скорее всего, так как времен его расцвета я не застала. Батюшка, предпоследний граф Шерези, его благоустройством не занимался, все время посвящая охоте, матушка, на которой он женился уже в преклонном возрасте, на роль хозяйки подходила мало, поэтому и не старалась ей соответствовать. Матушка была художницей, знаменитой, между прочим. Хотя почему была? Она до сих пор художница. И то, что мы худо-бедно остаемся на плаву, невзирая на все повышающиеся налоги, взлетающие цены, регулярный мор домашнего скота и обветшалость замковых строений, целиком ее заслуга. Раз или два в год из-под кисти родительницы выходит новое полотно, продав которое она сразу же погружается в работу над следующим. Сейчас, к примеру, она пишет аллегорическую картину под названием «Изобилие». Юная красавица Изобилие держит на плече чудовищный витой рог, ее окружают восторженные пейзажи. В ролях восторженных пейзажей матушка уже успела изобразить всех, кто под руку подвернулся, и кухарку Магду, и садовника Франца, и деревенских кумушек, их мужей и детей, а также заезжих мытарей, которым пришлось ликовать девять часов без перерыва, и это их настолько утомило, что налогов мы так и не заплатили. Для Изобилия позирую я, дрожу в прозрачной рубашонке, открывающей плечо и половину груди, держу на плече рог из папье-маше и, когда матушка отворачивается, чтобы смешать краски, отгоняю надоедливых мух от виноградного венка, коим украшены мои кудри.

Матушка считает, что я неплохо сложена и достаточно хороша, чтобы украсить своим изображением стену любой парадной залы в любом уголке любого из пяти королевств. Внешностью я пошла в нее — полногрудая и узкобедрая, с волосами того глубокого оттенка, названного черно-пурпурным, который на солнечном свете дает ярко-красный блеск, черными бровями, которые с возрастом обязательно сомкнутся над переносицей (как это уже произошло у маменьки), но пока лишь подчеркивающими миндалевидный разрез карих глаз, прямым носом с небольшой горбинкой (это уже наследство Шерези) и ртом с чуть поднятыми вверх уголками. Последняя особенность позволяет окружающим считать меня существом приветливым и скорым на улыбку, а мне проще их не разочаровывать. По опыту, человеку приятному в этом мире достается больше, чем всем остальным.

Я подвесила на шею плетеную корзину и, не спеша перебирая руками (дерево было старым, и любая ветвь, выглядящая полной древесного сока, могла оказаться сухой и подломиться под моим весом), полезла на птичью вишню. Магда пообещала мне на ужин пирог, но сама по деревьям лазить не могла в силу преклонного возраста. С высоты мне было видно замок — две островерхие башенки, которые замыкали здание, черепичный скат крыши с островками мха, заросшую дроком и вереском подъездную аллею. Корзинка наполнилась в считанные минуты, а с ней и мой многострадальный желудок. В ягодный сезон я объедалась темно-пурпурными плодами до икоты. Потому что ничто во всех пяти королевствах не может сравниться с терпко-сладким вкусом спелой птичьей вишни, это я точно вам говорю.

Спускалась я также осторожно, но менее удачно. Одна из ветвей все же подломилась, и я, чертыхнувшись: «Святые бубенцы!» — и прижав к груди корзину, ухнула вниз. Несколько новых ссадин и синяков мне обеспечены.

У самой земли меня поймали сильные мужские руки.

— Какую хорошенькую птичку мне сегодня удалось изловить. — Пьер, мой кавалер и верный (насколько может быть верен половозрелый ардерский деревенский парень) наградил меня страстным поцелуем в шею. — Бастиана!

Я приняла ласку стоически, лишь чуть поморщившись. Уже давно меня терзали смутные сомнения в моем женском естестве, поцелуи мужчин не доставляли мне никакого удовольствия. Наши отношения с Пьером напоминали торговую сделку, он отгонял от меня других парней, а я, в свою очередь, позволяла время от времени лобызать себя в шею, или в локоть, или в запястье, везде, где его буйная фантазия не преступала границ приличий и здравого смысла. Мои подруги, дочь мельника Мари и Сюзетт, чья семья занималась торговлей, в два голоса меня убеждали, что мне давно пора выбросить белый флаг и отдаться своему кавалеру на ложе страсти. Труляля, это именно так у нас называлось. Он и она занимались труляля, а после труляля любовались звездами, а потом опять труляля, если кавалер в состоянии.

Не то чтобы я особо дорожила своей невинностью, но что-то меня останавливало. Пьер владел почетным ремеслом кузнеца и составил бы прекрасную пару для любой девушки. Ведь за утехами постельными часто следует заключение брака. Пьер мне всячески на такое развитие событий намекал, а я делала вид, что намеков не понимаю. Замуж мне было никак нельзя, не только за Пьера, но и вообще. Дело в том, что девушки, которую красавец-кузнец величал Бастиана и страстно целовал, на самом деле не существовало. А был — Бастиан Мартере Шерези, последний граф достойного рода. Мой батюшка, предпоследний граф, отдал душу Спящему лорду, когда матушка была тяжела. Его вспорол на охоте дикий вепрь. На смертном одре родитель успел передать титул матушкиному животу и отошел. Матушка погоревала Некоторое время, написала самую мрачную и безысходную из своих картин, которую приобрел вскорости один меланхоличный маркиз, и в положенный срок разродилась наследником. Он оказался девочкой.

Тут надо заметить, что в наследство от батюшки кроме замка-развалюхи и наследника не того пола леди Шерези достался еще и кузен покойного супруга. Господин Фроше, титулом никогда не обладавший, зато сверх меры желавший хоть каким-то обладать, получил бы его в случае, если бы родственник его помер, не обзаведясь сыном, и получил бы вместе с замком. Господин Фроше в то время, почти восемнадцать лет назад, как стервятник кружил по округе, ожидая матушкиного разрешения от бремени, поэтому леди Шерези сообщила кузену, что родился мальчик, а на скромном, но многолюдном приеме продемонстрировала присутствующим розовощекого наследника и, не чинясь, развернула кружевные пеленки, чтоб все видели полагающиеся наследнику бубенчики.

Подмена ребенка исключалась. Семейный кристалл Шерези, возложенный на младенческий живот, зажегся рубиновым светом, подтверждая чистоту крови.

На память о том событии в главной зале замка висит на стене полотно, на котором все это в подробностях изображено, и младенец в черных кудряшках, и живот его, младенчески пухлый, и кристалл — ограненный ромбом рубин, и бубенчики, великоватые для детского тельца.

Все дело было в том, что леди Консуэло Шерези, в девичестве Аданто, уроженка Домании, несмотря на присущую людям творческим рассеянность, была хитра как сто тысяч господ Фроше. Если внимательно посмотреть на картину, можно заметить, что под грудью младенца, на том месте, где у менее пухлого существа должна была бы находиться талия, застегнут серебряный пояс. Аксессуар этот — дело рук моей феи, дарующей имена, фаты Илоретты, подарок на рождение наследника. Подарок обошелся матушке дорого, волосы, отданные за услугу, отрасли не один год, но оно того стоило. Фейское колдовство превратило девочку в мальчика и позволило леди Шерези не волноваться, что ее домом и ее титулом завладеет кузен. Еще фата подарила мне имя, но это, кажется, было бесплатно.

Вследствие родовой подмены к восемнадцати годам меня как бы и не существовало на свете, а был граф Шерези, молодой человек крайне болезненный (он, бедняжка, проводил почти все время в одной из замковых башен) и увлеченно путешествующий по всем святым местам, посещение которых его болезни могло излечить. Сейчас он, по

слухам, которые наше семейство успешно распускало, вернулся с восхождения на Авалон, где испивал воду святого источника, и заперся, по обыкновению, в башне.

— Бастиана!

Пока я предавалась воспоминаниям и размышлениям, Пьер уже успел уложить меня на поросший травой холмик, остаток замковой стены, и теперь мучился с плотными завязками моих панталончиков.

Я взвизгнула и наградила кавалера оплеухой. Тот не обиделся, оплеухи в наших отношениях были делом привычным.

— Я должен был попробовать. — Пьер многозначительно округлил свои голубые глаза и потер щеку. — Когда-нибудь ты не успеешь меня остановить.

Да уж, когда-нибудь я потеряю бдительность, лет через тридцать, не раньше, уж тогда-то он и развернется на все оставшиеся силы.

А впрочем, зачем ждать? Достойный муж и семейство мне не светят. Подруги уверяют, что, отказываясь от труляля, я теряю очень многое. Может, насколько мне не нравятся мужские поцелуи, настолько понравится все остальное?

— Ты будешь на празднике? — спросил меня Пьер. — Леди Шерези тебя отпустит?

— На празднике сенокоса? Конечно!

Для окружающих я была безродной сиротой, которая живет в замке из милости. Спрашивать разрешения у матушки я не собиралась. Будет весело. Все напьются до животного состояния, будут танцы и песни, к небу взметнется пламя костров, я надену премилое платье, юбки которого должны развеяться в хороводе. Кстати, если я собираюсь возлечь на ложе страсти с красавцем-кузнецом, можно будет это сделать уже сегодня.

— Не танцуй ни с кем, кроме меня, — велел Пьер.

— Не напивайся, — велела я. — Твоя выносливость нам сегодня понадобится.

— Это зачем это?

Мой кавалер иногда проявлял непроходимую тупость.

— До начала праздника я собираюсь посетить фату Илоретту, чтоб разжиться у нее особым зельем, препятствующим зачатию детей.

— Вот оно что. — Пьер почесал свою макушку, заросшую светло-льняными волосами. — А зачем?

— Я собираюсь с тобой переспать, дубина! — торжественно изрекла я и, поднявшись с травы, взяла в руки корзину.

Парень, видно не совладавший со свалившимся на него счастьем, остался лежать.

Магда хлопотала на кухне, единственном помещении в замке, за которое мне было бы не стыдно, появившись здесь даже королева Аврора. Кастрюли блестели, начищенные песком, огонь в плите полыхал, на столе, который полагалось скоблить не менее двух раз в день, подходило тесто для вечернего пирога.

— Куда нам столько? — спросила я, ставя корзину на скамью.

— Господам на ужин, — ответила Магда, — а остальное я отнесу на праздник, и пусть деревенские кумушки умоются. Лучше моих пирогов во всей Ардере не сыщешь.

Это было правдой. Я перебрала ягоды и уже собиралась отправиться к фате Илоретте, в ее уединенное лесное жилище, когда на кухню заглянула моя родительница. Руки леди Шерези были измазаны краской, а карие, как и у меня, глаза полыхали привычным творческим безумием.

— Куда нам столько? — спросила она и получила от Магды тот же обстоятельный ответ, который был дан и мне на тот же вопрос.

Я потихоньку пятилась к выходу, по опыту зная, что стоит мне хоть на минутку задержаться, мать моя найдет три сотни поручений. Не успела. Леди Шерези остановила меня мановением руки:

— Дщерь моя, пройди в мастерскую. Нам нужно поговорить.

Я послушно поплелась за ней сначала в сад, затем, миновав практические грядки с овощами, прошла через солярий, чтобы остановиться у мольберта.

— Позировать я сегодня никак не могу. — Сложив руки на груди, я приняла вид самый покаянный. — Простите, матушка.

— Какое позирование? — Матушка порылась на столе, заваленном кистями, обрывками набросков, огрызками яблок, останками виноградных венков с ошипанными ягодами и прочей чепухой. — Где же оно?

К нам в замок еженедельно приходили деревенские женщины для уборки, сюда, в святая святых великой художницы, они не допускались, поэтому в помещении царил обычный для нас хаос.

— Вот! — Леди Шерези двумя пальцами, как дохлую мышь, вытащила свернутый трубочкой пергамент, на котором болталась сургучная печать.

— Королевское повеление? — спросила я с интересом, узнав герб.

— Да? — Матушка развернула документ, пробежала его глазами и отбросила. — Действительно, повеление. Доставлено неделю назад. К сожалению, мы его исполнить не сможем. Мой сын и наследник Шерези слишком слаб здоровьем... Я напишу ответ завтра или на днях. Не то, опять не то!

— Подождите. Что хочет от нас ее величество?

— Ко двору призывается старший сын нашего рода.

— Зачем?

— Да какая разница! — Леди Шерези наконец нашла то, что искала, и протянула мне.

Это тоже был пергамент и тоже с печатью. Господин Фроше, а послание было от него, считал возможным запечатывать корреспонденцию изображением своего самосочиненного герба.

Я прочла.

— Он собирается посетить нас?

— Именно. Кузен желает лично поздравить графа с днем рождения.

— Но это уже завтра?

— Он может прибыть с минуты на минуту.

— Что будем делать?

— Я не знаю, Басти. — Матушка раздраженно пнула мольберт, такое неуважение к творчеству могла себе позволить только она. — Мерзавец нарочно отправил гонца с письмом одновременно с началом собственного путешествия. У нас нет времени подготовиться! Скорее всего, гонец уже разузнал в деревне, что граф дома, и передаст эту информацию Фроше.

— Тайный отъезд графа?

— Господин Фроше потребует отправить погоню и вернуть именинника. Нам нечего будет противопоставить родственному произволу, замаскированному дружелюбием.

Я молчала, не зная, что еще предложить.

— Мы сбежим вместе, — решила матушка. — Скроемся в провинции, я продолжу писать, ты займешься фермерством.

О сельском хозяйстве моя родительница имела представление весьма поверхностное, я бы даже сказала — пасторальное. Мы не выживем без замка. Свободных денег у нас нет, даже на самый скромный домик в самой отдаленной провинции, хотя, по чести, какая провинция отдаленней нашей? Шерези стоит почти на оконечности материка, в десяти лье на юг начинается море, на западе и севере — непроходимые горы.

— Матушка готова снова выйти замуж? — осторожно спросила я.

— Зачем?

— Затем, что в Шерези мы находимся под защитой короны, мы — владельцы этих земель. Как только мы покинем замок, оберегаться придется самим. А так как денег, чтоб заплатить наемникам, у нас нет, единственным шансом на выживание будет брак с каким-нибудь здоровяком, а лучше — здоровяком состоятельным, у которого есть хотя бы два десятка солдат.

— Мы выдадим замуж тебя.

— По каким, позвольте узнать, документам? В любом храме у меня потребуют свидетельство о рождении за подписью фаты, дарующей имена, либо храмового чиновника.

— Я подделаю документы, уж что-что, а рисовать я умею.

— А вы знаете, что в случае поимки мошеннику отрубают правую руку по плечо?

Леди Шерези начала топтать мольберт, что свидетельствовало о крайней степени раздражения. Я продолжила:

— Почему нам нужно бежать? С таким же успехом мы можем открыться перед господином Фроше и отдаться на его милость. Может, он позволит нам остаться?

— И потерять остатки гордости? — Матушка остановилась, глаза ее зло блеснули. — Ты права, бежать — это не выход. Мы покажем мерзкому кузену то, что он хочет.

Родительница быстро прошла в угол, отбросила крышку дубового сундука.

— Держи! — В ее руке оказался серебряный пояс, такой короткий, что мог только дважды обвить мою руку. — Отправляйся к своей фате, дарующей имена. Пусть она удлинит его, чтоб ты смогла подпоясаться.

Я кивнула. Этот замысел пришелся мне по нраву.

Всю дорогу до домика своей феи я провела в размышлениях. Я уже исполняла роль мальчика и ничего сложного в ней не видела. Конечно, я была тогда младенцем, но, если уж существо, пускающее пузыри изо рта и марающее пеленки, способно изобразить противоположный пол, я теперешняя смогу и по-прежнему. Чем отличаются мужчины от женщин, я имею в виду, кроме внешности? Обращением, походкой и иной формой приветствия. Обычаем предписано всем складывать перед грудью ладони так, чтобы пальцы изобразили треугольник. Только женщины опускают его острым углом вниз, как бы признавая верховенство женского — достойных жен Спящего лорда — Нобу и Алистер, а мужчины, напротив, поднимают угол вверх в честь лорда Солнце. Я покрутила руками так и эдак. Ничего сложного. Я — мужчина граф Шерези, поэтому здороваюсь и молюсь именно так. Теперь походка. Я попыталась идти чуть расставив ноги в стороны, будто только что слезла с упрямого коня.

К домику фаты Илоретты вела дорожка, усыпанная речной галькой, извивалась она меж живописных зарослей уже отцветающего дрока. Лет пятьдесят назад, судя по рассказам старожил, фея велела селянам вырубить приличный лоскут леса, чтобы обустроить себе такую красоту. Еще у фаты было личное озерцо, куда прочим путь был заказан по причине его волшебности, и поляна, на которой она, видимо, танцевала свои фейские

танцы в ночи, когда наступало полнолуние одной из авалонских лун. То есть уединение моей феи, дающей имена, было относительным, и, если бы не безграничное уважение, которым фата Илоретта пользовалась у местных жителей, здесь было бы не продохнуть от охотников, желающих подстрелить зайца, и от рыбаков (в озерце водилась жирная форель), и от влюбленных парочек — хотя кусты дрока к труляля и не располагали в силу своей колючести, от влюбленных где угодно не продохнуть.

Домик феи, опять же по традиции, располагался в толще холма. Я постучала в светлую полированную дверь, представилась и, ничего не услышав в ответ, дернула за веревочку, отодвигающую внутренний засов. Илоретта сидела в изящном кресле, выточенном столярами из дубового пня, у ног ее на шерстяном коврикe обнаружился молодой человек, шатен с зеленовато-карими глазами и мелкими чертами лица, с мандолиной наперевес. Когда я вошла, он как раз заканчивал исполнение романтической баллады. Приятный голос. Фата, когда затихли последние аккорды, изящно промокнула глаза:

— Великолепно, Станислас. Мастерство твое велико и достойно услаждать слух авалонских фей.

Молодой человек к похвале остался равнодушен, он не сводил с фаты влюбленного взгляда, и мне показалось, что смысл ее слов от него ускользнул.

Влюбиться в фею — что может быть безумней! Она же старуха, старше его, старше нас обоих вместе, да, скорее всего, она даже старше Шерезского замка. Всем известно, что феи — существа бессмертные, или почти бессмертные. Да, благодаря волшебству Илоретта выглядит молодой девушкой, но разве он не замечает холода, которым дышат ее неподвижные черты, не видит вековую мудрость ее глаз, алых, как рубины? Или в его краях — а судя по костюму, молодой человек прибыл издалека, не знают, насколько коварны феи?

— Дщерь моя, — хозяйка наконец обратила на меня свой алый взор, — ты по делу или просто соскучилась?

— Скучала безмерно, матушка, — к фате, дарующей имена, именно так и надлежало обращаться, — без ваших мудрых советов и чарующего голоса.

Илоретта улыбнулась. Зубки у нее были острые, как у мелкого зверька.

— Тогда давай пройдем в кабинет, где ты сможешь поведать мне о своих страданиях.

Словам моим она, конечно, не поверила, но я к этому и не стремилась. Иноземный менестрель остался сидеть на коврикe, а мы прошли за драпировку в смежную комнату. Кабинет фаты был затхл, темен, пах мышами и густым травяным варевом, томящимся в тигле над магическим огнем камина.

— Хорош кавалер? — зашептала заговорщицки Илоретта. — В столицу с побережья путешествует.

— А у вас как оказался?

— Заплутал, — хихикнула фея, и я поняла, что заплутал иноземец не без ее помощи. — А поет как! Его и самим королевам показать не стыдно.

Королевы имелись в виду не земные, а, так сказать, небесные, феи-покровительницы Нобу и Алистер.

— Вы действительно отправите его туда? — Я подняла палец вверх, ибо обитали покровительницы на Авалоне — высочайшей горе нашего мира.

— Это будет хороший подарок. — Фата вспомнила, что никто просто поболтать к ней не ходит, и сменила тему. — Чего тебе понадобилось, дщерь?

— Вот. — Я развязала узелок, который до сего момента прятала за корсажем платья. — Маменька просит вас эту штуkenцию удлинить, чтоб на меня налегла.

— Не могу.

— Почему?

— Потому. — Сочтя ответ достаточно емким, Илоретта подошла к камину и, вооружившись деревянной ложкой, принялась помешивать содержимое тигля.

— А нельзя ли отказать мне более развернуто? — спросила я, подпустив в голос аристократического холодка.

Хоть фата и фея, с местными владельцами ей ссориться не с руки. Она же по их фейским меркам никто, изгнанница. Нормальные феи среди людей не живут. А раз так, то напомнить ей, кто в наших краях решения принимает, дело нелишнее.

— Смена пола — колдовство непростое, — после паузы, во время которой выражение ее лица нисколько не поменялось, ответила Илоретта. — Условий множество, сложное заклинание, и объект должен быть чист в помыслах и телесно.

«Неужели стоило перед визитом ванну принять?» — подумала я и кивнула, приглашая продолжить.

— Такое можно только с девственницей проверить.

— Какое удачное совпадение, — кисло проговорила я и поморщилась.

— Неужели? — Алые глаза феи смерили мою фигуру и остановились на груди. — Как тебе это удалось?

— Ценой нечеловеческих усилий. Так что, вы сможете удлинить пояс?

— Ну раз так, то конечно. — Она отбросила ложку и схватила цепь. — На пару часов работы. А вам с матушкой на этот раз зачем?

— Господин Фроше желает графа с днем рождения поздравить. — Моя фата, дающая имена, была в курсе наших семейных дел, так что таиться перед ней смысла не имело.

— Волосы отдашь все, — предупредила она.

— Кроме одной прядки. — Торговаться я любила. — За эту последнюю вы мне зелья от зачатия нальете.

Илоретта захихикала:

— И кто же этот счастливец? А впрочем, не важно. Если ты собираешься свою роль графа отбыть, а потом сразу с парнями кувыркаться, никакое зелье не поможет. Две-три луны пройти должно, иначе, с зельем или без зелья, с первого же раза понесешь. Это плата за колдовство.

Я посчитала чуть не на пальцах. Получается, Пьеру придется ждать обещанного до зимы. Ничего, подождет. Труляля графа, даже не графини, а графа — это не рядовое событие, ни одному кузнецу этого не удавалось, пусть готовится.

— Хорошо. — Я грустно пожала плечами. — Тогда давайте договоримся, что последнюю прядку вы возьмете сегодня, а зелье я через три луны заберу.

Торг закончился. Фата велела мне выйти и подождать в другой комнате. Уж не знаю, что авалонские феи делают с волосами, которые получают от нас, людей, но, кажется, потребность в них в волшебном мире постоянна. Я вышла за драпировку. Менестрель, уже несколько пришедший в себя, сидел на краешке дубового кресла, перебирая струны. Я прислонилась к стене. Юноша взглянул на меня вполне заинтересованно, видимо, прикидывал, стоит ли уступать мне место, и решил, что много чести. Одета я была как деревенская девка, к тому же босиком, так что его решение понимала вполне.

Чтобы как-то занять время, я стала думать, где в ближайшую пару часов можно раздобыть мужскую одежду для графа, припомнила, что в его, графа, покоях стоит сундук, оставшийся еще от папеньки. Скорее всего, мужчина из меня получится не рослый, так что придется браться за иглу. Шить я умела неплохо, впрочем, как и вязать, ткать полотно и плести кружева. Матушке в силу ее основных занятий моим

воспитанием заниматься было недосуг, поэтому все свое время с младенчества я проводила либо с Магдой на кухне, либо в швейной комнате, где дюжина деревенских работниц обычно трудились в счет ремесленного оброка. Магда говорит, что матушка настаивала только на личном кормлении, отказавшись пригласить на роль молочной няньки кого-нибудь из занимающихся этим женщин.

— Девушка, — отвлек меня от мыслей менестрель.

— Что желаете, ваша милость?

Он обратился ко мне «девушка», значит, точно принял за крестьянку. А менестрель-то непрост. На поясе его я заметила ремennую петлю, видимо, для меча, да и одежда, простая, но добротная, скорее всего, обычно скрывалась доспехом. Рыцарь? Дворянин? Тогда почему без сопровождения? Как бы он не решил, что в ожидании феи сможет скоротать время со мной самым приятным для мужчины образом. Ну то есть за труляля. Дворяне с крестьянскими красотками не особо церемонятся, а у меня даже Пьера под рукой нет, чтобы защитил.

— Присядь, милая, — предложил собеседник.

«Точно сейчас попытается под юбку залезть», — решила я, но юноша поднялся с кресла и отошел от него шага на два, демонстрируя как чистоту помыслов, так и непривычную вежливость.

Последняя меня умилила. Я присела на предложенное место, расправила подол небеленой юбки и благодарно улыбнулась.

— Откуда вы, ваша милость? Издалека?

— Из Доремара, — ответил он. — Это замок на побережье. Меня зовут Станислас Шарль Доре.

После этих слов Станислас поклонился, мне стало неловко за босые ноги, поэтому в ответ я не представилась, лишь еще шире улыгнувшись.

— А моя дама...

— Вы имеете в виду фату Илоретту?

— Именно. Понимаешь, милая, в наших краях совсем нет фей, и я просто не представляю, как за ними принято ухаживать. Ты можешь мне рассказать, что она любит, что будет ей приятно?

— Вы сделали для нее вполне достаточно, пообещав отправиться на Авалон, чтоб развлекать своим пением волшебный двор.

Юноша переменялся в лице:

— Я ничего такого не обещал.

— Поздно на попятный идти, — с улыбкой успокоила я его. — Отбудете на Авалоне с полгодика и вернетесь. Правда, там время по-иному течет, у нас здесь лет двадцать пройдет, наверное.

— П-почему поздно? — От моих утешений менестрель стал заикаться.

— Ну вы же ели здесь что-то. — Я обвела рукой помещение, остановив жест в направлении круглого столика с яствами и вином. — А всем известно, что тот, кто фейскую еду попробует или питье пригубит...

— Я ничего не ел.

— Тогда не поздно, — вздохнула я.

Если Илоретта узнает, что ее свежепойманный менестрель моими стараниями из капкана выбрался...

— Так я могу уйти?

— Идите, — разрешила я.

— И мне это ничем не грозит?

— Лошади ваши где?

Он же не пешком с побережья пришел? Значит, верхом, а если верхом, то еще для доспеха лошадь нужна, для клади, а если Станислас этот хоть немного торопился, значит, еще запасная кобылка именно под седока не помешает.

Менестрель хмыкнул, охнул, переменялся в лице, запустил в свои кудри свободную от инструмента пятерню:

— На постоялом дворе?

— Вы не уверены?

— Мы остановились в деревне... Шип... Шоп... Шнак...

— Шерези?

— Да, точно. Был прекрасный вечер, луны изливали на землю свой загадочный блеск. Сверкание звезд, легкий северный ветерок. Я вышел прогуляться, чтоб не участвовать в привычном моим ратникам застолье.

— А так как естественные надобности требуют уединения, удалились от постоялого двора за забор?

— Ну да.

— И заметили, к примеру, светлячков, которые будто приглашали вас?

— Да. Крохотных волшебных созданий, которые хороводом своим увлекли меня по тропинке.

— А ваша милость всегда для исполнения надобностей с собою мандолину берет?

— Я с ней не расстаюсь, милая, — покраснел менестрель.

Спрашивается, зачем я в уточнения пустилась, куда шел, зачем шел, будто мне есть до этого хоть какое-то дело? Если честно, я тянула время, ожидая, что фата вернется в комнату и опять очарует милого юношу. Деревенские поговаривали, что Илоретта на всех мужчин подобным образом воздействует, что стоит ей только взглянуть в его сторону своими алыми глазами, тот на все готов, лишь бы рядом быть.

Станислас все мялся у двери, не решаясь на побег. И тут меня посетила еще одна мысль:

— Позвольте узнать ваш титул, милорд.

— Виконт Доре, — ответил менестрель. — Сын и наследник графа Доре, который...

Наследник! Догадайтесь, кого обвинит достойный родитель иноземного менестреля, когда весть о его отбытии на Авалон достигнет Доремара? Точно не фату, а владельца, на чьих землях она проживает.

— Ступайте, — велела я Станисласу. — Не сходите с тропы, вы окажетесь в деревне меньше чем за час.

— Но...

Я вскочила с кресла и решительно выставила наследника за дверь.

— Неужели вы желаете провести двадцать лет вдали от родни и друзей? Вы вернетесь в совсем другой мир. Доремаром будут владеть ваши дальние родственники, ибо линия наследования прервется на вас!

Захотелось отвесить нерешительному виконту оплеуху, с Пьером это неплохо помогало, но я решила не усердствовать. Деревенская девка, раздающая указания аристократу, — это уже за гранью добра и зла, удивительно, что я сама еще зуботычину не получила.

Наконец он решился, забросил за спину инструмент и побрел по тропинке.

— Передай великолепной Илоретте, — обернулся он через плечо, — что я сочиню в ее честь самую нежную балладу.

— Всенепременно.

— И что только долг крови, долг дворянина заставил меня покинуть ее.

Я кивала и кланялась.

— Как тебя зовут, милая девушка?

— Мари Сюзетт, — представилась я сразу двумя своими подругами и захлопнула дверь.

Балладу он, к слову, сочинил. Тягучую и полную аллюзий, о любви к волшебной деве озера юного пастушка, который расстается с невестой Мари Сюзетт ради того, чтобы вечность провести с возлюбленной. Песне этой долгие годы обожали внимать нежные девы всех пяти королевств.

Следующие несколько часов я провела в одиночестве и в борьбе с голодом. Фейские яства манили и вызывали слюноотделение.

Из-за драпировки появилась Илоретта, у нее был вид человека после долгого трудового дня.

— Получилось? — вскочила я с кресла.

— Неужели ты, дочь моя, сомневалась в этом? — Фата хихикнула, затем посерьезнела, заметив отсутствие менестреля. — Где крошка Станислас?

— Надеюсь, по дороге в... Ну куда он там шел, пока вы не заманили его в свои сети.

— Ты его отпустила?! — вскрикнула фея и прижала к груди слегка покрытые копотью руки.

— А должна была сторожить?

— Ты бестия!

— А вы чуть было не совершили ошибку, матушка! Ошибку, которая стоила бы нам всем если не жизни, то спокойствия точно!

— Поясни! — Илоретта величественно опустилась в кресло, освобожденное мной.

— Крошка Станислас — наследник графа Доре, владельца Доремара.

Единственное, по моему мнению, преимущество долгой жизни, это то, что с возрастом нас настигает мудрость, ну или житейский опыт, вполне за нее сходящий. Фата соображала очень быстро. По крайней мере, через пять минут она перестала искрить негодованием и процедила:

— Прости, я не знала.

— Мы вовремя это обнаружили, — матушка, настоящая, а не давшая имя, прекрасно научила меня распределять ответственность за принятые решения, — и отпустили виконта с миром.

Фата не возразила, я поняла, что продолжения темы не будет. Но сейчас следовало уступить собеседнице первенство, чтобы погасить ее раздражение. Поэтому я просто молчала, сложив губы в самую милую и жалобную из своих улыбок.

— Пойдем. — Фата наконец поднялась с кресла. — Сначала отдашь положенное, потом

примеришь обновку.

— А наоборот никак? — Я прошла вслед за феей в кабинет, где царил разгром, но на столе лежал волшебный пояс вполне взрослого размера. — Просто ну мне же надо прикинуть...

— Бестия. — Илоретта улыбнулась. — Раздевайся, торгашка.

Я быстро распустила шнуровку, стянула платье, оставшись только в панталончиках и нижней рубашке. Фея тем временем отодвинула из угла сундук и достала из-за него мутноватое, но вполне отполированное медное зеркало.

— Дальше раздевайся, — велела она, прислоняя зеркало к стене. — Колдовство объемное, все тело затронет.

Я повиновалась без возражений, скинув остатки одежды на пол, распрямилась и, подняв руки, поправила несколько выбившихся из прически прядок. Прическа моя только называлась так, на самом деле я обычно просто заплетала волосы в косу и обматывала ее вокруг головы, скрепляя шпильками. Волос было много, и, если бы не необходимость рано или поздно расстаться с ними в обмен на фейские услуги, я бы и сама их давно остригла до удобной длины.

Я искоса посмотрела в зеркало. Голая грудастая дева, голова которой из-за массивной прически и искажений зеркальной поверхности выглядит просто огромной.

— Крекс, фекс, пекс, — пробормотала фея и щелчком застегнула на моей талии пояс. — Любуйся!

Я полюбовалась, покраснела. Мужчина из меня действительно получился мелковатый, да и не выросла я, кажется, ни на дюйм. Зато исчезла грудь, на гладком обычно животе обнаружились мышцы, плечи, тоже мускулистые, слегка расширились. Я скользнула взглядом вниз и вскрикнула:

— Это что?

— Что?

— Вот это вот?

— Ничего.

— В том то и дело, что ничего! У мужчины здесь должны быть бубенчики! А я выгляжу как ярмарочная кукла без одежды!

— На бубенчики, моя дорогая дочь, мне не хватило материала, — твердо ответила фата. — Неужели ты думала, что я превращу тебя в настоящего кавалера? Или намеревалась кувыряться на сеновале с деревенскими девками?

— Почему это не хватило? — Когда споришь, главное, не начинать оправдываться, объяснять, что никаких таких кувырканий я не планировала, этому меня тоже матушка научила. — У меня груди на два комплекта прекрасных бубенчиков хватило бы!

— А плечи?

— Лучше бы у меня плеч не было!

Спорить и ругаться становилось все труднее и труднее. Алые очи фаты так нестерпимо блестели, и пахло от нее очень... возбуждающе, у меня даже заныло где-то в районе несуществующих бубенчиков, кровь стала горячей, во рту пересохло. Правильно, я же сейчас мужчина, хотя и не совсем комплектный, так что любовные чары Илоретты на меня действуют.

Дрожащими пальцами я расстегнула пояс и успела подхватить его до того, как он упал.

— Тебе же только на пару дней это колдовство нужно, — проговорила фея, доставая из сундука огромные, какими стригут овец, ножницы. — Подложишь что-нибудь в гульфик для объема, никто и не заметит.

— Когда я была младенцем, вы мне бубенчики наколдовали. — Руки еще немного дрожали, когда я стала натягивать одежду. — У нас в замке историческое полотно на эту тему висит.

— А ты посчитай, сколько пальцев у графа, что на историческом полотне. — Фата щелкнула ножницами, разрезая воздух. — Голову наклони, пора расплачиваться.

Я повиновалась. Шпильки, звеня, посыпались вниз, затем освобожденные волосы упали до самого пола. Расплата длилась минут пять, не больше, и после того, как все закончилось, я ощутила невероятную легкость и даже какой-то прилив сил.

Пока Илоретта складывала черную копну в льняной мешок, я опять подошла к зеркалу. Вопреки ожиданиям остригли меня не наголо, оставив приличествующую для мужчины длину. Я собрала на затылке плотный хвост, затянув его первой попавшейся под руку лентой, злобредная непослушная прядка тут же выскользнула, упав на правую бровь. Я сдула ее, тряхнула головой и улыбнулась своему отражению. Новый облик мне невероятно понравился.

— Надолго вашего колдовства хватит? — Пояс я упаковала в узелок и спрятала за корсажем.

— Да хоть на всю жизнь, — рассмеялась фея, ополаскивая руки над медным тазом. — Если, конечно, ты выдержишь,охранишь невинность и не будешь забывать раз в луну, когда Нобу являет нам свой полный диск, проводить ночь без пояса и желательно погруженной в воду.

— А вода зачем?

— Затем, что мужской вид тебе дарует королева Нобу, которая покровительствует водной стихии.

— Спасибо, — вполне искренне поблагодарила я фею. — Вы очень нам помогли.

— Возвращайся, когда волосы отрастут, — попрощалась Илоретта. — Хорошие они у тебя.

— А зачем феям человеческие волосы? — спросила я уже на пороге.

— Это тайна, дочь.

Дверь за моей спиной захлопнулась. Вот и все. Я натянула на голову заранее припасенный льняной чепец и отправилась навстречу приключениям.

До замка я добралась, избегая любых встреч. Новую прическу до времени не стоило никому показывать. Подруги сразу же догадаются о причине моей внезапной потери, ну то есть о том, что волосы мои теперь у Илоретты. Об остальном они никогда не узнают. Тайна Шерези умрет вместе со мной, с последним графом рода. Кстати о графах. Я специально сделала крюк, чтобы пройти через главную залу и пересчитать те самые пальцы. В творчестве своем матушка врать не умела, поэтому изящно драпированный пеленками младенец конечности свои не прятал. Методом тщательного подсчета я выяснила, что бубенчики стоили графу четырех мизинцев, и, если бы не их эпичные размеры (я не мизинцы имею в виду), изъяны наследника я бы могла заметить и раньше.

Все же маменька — мастер. Столь тонко расставить акценты, при этом ни на гран не погрешив против истины, не всякому живописцу по плечу.

С верхней балюстрады на меня прикрикнула сама родительница:

— Басти, ты нерасторопна!

Я задрала голову:

— Могу с вами поспорить.

Матушка успела переодеться, голову ее украшал конусовидный эннен со шлейфом, похожий на головной убор феи, а плечи — тканый серебром плащ, который на моей

памяти из сундука не доставался ни разу. Я охнула и взбежала по ступеням.

— Они подъезжают, — подтвердила леди Шерези мою догадку. — Господин Фроше с супругой и дочерьми, а также их свита! Франц был в деревне и прибежал в замок со всех ног, чтоб нас предупредить.

— Надеюсь, они не с пустыми руками, — спокойно сказала я, — ибо прокормить такую ораву мы не в состоянии.

— Они ожидают праздничный прием в честь дня рождения графа!

— Мы отведем их на деревенский праздник в честь сенокоса, не думаю, что они заметят разницу.

— Нам негде их разместить!

— Человек, высылающий весть о своем приезде в день приезда, должен был сам об этом позаботиться. К тому же дядюшка осведомлен о болезнях, — я кашлянула в кулак, — графа.

Матушка посмотрела на меня с радостным удивлением, затем кивнула:

— Отправляйтесь в свои покои, граф. Я велела Магде собрать все свои старческие силы и помочь тебе одеться.

— Как вам будет угодно, миледи.

Я поднялась по винтовой лесенке в круглую спальню левой замковой башни. Сама я обитала в правой, крыша которой была целее и не пропускала сквозь себя десятки литров воды при любом дожде. Зато здесь был оборудован личный клозет — закуток, вынесенный за край кладки и нависающий над замковым рвом.

Магда ждала меня у ложа, на котором были разложены предметы мужского гардероба.

— Илоретта справилась с заданием? — Кухарка отметила мою новую прическу.

— Частично. — Я скинула одежду и развязала узелок. — Смотри!

Застежка пояса щелкнула, я покрутилась на месте, демонстрируя недостатки фейской работы.

— Неплохо. — Магда прищурилась, наклонилась, присматриваясь, покачала головой. — Придется что-нибудь подложить в гульфик.

Она помогла мне облачиться в мужской костюм, плохо сидящий, ибо на тщательную подгонку времени уже не оставалось. Батюшка мой был гораздо уже в плечах и шире в талии, поэтому штаны свободно болтались, а камзол чуть не трещал по швам. Магда велела мне вдеть нитку в иголку и, вооружившись ножницами, принялась прямо на мне подпарывать швы и подшивать лишнее. Зеркало в покоях графа было одно — отполированный медный поднос, в котором рассмотреть себя я могла только по частям.

— Не вертись, — шикнула на меня женщина, потом, смутившись, сменила тон: — Простите, милорд. Не были ли вы так любезны поднять руки?

Я послушно поднимала и опускала руки, затем, когда подгонка закончилась, я натянула сапоги, пришедшиеся почти впору, и прошла по комнате, отмечая удобство мужской одежды, поставила ногу на стул, чтобы проверить максимально возможную ширину шага.

— Великолепно.

Из каких-то лоскутков Магда соорудила нечто вроде игольной подушечки, и я подложила этот предмет под гульфик.

Пройтись с ним было затруднительно. Во-первых, ткань шуршала, во-вторых, при каждом шаге подушечка норовила сползти в штанину и после некоторой тренировки я могла уже управлять, в какую именно штанину она направится — в правую или в левую.

Магда тихонько ругнулась, задумчиво пожевала губами:

— Нужен другой материал.

Экспериментальным методом мы выяснили, что ни колокольчик для вызова прислуги, ни старая чернильница, ни флакончик духов на роль графовых бубенчиков не подходит.

— Извольте подождать, милорд, — велела кухарка и похромала прочь.

До ее возвращения я успела вдоволь покривляться перед зеркалом и проговорить начало баллады о Спящем лорде. Голос мой тоже изменился, стал хрипловатым и мужским.

Вернувшись из своего похода, Магда торжественно положила на стол нечто округлое, размером с дамский кулачок. Поверхность предмета была шершавой, а по форме он напоминал...

— Что это?

— Коко-де-мер — морской кокос, сильнейшее возбуждающее средство.

— И каким же образом этот коко-де-мер оказался в Шерези?

— Купила как-то по случаю у бродячего торговца, — ответила кухарка и густо покраснела. — Довольно давно.

— Не пригодился?

Мне не ответили, и я решила не настаивать, тем более что диковинный плод (или семя?) за счет своей изогнутой двусегментной формы и шершавой кожи стал на место как влитой, никуда не вываливался, демонстрируя всем желающим немалое графское достоинство.

— А поменьше коко-де-меров у того торговца не было? — спросила я, держа зеркало перед животом.

— Этот еще самый маленький, — усмехнулась женщина, — там и по полтуза громадины предлагались.

В комнату вбежала маменька, предусмотрительно присев, пересекая дверной проем, иначе головной убор зацепился бы за верхнюю притолоку.

— Прекрасно, сын мой, чудесно, — зашебетала она, разглядывая плод совместных усилий фаты Илоретты и Магды. — Гости уже прибыли. Представь себе, мой дорогой, дядюшка Фроше разбил лагерь в замковом парке, не желая нас ничем стеснять.

Я ощутила к господину Фроше нечто вроде симпатии.

— Там разбирают шатры и разводят огонь для приготовления мяса.

— Прекрасно. Что теперь нужно делать мне? Выйти к гостям, чтоб их поприветствовать?

— Ты еще слишком слаб. — Матушка покачала головой из стороны в сторону, отчего шлейф, прикрепленный к эннену, заколыхался. — Графа мы покажем гостям на празднике. А пока, мой дорогой, займись своим гардеробом. Магда нужна мне на кухне, так что тебе придется... — Родительница указала подбородком в сторону сундуков. — Два-три камзола, граф должен менять одеяние, перевязь, лучше две, шляпы не бери, они давно вышли из моды, а такой красавец, как ты, может себе позволить ходить с непокрытой головой.

Я кивала, отметив про себя, что работы непочатый край.

— Шпага! — вдруг воскликнула родительница. — Семейный меч Шерези! Ты найдешь его на дне одного из сундуков и тщательно отполируешь.

Я пожалела, что ардерским мужчинам не пристало падать в обморок. Шпага или меч? Отполировать? Да хорошо будет, если я соображу, с какой стороны за него браться!

Пока я молча страдала, леди Шерези прогнала Магду и удалилась, не забыв присесть на пороге.

Меч нашелся почти сразу, к счастью, не двуручная громадина, но и не легчайшая доманская шпага, а футов двух длиной обоюдоострый клинок, сейчас, конечно, нещадно затупленный временем. Самостоятельно привести его в порядок я бы не смогла, в памяти кстате всплыли слова — балансировка и клиновидная заточка, поэтому, просто протерев герб Шерези на гарде, я отложила оружие в сторону и занялась более привычным для себя делом — шитьем и подгонкой одежды. К вечеру граф обзавелся обширным, хотя и несколько затрапезным гардеробом, а я — новыми мозолями на пальцах. К слову, мужские руки к шитью оказались вовсе не приспособлены, поэтому я сняла пояс и переделалась в привычную одежду, даже чепец натянуть не забыла, плотная ткань сдерживала непослушную прядку, все время норовившую упасть мне на лицо.

Работа спорилась, солнце уже давно миновало зенит и готовилось улечься за Тиририйские горы, чтобы поджидать появление на небосклоне своих волшебных жен — Нобу и Алистер, а меня заботили дела более приземленные, я бы даже сказала, телесные: в животе урчало от голода. Я отложила шитье, потянулась и осмотрела гору обновленной одежды. Пора и пожевать, если добрейшая Магда оставила мне что-нибудь на кухне. Замок, и без того обычно немногочисленный, сейчас был абсолютно пуст. Светильника мне не требовалось, я, наверное, могла бы здесь ходить и с завязанными глазами. На столе в кухне обнаружилась зажженная свеча, ломоть теплого пирога и бутыл с молоком. Я была так голодна, что даже не удосужилась нарезать угощение, разломав его руками и вгрызшись в хрустящую корочку. Сладкий сок запеченной вишни тек по рукам и подбородку.

— Это кровь? — донеслось с порога.

Я подняла голову и тряхнула ею, отбрасывая со лба непослушную прядку.

Делиться едой я ни с кем не намеревалась. Юная дева, нарушившая мое уединение, была настроена решительно.

— Я спрашиваю, девка, что за дрянь ты жрешь?

Видимо, незнакомка решила, что собеседница ее глуховата, ибо второй вопрос произнесла громко, почти перейдя на крик.

Была она девой мощной, плечистой и щекастой, в очень узком парчовом платье с меховой оторочкой и в высоком эннене, из-под которого на плечи спускались две каштановых намасленных косы, перевитых золоченым шнуром.

Я кашлянула, вытерла подбородок тыльной стороной ладони и спокойно ответила:

— Чего желаете, сударыня?

Она смерила меня недовольным взглядом, глазки были под стать деве — цепкие щелочки. Интересно, кто она такая? Неужели родственница? У дядюшки Фроше, кажется, дочери имеются. Одета она богато, а эннен такой высоты дозволено в Ардере носить благородной даме с титулом не ниже баронского. Для тетушки слишком молода, значит, точно — кузина. Я неторопливо допила молоко, отставила кружку, затем поднялась из-за стола и, подойдя к раму, умылась, не забыв затем натянуть чепец поглубже, так, что крылья его прикрыли большую часть лица. За моей спиной происходила, видимо, некая работа мысли, потому что, обернувшись, я была удостоена высокомерной улыбки.

— Ты, наверное, служанка?

— Вы невероятно проникательны, сударыня.

— Здесь работаешь? — Она обвела пухлой ручкой кухню.

— Ничего от вас не скроешь.

Сарказма незнакомка не распознала, потому плюхнулась на тесаный табурет и сложила руки перед собой.

— Рассказывай!

Я поклонилась:

— О прошлом годе та история произошла, в лютый мороз календовый. Один менестрель отправился в полночь на кладбище...

— Ты дуручка? О графе рассказывай, говорю. О господине своем.

— Хорошо. — Я степенно поклонилась. — О прошлом годе та история произошла. Господин мой, граф Шерези, отправился в полночь на кладбище и встретил там менестреля.

Дева стукнула кулаком по столу.

— Дура! — Глазки-щелочки еще немного прищурились. — Я прикажу тебя выпороть, тупая девка.

— Я просто только одну историю знаю, сударыня. Она потешная очень.

Ага, выпороть она меня прикажет. По какому, позвольте узнать, праву? Слуг могут наказывать только господа. Это их святое право и обязанность.

В кухню проскользнула еще одна дева, такая же юная и так же богато разодетая, затем еще одна.

— Кло, ты скоро? Батюшка велит поторопиться, нас будут представлять графу. Клозетта!

С именем деве тоже невероятно повезло. Поименованная Клозетта поморщилась:

— Я пыталась хоть что-то выяснить у слуг.

— О чем?

Девы зашептались, сдвинув головы.

— Свадьба — дело решенное... только бы он оказался не уродом... какая разница! Мне надо себя поставить... слуги наглые... лишь бы не урод...

Я осторожно попятилась к двери и, выскользнув за нее, побежала в графские покои. За спиной у меня оживал замок, заполняясь людьми, я услышала пронзительный смех матушки, низкий мужской голос, вещающий нечто, что заставляло леди смеяться. Дудели дудки, топотали ноги в такт музыке, кто-то пел скабрёзную песенку. В Шерези врывался праздник.

Переодевание заняло у меня считанные минуты, коко-де-мер занял полагающееся ему место, меч мягко опустился в ножны. О какой свадьбе изволили сплетничать мои кузины? По спине полз холодок ужасного предчувствия. Неужели монументальная Клозетта предназначается в жены графу, то есть... мне? Святые бубенцы! Только матримониальных планов господина Фроше мне сейчас для полного счастья не хватало. Только мезальянса с безродной кузиной и оравы родичей в придачу!

Я вышла из комнаты, тряхнула головой и величественно спустилась в залу, где встретил меня приветственный гул, не очень трезвые выкрики и аплодисменты. Народ ликовал. Я готова была кричать от ужаса.

— Нам нужно поговорить, — шепнула я матушке, когда дядюшка с супругой были уже мне представлены и к моему сиятельству потянулись кузины — Клозетта, Лизетта и Мюзетта, коих мне видеть уже довелось.

— Не сейчас, дорогой, — отвечала родительница, трепля прелестниц за румяные щечки, не забывая стирать оставшиеся на пальцах румяна и белила батистовым платочком.

— Это важно, — запечатлела я на запястье одной из кузин почтительный поцелуй и поморщилась от ядреного запаха мускусных духов.

Маменька смерила меня внимательным взглядом:

— Я сама изыщу возможность для беседы. А теперь, дорогой, пройдем к шатрам. Наши гости ждут от графа праздничную речь.

Глава 2

ГРАФ, КОТОРОГО НЕТ

Разбитые в запущенном замковом парке шатры были расставлены со всей возможной тщательностью. Ветер развевал тканые штандарты с золочеными гербами, видимо свежеиспеченными самим хозяином великолепия. Господин Фроше титула не просто хотел, он его вождеделел, желал более всего на свете.

Я прошла за маменькой к центральному шатру, приняла у виночерпия наполненный бокал и внутренне поежилась. Доверие родительницы к моим умственным способностям конечно же льстило, но, святые бубенцы, о речи, которую должен был произнести граф, я ранее осведомлена не была! Не готовили меня к этому — ни жизнь, ни маменька, которая сейчас стояла по правую руку от своего кузена и несколько нервно подхихкивала его шуткам. Судя по всему, леди Шерези почуяла, что господин Фроше что-то задумал. За то время, что мы не виделись, то есть за те прекрасные пять лет, которые я своего дядюшку не лицезрела, он еще раздался в талии, обзаведясь круглым брюшком, и отрастил бакенбарды, кои спускались на его мощную грудь завитыми локонами. По другую руку господина Фроше расположилась, видимо, супруга, чей эннен был такой невообразимой высоты, что голова достойной матроны шаталась из стороны в сторону под его весом, а также стайка дочерей, хихикающая и перешептывающаяся. Та дева, чью руку я так неосмотрительно облобызала, эту самую руку держала на весу, будто опасаясь смахнуть след моего поцелуя. Чего я вообще целоваться полезла? Кажется, в аристократической среде такие проявления родственных чувств не приняты.

Я тряхнула головой. Думай, Басти, не время созерцать. Если сейчас ты потеряешь время, показав свою беспомощность, дядюшка перехватит инициативу. Он-то точно готовился, приветственные речи заучивал. Он же не просто так сюда явился, не на графа взглянуть, а свои интересы соблюсти. Он явно надеется на брак — мой и одной из своих толстушек-дочерей, это его шанс на титул, пусть так — опосредованно.

Я многозначительно откашлялась и, широко поведя рукой с бокалом, поклонилась присутствующим. Шепотки смолкли.

— Граф Шерези рад приветствовать вас всех на своем празднестве! — Я почти кричала. — На празднике своего совершеннолетия. Мне восемнадцать, я вошел в тот прекрасный возраст, когда смогу исполнять свои обязанности владельца Шерези с должным вниманием и тщанием.

— И пользуясь случаем, — господин Фроше тоже орал, ухватив ладошку Клозетты, — мы хотели бы объявить о чувствах, которые поселились в сердце молодого аристократа!

Вскрик маменьки потонул в аплодисментах. Дядюшка пошел ва-банк, и Шерези оказались к этому не готовы. Сей момент мне вручат потную ручку Клозетты и объявят обручение. Леди Шерези собиралась упасть в обморок, но, кажется, окружающих это волновало мало, лишь госпожа Фроше переместилась, прикрывая обмякшую фигурку невестки.

— Однако, — перебила я дядюшку, — первый тост я хочу поднять не за себя, а за свою прекрасную леди, за достойнейшую из женщин, чей образ поселился в сердце моем до последнего моего вздоха...

Родственники замерли, передумавшая лишаться чувств маменька отпихнула локтем госпожу Фроше и внимала моим словам. Клозетта, не веря своему счастью, глубоко дышала, дядюшка даже отпустил ее руку, глядя на меня с веселым недоумением.

Я подняла бокал над головой:

— За мою прекрасную леди, за королеву ардерскую Аврору! Пьем до дна!

Вино было хорошим, наверное, потому, что вкуса я не почувствовала, опрокинув в себя содержимое бокала. Присутствующие моему примеру последовали, поскольку игнорировать такой тост было невозможно.

— Спящий, храни королеву!

Я отбросила бокал и схватилась за эфес меча:

— А теперь, когда я открыл вам свое сердце, спешу сообщить, что прекрасная леди призывает графа ко двору и в ближайшие несколько дней я покину Шерези, чтоб служить своей королеве в столице.

— Как же ваше здоровье, граф? — переждав аплодисменты, спросил дядюшка.

— Слава Спящему, — я свела руки перед грудью в молитвенном жесте, — меня постигло чудесное исцеление!

— Слава Спящему, — зажурчали в толпе шепотки. — Слава Ардере. Слава, слава, слава...

У меня в голове шумело от вина и от гордости. Эту партию я выиграла, в наступившем угаре отчизнолюбия любые попытки обручить графа с кузиной одобрения народа не встретят. Родственники уберутся восвояси, может, через некоторое время, например на мое девятнадцатилетие, они предпримут еще одну попытку, но через год граф опять может заболеть, или удалиться на Авалон, или...

— Туше, — приблизившаяся матушка сжала мое плечо, — прекрасный ход.

— Вы знали, что дядюшка стремится породниться с нами?

— Даже не догадывалась. — Леди Шерези усмехнулась. — Кузен настаивал, что нам с ним надо обсудить ваше будущее, но я считала, что, по крайней мере, до беседы он ничего не будет предпринимать.

— Что теперь? Вы поддержите желание отпрыска отправиться в столицу?

— Всенепременно. Я составлю несколько рекомендательных писем, которые конечно же будут показаны господину Фроше. — Матушка воровато обернулась, не подслушивает ли кто. — Знаешь, отпрыск, если бы ты действительно был мужчиной, я бы отпустила тебя с легким сердцем. С твоими способностями к интригам ты далеко бы пошел!

Похвала родительницы меня окрылила. Действительно, если бы я была мужчиной, сколько бы полезного я смогла бы сделать для родного Шерези. Я бы достигла положения при дворе, заключила выгодный брак, нашла денег для обустройства замка, наполнила бы его жизнью.

Матушка удалилась, ко мне подошла группка зажиточных крестьян-арендаторов, с которыми я перекинулась парой слов. Их проблемы, в отличие от аристократических обычаев, были мне хорошо известны, и каждому я нашла что сказать. Между тем толпа потихоньку расплзалась по территории парка, потянулась в деревню и далее — в поля, на которых стояли накрытые столы, простые деревенские, но вполне приличные. Дудки и барабаны неистовствовали уже там, где взметнувшееся к нему пламя костров обозначало начало другого праздника.

Граф оказался фигурой вполне популярной. Через несколько минут меня увлекла небольшая группка молодежи, наследников мелкопоместных соседских дворянчиков, коих господин Фроше пригласил от моего имени на праздник. Ну пригласил и пригласил. Хорошо еще не мне за эти увеселения платить придется. Я прикинула размеры дядюшкиных трат и даже ощутила легкий укол сожаления оттого, что не смогу жениться на столь состоятельной Клозетте. Однако по плану моему графу не мешало бы уже и раствориться без остатка в праздничной толпе с тем, чтобы более в замке ближайший год не появляться. Роль свою Бастиан Мартере Шерези исполнил, а безродной приживалке Бастиане хотелось и потанцевать у костров, и опрокинуть бокальчик-другой прошлогоднего местного вина, и поцеловаться с Пьером в каком-нибудь укромном закутке. Не то чтобы последнее меня особо влекло, но порядок есть порядок, положено на празднике сенокоса залиться хмельным и отдаться страсти — извольте. Бедняжка Пьер, к сожалению, сегодня я труляля ему предложить не смогу, но вот зимой... Стоп. Какая зима? Через год мне девятнадцать, опять явится семейство Фроше, и опять придется им предьявлять графа. А как я его изображу, если девичество мое не при мне уже будет? Фата Илоретта четко сказала, что колдовство сработает только на девственнице. Это что же получается, мне до последнего часа теперь воздерживаться?! А может, ну его — графа? Пусть, например, почивает с миром в

родовом склепе, отправившись в чертоги Спящего духовной своей сущностью? Нет, не получится. Тогда мы вернемся к тому, с чего начинали, а господин Фроше овладеет титулом напрямую, без сложных matrimониальных действий.

Я заскрипела зубами, не забывая принимать участие в дурачествах. Дворянчики, мои спутники, были уже здорово навеселе, и группа наша продвигалась к кострам, горланя песни самого фривольного содержания. Не оставались без внимания и все встреченные крестьянки. С девушками простого звания церемониться особо не полагалось, поэтому каждая пейзажанка одаривалась сальным комплиментом, шлепком пониже спины, а если не успевала ретироваться, и слюнявым поцелуем. Мне даже несколько раз пришлось спасать своих подданных от насильственных действий, когда криком или тычком в дворянскую грудь, а когда и угрожающим полуобнажением фамильного меча. Титул и звание владетеля мне это позволяли. По крайней мере, никто из моих новых приятелей проверить остроту клинка Шерези не спешил и на поединок не нарывался.

— Спасите нас, милорд, — пискнула очередная жертва, в которой я узнала Мари, дочь мельника и свою ближайшую подругу.

Девушка меня в новом облике не раскусила, чему я вполне обрадовалась. Схватив Мари за руку и задвинув за спину, я шепнула:

— Будь рядом, — и грудью выступила на ее защиту.

Через полчаса количество девушек за спиной графа Шерези увеличилось многократно. Все правильно, Шерези — местечко тишайшее и приличное, к нашествию аристократических хлыщей не готовое. Наши девы, может, и не столь добродетельны, как хотят иногда казаться, но уж точно не гулящие.

В какой-то момент я поняла, что уже не направляю движение группы подопечных, а они увлекают меня в сторону, к амбару, стоящему на отшибе.

Крыша строения была худой, сквозь щели в кровле проникал свет обеих лун, поэтому, когда мы вошли внутрь, я видела всю тревогу на девичьих лицах.

— Милорд, — решительно проговорила Мари, — прикажите своим гостям не щипать нас за задницы!

Я прислонилась спиной к какому-то тюку, стоящему у стены, и криво улыбнулась.

— С каких пор крестьянки смеют указывать дворянам?

— Мы ваши подданные, милорд, — девушка бухнулась на колени, — и все наши задницы в вашем полном распоряжении! Но чужаки...

Остальные пейзажанки перешептывались, явно не одобряя наглость товарки, но разделяя мысли, ею высказанные. Затем, будто следуя только им ведомому сигналу, все они опустили на колени, сложив перед грудью руки в молитвенном жесте, указательными пальцами вниз.

Я поморщилась. Ну что я на самом деле могу? Только водить за собою весь этот курятник на манер породистого петуха, не позволяя другим петушкам топтать своих куриц. Приказать гостям? А как же дворянская честь? А если среди хлыщей окажется некто посмелее или лучше владеющий мечом? Драться с ними прикажете? Тем более что, кроме титула, мне и опереться-то не на что. Ведь что есть Шерези? Всего лишь захудалый замок. Я слышала краем уха, как среди гостей отпусkaliсь шуточки о бедности здешних владетелей.

Тюк за спиной поехал в сторону, я оттолкнулась рукой, чтобы не упасть, в воздух взметнулось облачко какой-то субстанции, я чихнула от резкого запаха, глаза обожгло.

— Что это такое?

Мари подняла опущенную голову:

— Жгучий перец?

— Откуда?

— Так ваша матушка, милорд, леди Шерези несколько лет назад велела его всем выращивать для малихабарского эпического полотна. Хотя нет, вы, наверное, не помните, вы тогда как раз в путешествии были... Ваша служанка Басти знать должна.

Я кивнула, изображая заинтересованность. Помнила я полотно малихабарское, мне ради него в синей краске голышом позировать приходилось от зари до зари. А помост, на котором я синекожую деву изображала, кручеными ярко-алыми стручками декорирован был. Я еще думала тогда, что вот матушка закончит, я весь этот перец высушу, помелю, на кухню приспособлю. Только он несъедобный оказался. Яркий, нарядный, но в пищу непригодный. Не Малихабар у нас ни разу, чтобы экзотические овощи правильно росли. Когда маменька закончила, я весь перец в мешковину собрала и велела в дальнем амбаре поместить, надеясь, что со временем придумаю ему применение, да и забыла. А он же теперь высох до трухлявости, но жгучих своих качеств не лишился.

Я протерла слезящиеся глаза рукавом. Святые бубенцы, какая бессмысленная вещь этот ваш перец!

Все это время пейзажи с опущенными головами стояли на коленях. Эти тут еще, униженные и оскорбленные! Неужели так сложно своего владетеля в дрызги не впутывать? Тем более что день рождения у владетеля сегодня. Ну отомстили бы обидчикам втихую, те бы мне пожаловались, а уж я бы это без внимания оставила. Граф Шерези это может — ничего не делать.

Мысль о невинной мести как-то очень неплохо себя в моей голове чувствовала, даже, кажется, подмигивала, если у мыслей есть глаза.

— Поднимитесь, — велела я подданным. — Граф Шерези научит вас, как избежать насилия, но для этого тебе, — я кивнула Мари, — придется пожертвовать своими нижними юбками.

Девушки зашущукались, несмело поднимаясь, Мари белье в жертву приносить не собиралась, о чем и сообщила громким шепотом. Так бы и врезала ей, никакого пиетета к аристократии, много я им воли дала. Вот велю сейчас эти самые ее неприкосновенные юбки задрать да выпороть по мягкому месту!

Планы я свои озвучила вовсе не шепотом, а громко, еще и угрожающе поигрывая эфесом меча. Мари упорствовала, но товарки ее, более почтительные, а также опасавшиеся, что эксцентричный граф покусится на их юбки, мельничью дочку скрутили и разоблачили в мгновение ока.

— Что делать дальше, милорд? — спросила одна из девушек, запыхавшись.

Я обвела побоище торжествующим взглядом и поделилась с присутствующими своими планами. Наградой мне послужил восторженный визг и аплодисменты, сменившиеся треском разрываемой ткани. Через полчаса каждый воин девичьей армии Шерези был вооружен минимум одним узелком со жгучим перцем.

— При непосредственной опасности бросайте сразу в глаза, — напутствовала я, — но, если чувствуете, что убежать сразу после броска не получится, проявите притворную мягкость и кротость, а затем...

Окончание моей речи потонуло в хохоте.

Девушки ушли вершить правосудие. Я слегка оглохла от наступившей тишины, отодвинула носком сапога остатки мешковины на полу, потянулась, лениво размышляя, что неплохо бы теперь пробраться в замок и возлечь на графское ложе. Возвращаться на праздник не хотелось. Мари мне завтра сама все расскажет во всех подробностях. Ну то есть не мне, а своей подруге Басти. Жаль, конечно, что ни напиться, ни поцеловаться я так и не успела, но я рассудила, что поцелуи от меня никуда не денутся, а надраться я могу в любой момент. Граф я или не граф, в конце концов?

До слуха моего донеслось какое-то шебуршение, я прищурилась. У дальней стены амбара была свалена скошенная еще в прошлом году трава, из тех, которые в пищу животным непригодны, зато хороши в утеплении худых стен и кровель. Копна явственно

шевелилась, я разобрала тонкий девичий голосок и ленивый бас мужчины:

— Нет никого, все ушли.

Оказывается, я со своим воинством помешала заняться труляля влюбленной паре? На цыпочках я пошла к двери, решив оставить их наедине.

— А как же Басти? — протянула девушка, уже не таясь. — Ты столько лет ее ждешь.

— Значит, не дождался. Да и ты гораздо милее, красавица. Она — чернушка, а ты — сдобный пирожок.

Тут я узнала голос, принадлежащий кузнецу Пьеру, а когда парень сделал нечто, отчего копна вздрогнула и покосилась, а партнерша его радостно взвизгнула, опознала и девушку. Сюзетт — моя вторая ближайшая подруга и наперсница.

— Сюзетт! — застонал Пьер, подтверждая мою догадку.

— О, Пьер, — вторила ему предательница.

Сомнений не оставалось. Быстро подбежав к копне, я выхватила клинок и стала ворошить им траву. Ключья полетели во все стороны. За копной, у самой стены, на рогожке обнаружили влюбленные. Сюзетт, увидевшая меня первой, завизжала, уже не от страсти, столкнула с себя обнаженное тело любовника и ринулась к двери. Девушка была абсолютно голой, ее платье, покровсанное моим клинком, валялось по всему амбару в виде лоскутков. Поэтому, пробегая мимо меня, изменщица схватила с пола мешковину и, закутавшись в нее, выскользнула за дверь. Пьер стоял передо мною покачиваясь:

— Простите меня, милорд.

Милорд? То есть в измене каяться мы не намерены? Я ему, можно сказать, все сердце отдала, девичью честь пообещала, а он свои бубенцы в штанах не удержал?

— Мерзавец! — Я хлестнула его по ягодицам широкой стороной клинка.

Кузнец не попытался защититься, но на лице его читалось удивление.

Стоп, Басти, успокойся. Ты же не собираешься сейчас во всем ему признаваться? Не собираешься пояс свой снять, чтобы до Пьера дошло, перед кем он тут голым задом сверкает? Он же не понимает даже, чем твой гнев аристократический вызван.

Я опустила клинок в ножны, тяжело дыша:

— Этот амбар, мерзавец, принадлежит твоему господину, графу Шерези. Впредь не смей удовлетворять свои животные потребности в моей собственности.

Я развернулась на каблуках. Объяснение так себе, если честно, графский гнев и причина его вызвавшая несоизмеримы. Но Пьер же тупица, ему должно хватить.

Я хлопнула амбарной дверью, отчего хлипкое строение чуть не рухнуло, и поборол кровожадное желание устроить поджог, предварительно завалив выход бревнами. Злость не находила выхода. Было очень обидно. Я как-то уже привыкла, что у меня есть парень и две подруги. Нет, я, конечно, не надеялась, что Пьер мне абсолютно верен. Но одно дело догадываться, а другое — застукать его на горячем. И с кем? Мы же с Сюзетт почти сестры были, мы же клялись друг у друга кавалеров не отбивать.

Я шла через поле к замку, огибая нетрезвых гуляющих и рассеянно кивая в ответ на приветствия.

С Сюзетт у меня кончено. Не знаю еще, под каким соусом я с ней раздружусь, но точно доверять ей больше не буду. Мерзавка, предательница, кокотка!

Встреченная группка девушек радостно меня окружила:

— Все как вы и говорили, милорд. Горсть жгучего перца в штанах остужает пыл любого аристократа.

Я обвела взглядом толпу. Войнство мое, не ожидая наступления, уже всю атаковало. То тут, то там нежная и податливая шерезийская пейзажистка отводила в сторонку кавалера, уже на ходу пытаясь развязать его гюльфик. Что ж, я не могла их за это винить.

— А вы видели Сюзетт? — донесся веселый возглас откуда-то сбоку. — Пронеслась как фахан от святого слова, ругаясь и почесываясь. Говорят, что она побежала к деревенскому пруду.

— Надеюсь, ее достало проклятие какой-нибудь доброй девушки. Пусть отольются разлучнице наши слезы.

— Я хочу на это посмотреть, — сказала красотка, стоявшая справа от меня.

И пейзажистки, улюлюкая и смеясь, побежали прочь, вождедя зрелищ.

Разлучница. Ну да, Сюзетт любила парней у деревенских девиц поотбивать. Только вот меня это, пока непосредственно самой не коснулось, и волновало мало. Смотреть на то, как бывшая подруга остужает в мутной водиче обожженные перцем тела, не хотелось. Вообще ничего не хотелось. И злость ушла, как будто и не было ее. Подумаешь Пьер, найду себе таких Пьеров еще с десятком и подруг других заведу. Впрочем, все равно это пустое. Пройдет еще пара лет, ну хорошо, десятка полтора, моя юная свежесть сменится дородностью. День за днем я буду заниматься хозяйством, общаться с местными кумушками, которым с каждым годом мне все труднее и труднее будет объяснить свое одиночество. Подруги выйдут замуж, нарожают детишек, а я...

Хорошо, что ардерские мужчины не плачут, мой всхлип походил скорее на предсмертный хрип. Я не владетель этого замка, а заложник, пожизненный и без права освобождения.

Встречный дворянчик полез обниматься, заверяя в любви и верности, я оттолкнула его и почти побежала к замку. Домой, под защиту стен Шерези. Мне надоело быть мужчиной. Я хочу забраться под одеяло, снять волшебный пояс и порыдаться над длинной бесполезной жизнью, которая у меня впереди.

На кухне хлопотала Магда, я прошмыгнула мимо нее бесшумной тенью. Искушение не прятаться в спальне, а поплакать на теплом кухаркином плече могло сыграть со мной злую шутку. К тому же служанка была не одна, за столом уютно устроился давешний менестрель Станислас. Судя по тому, что доремарский владетель не почесывал поминутно промежность, а держал руки на столешнице, рядом с верной мандолиной, пейзажисткой мести ему удалось избежать.

В спальне я бросилась на постель, прямо поверх валяющейся на ней одежды. Все, я в домике. И с места не сдвинусь, даже если Спящий проснется, о чем непрестанно твердят бродячие прорицатели. Пусть мир катится в тартарары, мне до него и дела нет.

Из-за двери донесся нежный струнный перебор, затем глубокий мужской голос пропел вступление старинной эпической баллады.

А впрочем, с чего это я слезами умываюсь? Ну не будет у меня мужа-увальня и десятка сопливых отпрысков. Подумаешь, беда какая. Зато стройную фигуру до старости сохраню. Для нас, моделей великих живописцев, хорошая фигура сравнима с ремесленным инструментом. Маленькая моя будет спокойна и счастлива, владения продолжат хиреть, но с этим уж я сделать ничего не смогу, пусть следующий граф с этим разбирается, когда его время придет. И еще, если по существу, — смысл жизни в самой жизни, а уж улучшить этот процесс мне вполне по силам. Я же не училась ничему толком, хотя читать и писать умела. Может, если я займусь постижением каких-нибудь наук, кроме тонкостей позирования и домашнего хозяйства, получится привнести в свое существование больше удовольствия?

Я почти задремала и не заметила, когда струнная мелодия смолкла. Разбудил меня топот у двери спальни.

Я вскочила с постели и распахнула дверь. На пороге стоял Станислас с инструментом наперевес.

— Вы позволите, граф? — Он прижал к груди мандолину. — Станислас Шарль Доре, наследник Доремара. Милейшая Магда оставила меня без защиты, призванная вашей матушкой.

— Защиты? — Полностью не проснувшись, соображала я с трудом.

Очи менестреля заволокло влагой.

— Ваши пейзажи, милорд, не дают мне проходу, я уже отчаялся скрыться от них.

Я посторонилась, приглашая гостя в комнату:

— Видимо, виной тому ваши таланты менестреля?

— Тогда зачем каждая из них пытается залезть мне в штаны?

Возмущенный юноша прошествовал в спальню, уселся на краешек кровати и водрузил на колени мандолину. Я покачала головой. Кажется, мое воинство несколько увлеклось праведной мезтью и теперь наказывает всех подряд. Меня посетило нечто вроде осознания ответственности за происходящее. Станислас шмыгнул носом. Что ж, придется его спасти вторично.

— Я пытался разыскать девушку, Мари Сюзетт, — пожаловался менестрель, когда понял, что гнать его прочь не будут. — И, представьте, познакомился с двумя Мари и пятком Сюзетт, и каждая из них, каждая... — Он смолк, будто не в силах справиться с чувствами.

«Экий размазня», — подумала я, а вслух спросила:

— И для чего же вы разыскивали таинственную Мари Сюзетт?

— Поблагодарить. Эта милая девушка спасла меня от участи, что страшнее смерти...

Мандолина в его руках ожила, и слух мой усладили два первых куплета баллады, которая очень скоро стала популярной. Таким он мне даже нравился. Не шмыгал носом, не стенал, не озирался боязливо.

— Вы путешествуете в столицу? — спросила я, когда менестрель признался, что дальше он еще не сочинил.

— Да, госпожа наша Аврора призывает ко двору... А впрочем, вы об этом осведомлены. Когда я услышал вашу речь, граф, подумал, что могу предложить вам себя в качестве спутника. Меня сопровождает небольшой конный отряд, и я...

Если бы я действительно собиралась покорять столицу, предложение доремарского наследника было бы весьма кстати. Шерези не могут себе позволить конного отряда, да и пешего не могут, а путешествие могло бы занять дней пять, столичный замок Ардер располагался в глубине материка, если верить картам, в четырехстах лье от нашей провинции.

Я велеречиво поблагодарила Станисласа, а затем, так и не дав четкого ответа, сменила тему:

— Вас влечет стезя царедворца или вы, как и я, отдали свое сердце прекрасной Авроре?

— О да, она моя дама. — Менестрель благоговейно закатил глаза. — Она дама сердца каждого благородного мужа нашего королевства!

«Но ради фаты Илоретты ей пришлось потесниться», — проказливо подумала я. К слову, ирония моя была слегка несправедлива. Для рыцаря наличие самой главной женщины в жизни, путеводной звезды и далее по тексту (все же баллад я наслушалась сегодня преизрядно) не перечеркивало возможности легких интрижек. Ведь куртуазная любовь, она всегда безответна, а природа мужская требует кроме нектара и мяса с хлебом, если можно так выразиться.

— Вы рыцарь, милорд? — спросила я.

— Пока нет, — тряхнул он каштановыми кудрями, — но, надеюсь, моя верность будет в скором времени вознаграждена. Ее величество собирается возродить институт королевских миньонов, упраздненный Филиппом Кровавым более ста лет назад, а близость к венценосной особе подразумевает рыцарское звание.

О значении слова «миньон» я могла только догадываться, но решила свою неосведомленность не обнажать. Наверное, это что-то вроде личной охраны. Вот только непонятно, каким образом эту роль собирается исполнять subtilный трусоватый менестрель. Скорее всего, его благородный отец отправил отпрыска в столицу с надеждой, что там из этого тепличного одуванчика выкуют настоящего мужчину.

Гость мой между тем ерзал и бросал осторожные взгляды по сторонам.

— Что вас тревожит?

— Необходимость воспользоваться местами уединения, — полушепотом поведал он, покраснев как юная дева. — Не будет ли оскорбительным с моей стороны просить вас, граф, о сопровождении? Боюсь, что как только я окажусь на дворе...

Я расхохоталась, представив, как отгоняю хворостиной своих пейзажников от справляющего нужду менестреля, и повела рукой в сторону личного клозета.

— Вам не придется подвергать испытаниям свою невинность.

Станислас скрылся за дверь, наконец расставшись со своим инструментом, и я, пользуясь моментом, схватила мандолину. Музыцировать я умела не великолепно, но вполне сносно. Зимы в Шерези долгие и морозные, темнеет рано, поэтому у нас в обычае было собираться всеми домохозяевами в самой крошечной комнате с камином и при свете его предаваться немудреным деревенским развлечениям, как то: чтение вслух или исполнение баллад. Мои пальцы пробежались по струнам. Эффектом я осталась недовольна, все же мужские конечности менее к этому приспособлены. Подкрутив колки и откашлявшись, я собиралась попытаться исполнить обычную шерезийскую песенку, но дверь комнаты раскрылась от толчка и на пороге воздвиглась Клозетта с распущенными волосами, щечками, чей яркий румянец свидетельствовал о недавних возлияниях кузины, и горящими глазками, закутанная в бархатный плащ с меховой опушкой.

Я вскочила и поклонилась. Дева молча вошла, закрыла за собой дверь, опустила засов, затем, решительно обернувшись ко мне, дернула завязки плаща. Бархат медленно сполз с плеч, обнаженных пухлых плеч. Святые бубенцы! Кузина явилась в мою спальню голышом!

— Что происходит? — спросила я, предательски пустив петуха. — Вы в своем уме?

— В своем, — заверила дева, уставившись мне пониже пояса, точнехонько в коко-де-мер.

Я прикрылась мандолиной:

— Немедленно оденьтесь!

— Я сейчас заору, — сахарно продолжила Клозетта. — Под вашими окнами, я знаю, сейчас прогуливается около десятка гостей. Они прибегут на мой крик, выбьют дверь, сокрушив засов. А вы предусмотрительны, граф. Запереть наше гнездышко прежде, чем предаться страсти со мною, — это предусмотрительно.

— То, что вы задумали, — непристойно, — сказала я жалобно, понимая, что попала в непростую ситуацию.

Голая кузина — это уже даже не обручение, а немедленный брак со всеми вытекающими последствиями. Мне попросту никто не поверит, если я попытаюсь оправдаться. Приличные девы сами к кузенам не приходят, это всем известно.

— А мне плевать. — Дева придвинулась, дохнув мне в лицо крепким букетом вина, эля и бормотухи, которую настаивали на травах шерезийские кумушки. — Поэтому, муженек, вспомните, что вы мужчина, и исполните свои обязанности.

Я подумала, что сейчас сама заору, атакованная Клозеттой, и попятилась к ложу.

— Я заведу в Шерези свои порядки. — Дева восприняла мой маневр как капитуляцию. — Батюшка дает неплохое приданое, я смогу отстроить замок в соответствии со своим вкусом. Здесь перестанет вонять как на конюшне, а леди Шерези отправится в монастырь Светлейшей Алистер. Жизнь наша будет прекрасна.

Груды кузины колыхались, когда она неторопливо подходила ко мне.

Спасение пришло неожиданно. Атака настолько меня фраппировала, что я абсолютно забыла о менестреле, уединившемся в месте, название которого было созвучно с именем кузины.

— Граф!

— Туше, — пробормотала я в сторону, затем громче обратилась к Станисласу: — Не были бы вы столь любезны, мой дорогой друг, подойти к окну и поприветствовать гуляющих под ним господ?

Отодвинув плечом посрамленную Клозетту, я тоже перегнулась через подоконник и, плечом к плечу с наследником Доремара, прокричала:

— Добрый вечер, любезные гости!

Когда я обернулась от окна, кузина уже стояла закутанная в плащ.

— Не думаю, что, если уединение ваше в комнате с двумя мужчинами раскроется, вам хоть когда-нибудь удастся выйти замуж даже за последнего козопаса, — сказала я ей не без злорадства. — Так что отпирайте дверь, любезная родственница, и отправляйтесь к себе.

Она не возражала. Лишь глаза-щелочки гневно сверкали. Клозетта думала, переводя взгляд с меня на Станисласа и обратно, затем фыркнула, видимо так и не додумавшись, как обратить конфуз себе на пользу, и ушла, хлопнув напоследок дверью комнаты.

— Наверное, в воздухе Шерези есть нечто такое, что вызывает в девах самые непристойные чувства, — задумчиво проговорил Станислас.

Я бухнулась на постель. Надоело! Семейство Фроше сидит у меня в печенках! Да что это за люди такие, что считают возможным добиваться желаемого любыми средствами? Не благородные, это уж точно! Да куда им вообще титул? Они его попросту недостойны. Пройдохи! Плуты! Гнев мой был настолько силен, что стало трудно дышать. Да если бы я действительно была мужчиной, я быстро поставила бы наглецов на место!

В дверь постучали, Станислас потянул за створку, за которой обнаружилась вторая моя кузина, Лизетта, в бархатном плаще с меховой опушкой.

— Ой, вы не одни, — пискнула она.

— Убирайтесь! — рявкнула я и замахнулась мандолиной. — И передайте младшей сестре, что, если она тоже надумает явиться в графскую спальню, я...

Удаляющийся дробный стук каблучков был мне ответом.

— Будем ждать третью? — по-деловому спросил Станислас, отбирая у меня инструмент.

— Я принимаю ваше предложение, Станислас Шарль Доре, — неожиданно даже для себя сказала я. — Мы отправимся ко двору вместе.

Менестрель радостно хлопнул в ладоши:

— Отправимся на рассвете, граф, с первыми лучами лорда нашего Солнце.

Приняв решение, отступить от него не следует. Об этом мне напоминает девиз рода Шерези, вышитый вязью на полотнище, что украшает стену главной залы, — «Промедлить — значит, потерять честь!»

Поэтому я занялась сборами. Лошадь у меня одна, почтенный одёр Клиш, некогда бывший неплохим рысаком, но от старости потерявший все свои стати, мог преодолеть в

день около десяти лье, но это только с седоком, значит, поклажа моя должна быть легчайшей, не доставляющей дополнительных трудностей коню. Я достала из сундука холщовую суму, запахнула в нее запасные штаны, две рубахи и камзол, чем полностью ее заняла. Плевать! Все равно в эти латаные тряпки при дворе ничего, кроме смеха, не вызовут. Это хорошо еще, что сейчас не времена Филиппа Кровавого, при котором в бою использовалась тяжелая рыцарская конница, лет сто назад Клишу пришлось бы тащить на себе полный металлический доспех немалого веса и, наверное, алебарду, которую мой прадедушка, мир его праху, тоже нарек фамильной. Так. Что мне еще пригодится? Письма! Мне нужно иметь при себе послание королевы, и неплохо бы еще пару листочков, исписанных матушкиным почерком, сиречь рекомендательных писем, а также фамильный рубин Шерези, который подтвердит мою личность лучше бездушной бумаги.

Станислас не хотел оставаться в одиночестве, он опасался нашествия голых кузин или абордажной атаки через окно одетых пейзанок. Я успокоила его, как могла, испытывая немалое раздражение, велела задвинуть засов, а в крайнем случае скрыться в клозете и ждать подмоги в моем лице. Я собиралась совершить нечто вроде внутрисемейной кражи, и свидетели мне были ни к чему. Наконец, орошенная горькими менестрельскими слезами, я смогла выйти из спальни и отправиться в другое крыло, в опочивальню матушки. Замок все еще пустовал, но я тем не менее проявила немалую осторожность, памятуя, что барышень Фроше все же трое, а отделанных мехом плащей может быть и поболее. Прокравшись в родительские комнаты, я уверенно зажгла настенный светильник и, откинув крышку сундучка, в котором, как я знала, леди Шерези хранит документы, принялась там хозяйничать. Преступление заняло минуты три от силы. Шкатулка с фамильным рубином, повеление ее величества, два рекомендательных письма — все это перекочевало из сундука в рукава моего камзола и кошель, который я предусмотрительно привязала к поясу. Разогнувшись, я оглядела помещение. Все было как обычно, только у безжизненного камина на сколоченной из досок крестовине обнаружилось алое шелковое платье, обшитое золотым шнуром, рядом на табурете стоял эннен, также алый, и остроносые туфельки. Видимо, маменька подготовила себе праздничный наряд на следующий день. Мне нужно было уходить, но наряд настолько привлекал к себе, что я не удержалась, подошла, провела пальцами по витому шнуру, тронула отделку туфелек. За платьем на перекладине висели нижние юбки тончайшего шелка, а к ним чулки.

— Что ты здесь делаешь?

Появления маменьки я не ожидала, поэтому ойкнула, молниеносно отскочила от наряда, покраснела и наконец, повинилась, опустив очи долу:

— Мне нет здесь места, будущее туманно и не принесет радости никому из Шерези. Если есть хотя бы призрачный шанс, что мне удастся сделать карьеру при дворе, им нужно воспользоваться. Граф исполнит свой долг наследника.

Пауза, наступившая после признания, повисла в тишине. Трещал огонь светильника. Маменька развернулась, сняла свой головной убор и, подойдя к двери, тщательно ее заперла. Я горестно вздохнула, поняв, что о побеге могу забыть.

— С днем рождения, дорогая. — Леди Шерези повела рукой. — Я подготовила этот наряд для тебя в качестве подарка.

Я всхлипнула и бросилась в объятия матушки.

— Благодарю, о благодарю вас...

— Ты выросла красивой девочкой. — Маменька с силой сжала мои плечи. — Знаю, в том, что мы с тобой оказались в такой нелепой ситуации, в основном моя вина. Мне не следовало возлагать на тебя тяжкий груз притворства, сразу признаться во всем, но я оказалась слишком слабой. Мне не хотелось терять преимущества, которые дает владение замком и титул, но расплачиваться за мои удобства пришлось тебе, девочка моя.

Леди Шерези вытерла с моих щек слезы, помогла снять камзол, расстегнула пояс:

— Примерь, мне хочется посмотреть на тебя в женском наряде.

Я переделалась в шелковое платье, надела туфельки и, подойдя к зеркалу, спрятала свои короткие волосы под эннен.

— Великолепно. — В маменькином взгляде читалась грусть.

Она достала из пристенного шкафчика покрытую паутиной бутылку и два бокала.

— За нас, моя дорогая, за тебя и за твое блистательное будущее.

Вино было янтарного цвета и невероятной густоты, сладкое, тягучее, оно перебило соленый вкус слез и безысходности. Я подумала, что обязательно попрошу маменьку изобразить меня в этом платье, мне не нужно огромное полотно, лишь небольшая картина, на которой я смогу любоваться Бастианой — какой она могла бы стать, если бы у нее был брат, принявший титул, а с ним и обязанности перед семьей. Но озвучить это желание не удалось. Настроение леди Шерези изменилось, ушла сентиментальная грусть, уступив место деловитости.

— Каким образом ты намереваешься попасть в столицу?

— Кхм... — Пустой бокал упал на ковер. — Вы меня отпускаете?

— У меня есть выбор? — Она пожала плечами. — Благородный Станислас, которого я обнаружила в твоей опочивальне, рассказал мне об осаде барышень Фроше, которую вам удалось выдержать. Медлить недопустимо. Нам сейчас нечего противопоставить напору родственников. Отправляйся в столицу и добейся величия Шерези!

Я кивнула, хихикнула, снова кивнула.

— Поторопись, — велела матушка. — Франц уже готовит Клиша, лучше, если ты уедешь еще до рассвета. — Поняв, что быстроты действий от меня ждать не стоит, леди Шерези принялась переодевать меня обратно.

— Фата Илоретта пояснила тебе, как сохранить твою женскую сущность от людей?

— Да, раз в луну мне надо будет провести ночь без пояса и, если я ничего не путаю, в воде.

— Прекрасно. Тебе недостает рыцарского воспитания, поэтому используй любую возможность постичь мужскую суть. Лорд Доре, кажется, хороший мальчик.

— Он трус.

— Не важно, даже если тебе придется защищать его, как учитель он бесценен, в Доремаре уже много поколений готовят прекрасных воинов и куртуазных кавалеров.

— Как скажете, матушка.

— Избегай поединков, пока не сможешь изобразить сколько-нибудь достоверный бой.

— Я хитра.

— На это все мои надежды, дорогая. — Матушка глубоко вздохнула. — Помни, люди в большинстве своем существа недалекие и думающие прежде всего о себе, не оправдывайся, не лги, если тебя смогут поймать на лжи, и обязательно найди опекуна, аристократа, в тени которого сможешь быть в безопасности.

Я послушно внимала наставлениям.

— Вот еще. — Леди Шерези достала из ящика стола небольшой сверток. — Денег у тебя немного, в столице разыщи доманского купца по имени Пучелло, он с удовольствием купит у тебя несколько картин.

— Хорошо. — Я взглянула в зеркало, из которого на меня посмотрел молодцеватый граф Шерези. — Спасибо, матушка, я запомню все ваши слова.

— Ступай, я хочу побыть в одиночестве и помолиться.

Я еще раз ее обняла, а перед тем, как удалиться, прихватила с собой свою новую нижнюю юбку. Матушка не возражала, заверив, что шелковое платье дождется свою владелицу. А вот на нижнюю юбку у меня были другие планы.

Станислас меня ждал с нетерпением, поэтому без лишних слов я велела выдвигаться.

Клиш, уже под седлом, стоял на конюшне. Франц, наш садовник и конюх в одном лице, отдал нам благородное животное без возражений.

— Доброй дороги, милорд, — сказал он, передавая мне поводья.

Старый слуга о наших внутрисемейных маскарадах осведомлен не был. Ему просто велели подготовить лошадь для графа. Я поблагодарила его кивком, затем попросила:

— Передай Магде мои пожелания здоровья.

Слуга поклонился и зычно проорал:

— Наш лорд велит тебе быть поздоровее, кошелка ты старая!

Вышеозначенная кошелка выскочила из-за угла с молодецким задором:

— Будет исполнено, ваша милость!

Женщина наскоро осенила меня знамением поддержки небесных богинь, затем, покосившись на Станисласа, быстро поцеловала в щеку:

— Покажи там всем, чего стоят Шерези.

В моих руках оказался теплый полотняный сверток.

— Пирог в дорогу, — пояснила кухарка громко. — Уж не побрезгуйте, милорд.

Я взгромоздилась на Клиша, мой спутник устроился сзади, обхватив меня за талию, и мы покинули мой отчий дом.

Путь наш лежал сначала в деревню, где на постоялом дворе дождалось наследника Доремара его сопровождение.

— Мне кажется, сейчас надо было повернуть направо, — пробормотал мне на ухо Станислас, когда мы поравнялись с мельницей.

— Ваши познания в топографии вызывают восхищение, — согласилась я и спрыгнула на землю. — Подождите, мне нужно кое-что сделать.

За мельницей протекал ручей, через который я перешла по перекинутым мосткам. В окошке мельничного домика горел свет.

— Мари, — негромко позвала я, бросив в окно горсть мелких камешков.

Подруга выглянула, охнула, исчезла из виду, чтобы через несколько мгновений выбежать ко мне во двор.

— Какая честь, милорд, — пробормотала она, запахивая на груди шаль и стремительно краснея.

— Держи. — Я протянула ей сверток с нижней юбкой.

— Милорд! — Она быстро развернула его, потерлась щекой о нежный шелк. — Чем я могу выразить свою благодарность?

Я покачала головой, а когда девица отбросила шаль и принялась стаскивать с плеч платье, даже немного испугалась. Благодарность такого рода мне уж точно не требовалась.

Издали донесся звук мандолины, это мой вежливый спутник намекал, что пора в дорогу.

— Прощай, милая.

Я быстро удалилась, подавив неуместное хихиканье. Ай да Мари, а она всегда казалась мне такой тихоней.

Через десять минут мы со Станиславом встретились с его сопровождением, а еще через полчаса покинули Шерези в составе небольшого вооруженного отряда.

Мармадюк сидел в замковом саду на скамейке, наслаждаясь вечерней прохладой и пением птичек над своей головой. Шут был по обычаю благостен и расслаблен, лишь время от времени бросая быстрые взгляды из-под опущенных век. Он кого-то ждал. Вскоре на гравийной дорожке появился мужчина — седовласый вельможа в строгом черном одеянии. Мармадюк приветливо помахал ему рукой, но подниматься со своего места не стал.

— Вечер, — проговорил мужчина, присаживаясь на скамейку.

— Какое тонкое наблюдение, — улыбнулся шут. — Не буду с вами спорить, канцлер.

Канцлеру ван Хорну было уже крепко за сорок, двигался он с расчетливым величием, говорил едва размыкая губы, будто каждое сказанное слово требует усилий, а смотрел на собеседника с явным выражением брезгливости. Мармадюку ван Хорн не нравился, впрочем, это было взаимно. Они терпели друг друга только потому, что другого выхода не было. Если канцлер формально являлся вторым лицом в Ардере, то шут им был неформально, поэтому им приходилось уживаться, даже проворачивая совместно некоторые стратегические комбинации, ведущие чаще всего к процветанию королевства.

Они немного помолчали. Встречу назначил канцлер, и Мармадюк оставлял за ним право первого хода.

— Как поживает ее величество?

— Неплохо, в чем вы, наверное, успели убедиться во время недавнего совета.

Они опять замолчали. Мармадюк никуда не торопился, он вытянул перед собой длинные ноги, скрестил руки на груди и, кажется, задремал. По крайней мере, мелодично захрапел и опустил голову на плечо собеседника. Издали их вполне можно было принять за парочку.

— Шут, — пробормотал канцлер.

— И снова в точку.

Ван Хорн поморщился и отодвинулся на край сиденья.

— Что за блажь пришла в головку нашей повелительнице? Турень намекал, что вскорости нам сообщат об организации некоего института?

— Она вам не говорила?

— Что имеется в виду?

— Ее величество желает завести при своем дворе миньонов, — ответил Мармадюк. — Видимо, она не сочла эту новость достойной быть озвученной во время совета. Она уже призвала ко двору наследников нескольких десятков дворянских фамилий. Молодые люди, свежая кровь, новые лица.

— Оборванцы. И где же она возьмет денег на свои причуды?

— Думаю, у вас, — расхохотался шут. — Всей Ардере известно, у кого здесь самая плотная кубышка.

Ван Хорн задумчиво потер бритый подбородок:

— А если я не дам?

— Тогда даст кто-нибудь другой — лорд Вальденс или Турень. Им ведь не придется объяснять, что участие в образовании нового ближнего королевского круга — дело выгодное. У каждого из этих достойных лордов есть сыновья, которые в случае, если они войдут в этот круг, смогут без особых усилий блюсти интересы родителей. Провинциальные дворянчики — это, конечно, мило, но им трудно будет тягаться со столичной молодежью.

— У меня тоже есть сын.

— Юный Гэбриел, кажется, вернулся ко двору из вашего родового замка?

Отвечать не требовалось, лорд ван Хорн не любил лишних слов.

— Я участвую, — твердо проговорил он, поднимаясь. — В казначейство будет доставлена требуемая сумма уже к завтрашнему вечеру.

Канцлер удалился не прощаясь, а Мармадюк остался на скамейке, у него здесь было назначено еще две встречи — с Вальденсом и Туренем, которым он сделает то же самое предложение. Аврора будет довольна, деньги на ее миньонов нашлись.

Глава 3

ЧЕТЫРЕ ПРОТИВ ТРЕХ

В дверь стучали. Гэбриел ругнулся, накрыв голову подушкой:

— Пошли вон, каналы!

— Любовь моя... — Моник провела тонким пальчиком по его спине. — Просыпайся, тебя ждут великие дела.

— Подождут. — Гэбриел сгрел девушку в охапку, дернул тонкое кружево пеньюара, обнажая полные белоснежные груди.

Она засмеялась как серебряный колокольчик, выгнулась на постели, отвечая на ласку.

Моник была шлюхой, высокопробной и очень дорогой, но сын канцлера ван Хорна мог себе ее позволить. Ее чуть рыхловатое тело, ее пепельные локоны, пухлый ротик, большие кукольные глаза — чтобы получить весь этот набор, дополненный вполне искренней страстью и избирательностью, которую демонстрировала кокотка, одних только денег было недостаточно, ну, по крайней мере, она его в этом уверяла.

— Малыш Гэбри опять готов к бою? — Шаловливые пальчики уже начали путешествие по его телу, Моник не возражала против быстрых утренних ласк.

Они приступили к делу, и все бы довольно скоро завершилось, но дверь вылетела от удара снаружи.

— Креспен, каналья!

Креспен, капитан личной гвардии канцлера ван Хорна, обвел спальню орлиным взглядом:

— Ваш родитель ждет вас во дворце, милорд.

Перед словом «милорд» вояка сделал небольшую, но вполне читаемую паузу. «Щенок, повеса, транжира, — было в ней, — недостойный великих свершений твоего отца!»

Гэбриел поднялся с постели, оставив простыню Моник. Та не спешила прикрываться, дразня Креспена своей наготой. Капитан дернул кадыком, раздул ноздри длинного носа и отвел взгляд. Он не был богат, не был хорош собой, не был знатен. Возлечь на ложе страсти с такой женщиной он мог разве что в мечтах.

— Поторопитесь, милорд, — твердо сказал он, зная, что щенок может разве что тявкать, кусать ему было не позволено.

Щенок между тем побрел на нетвердых, видимо вследствие вчерашних возлияний, ногах к столу, отщипнул от грозди виноградинку, налил из графина вина в раззолоченный бокал.

— Моник, дорогая, прикажи подготовить для меня ванну.

— Как пожелаешь, любовь моя, — хихикнула кокотка и, накинув на плечи простыню, выскользнула из комнаты.

— От меня воняет, — доверительно сообщил Гэбриел капитану. — Мы же не хотим, чтоб ее величество морщила носик при имени ван Хорн?

Креспену не оставалось ничего другого, как ждать.

Две статные горничные принесли горячую воду в ведрах, щенок, нисколько не стесняясь своей наготы, прошел за ними в умывальню, его каштановые с рыжиной волосы падали на плечи. Если бы не шрам на левой щеке, Гэбриела можно было назвать красавцем, он был хорош той слегка порочной красотой, которая присуща сынкам богатых родителей. Его зеленовато-серые глаза излучали лишь два оттенка чувств — равнодушное презрение и презрительное равнодушие, что, видимо, являлось результатом

пресыщенности, — а довольно большой рот чаще всего кривила полуулыбка.

«У такого родителя такой сын, — думал капитан, присаживаясь к разоренному столу, — воистину — гора родила мышь. Мальчишка глуп и развратен. Он не умеет фехтовать, избегает драк и мужского застолья, зато азартен в играх и делах любовных». У самого капитана детей не было, но он был уверен, что воспитал бы их в строгости и уважении к старшим. Ван Хорн, не этот щенок, а лорд-канцлер, с сыном дал слабину, потакает его привычкам, оплачивает причуды. Нет, Креспен конечно же был свидетелем пары-тройки, а если честно — пары-тройки десятков наказаний, но что такое порка, когда...

— Креспен, велите подготовить портшез, — донеслось из умывальни, — я не в состоянии сесть верхом.

Капитан вышел во двор, кликнул слуг. Сборы заняли около полутора часов, потому что сначала была ванна, потом завтрак, чтобы не упасть в обморок пред светлые очи ее величества, потом Гэбриел дважды посылал за костюмом, ибо первый из принесенных из дому был признан недостаточно нарядным. Когда процессия сына и наследника канцлера ван Хорна стартовала от ворот веселого дома «Три сестрички», от горящих от гнева щек Креспена можно было зажигать лучины.

Молодого человека, едущего в портшезе, сопровождала четверка конников под предводительством капитана, призванная разгонять досужую толпу. Нелишняя предосторожность, ибо в столице сегодня было многолюдно, кроме официального представления молодых людей королеве предполагались также рыцарский турнир, выступления акробатов, музыкантов и танцы. Неудивительно, что на празднество просто хлынул народ.

На Королевской площади портшезу пришлось остановиться, ибо здесь было вообще не протолкнуться. На помостах уже выступали артисты, пронзительные звуки дудок, перекрываемые шумом толпы, возносились вверх, к крохотным фигуркам канатоходцев, которые, кажется, парили в воздухе подобно птицам или эфемерным сифам. Капитан попробовал проложить путь сквозь орущую и веселящуюся толпу, неподалеку занимались тем же примерно делом другие вояки, спешащие доставить пред очи королевы своих подопечных, и тоже безуспешно.

Креспен плюнул, витиевато ругнулся и, спешившись, отодвинул шторку портшеза.

— Придется поработать ножками, милорд.

Милорд работать не желал, тем более ногами. Перепалка грозила затянуться, но тут с ними поравнялся другой портшез.

— Гэбриел, дружище, — показалось в окошке слегка опухшее лицо Анри графа Турень, тоже достойного наследника. — Вы покинули нас вчера так неожиданно, я даже не успел вернуть вам выигрыш...

Анри распахнул дверцы, величественно ступил на мостовую, каблучки его длинноносых, по нынешней моде, туфель моментально увязли в площадной грязи.

— Три тысячи фаханов! — чертыхнулся дворянин, размахивая руками. — Грязные свиньи! Отребье! За...

— Что происходит, господа? — К компании приблизился лорд Морис, наследник Вальденса, его сопровождала четверка алебардчиков, сгрудившаяся сейчас за узкой спиной господина. — Гэбриел, дружище, я, кажется, задолжал вам за вчерашнюю игру...

Креспен обернулся. Оказывается, его подопечный уже покинул портшез и теперь с отвращением смотрел себе под ноги.

Значит, вся неблагая троица в сборе, а капитан так надеялся, что ему не придется присматривать еще и за приятелями молодого ван Хорна. Молодые люди дружили довольно давно, если можно назвать дружкой совместные попойки и ночи, проведенные за игрой в карты. Толстый, тонкий и меченый, так называл их про себя Креспен. Он быстро переговорил с капитаном алебардчиков, дал указания меченосцам Туреня, и, выстроившись клином, объединенный отряд охраны стал прокладывать путь в толпе своим господам.

У ворот внутреннего замка народа было поменьше, капитан показал королевским стражникам пропуск и прикрепил на расшитый золотом камзол Гэбриела шеврон в виде звезды, которым отмечались претенденты.

— Канцлер ждет вас внутри, милорд.

Личная охрана внутрь не допускалась, и ван Хорну предстояло продолжить путь самостоятельно. Щенок никак не выразил благодарности, он с равнодушным презрением наблюдал за группкой провинциалов, получающих свои шевроны у стражников. Молодые люди составляли разительный контраст столичным дворянам. Одеты кто во что горазд, в основном в вышедшие из моды камзолы, огромные береты с заломами, высокие ботфорты, они выглядели жалко и потрепанно. Один из них, возвышающийся над окружающими на целую голову, эдакий человек-гора, был вообще облачен в клетчатую юбку чуть ниже колен. С какой из ардерских гор спустился этот наследник? Но внимание младшего ван Хорна привлек вовсе не горец, он смотрел на юркого молодого человека, почти мальчишку, с гладким девичьим личиком и белозубой улыбкой. Мальчишка что-то говорил окружившим его дворянам, отчего те покатывались со смеху.

— Бойкий малыш, — протянул Гэбриел, как показалось Креспену, с легким сожалением.

— Идемте, дружище?

Турень и Вальденс, тоже отмеченные шевронами, уже отпустили свое сопровождение.

— От этих провинциалов воняет конюшней, — громко сообщил лорд Анри и, проходя мимо какого-то молодого человека с мандолиной, толкнул того плечом.

Притворяться мужчиной в Ардере оказалось делом плевым. Никому не спускать, лезть на рожон при любом удобном, а лучше неудобном случае — вот и вся премудрость. Обучил меня ей дядюшка Станисласа, Шарль Доре, командир нашего сопроводительного отряда. Он же посвятил меня в тонкости заточки клинка. Что там матушка говорила про доремарских куртуазных кавалеров? Все оказалось мифом. Дядюшка не умел ни читать, ни писать, презирал искусства и своего племянника, зато ценил скабрёзные истории, которые я выдавала на привалах у костра на манер малихабарской царевны Шахерезады. Дай Спящий здоровья Францу, Магде и благослови длинные зимние вечера в Шерези, которые вкупе наградили меня столь ценными в походах знаниями.

За десять дней пути о моей истинной сущности никто не догадался. Единственной проблемой для меня стало справление естественных надобностей, таких естественных для мужчин, которым достаточно было спешиться и отвернуться. Иногда, правда, кое-кто и не отворачивался, и я выучилась не краснеть, выучилась пить в дороге как можно меньше жидкости, а также выжидать, когда все заснут, и углубляться в благословенную темноту ночи. Каждый вечер перед сном я думала о том, что все слишком просто, что так быть не может и вот уж завтра на меня навалятся неразрешимые трудности. А еще я узнала, что значит миньон. Дядюшка Шарль сообщил об этом, уважительно кивая на коко-де-мер, топорщащийся в районе моего гульфика, и еще заржал, видя мою растерянность. Как мне удалось не брякнуться в обморок, осталось тайной за семью печатями. Святые бубенчики! Эту службу я для своей королевы исполнить не смогу при всем желании. Развернуть Клиша в Шерези? Ну это, положим, я всегда успею. Тем более что претендентов на королевское ложе кроме несчастной меня будет презрительно. Скорее всего, до этого самого и не дойдет. Может, если я буду достаточно скромна и незаметна, участь сия меня минует?

Собравшись с силами, я попыталась осторожно расспросить Станисласа, как он собирается действовать, если венценосная особа остановит взгляд на нем. Станислас был бы счастлив и готов хоть вот прям сейчас доказывать ее величеству Авроре свою любовь и преданность самым приятным для мужчины образом.

— Вас что-то тревожит, граф? В Шерези вас ждет невеста, та самая девушка, с которой вы прощались перед отъездом?

Я хмыкнула в ответ что-то нечленораздельное, менестрель продолжил:

— Она поймет, не сомневайтесь.

— Кто, Аврора?

— Да нет же, — улыбнулся Станислас, — ваша невеста. Она одобрит все, что потребует королева, уж будьте уверены.

Я прикинула, вот ежели бы Пьер, предположим, возлег не с моей подругой, а с самой владелицей Ардеры, я испытала бы ревность? Да уж точно! Какая разница, с какой женщиной изменяет тебе твой парень? Измена есть измена, и прощаться, а уж тем более оправдываться не должна. Хотя, может, у аристократов по-другому внутри все устроено, не физически, а умственно?

Я покачала головой, решив, что раз гипотетическая шерезийская невеста в расчет не берется, то и врать о ее существовании не стоит. Будем решать проблемы по мере их возникновения. А то вообще обидно может получиться, я тут напридумываю две тысячи причин невозможности разделить страсть с королевой, а она меня, то есть графа, и сама не захочет. Это может обидно получиться, разочаруюсь еще, обижусь пренебрежением, вразнос пойду. Как ходят вразнос отвергнутые мужчины, я представляла себе слабо, но была уверена, что и это разыграю как по нотам. Я же способная.

Разговор со Станисласом происходил на последнем привале, на рассвете планировалось войти в Ардер, и дядюшка велел нам выспаться перед завершением похода. Ночевали мы прямо на земле, не разбивая походных шатров. Плащ у нас со Станисласом был один на двоих. Укрывшись своей половинкой, я прикрыла глаза, пережидая, пока сосед заснет, чтобы отправиться в лес и заняться обычными ночными делами. Менестрель все еще сидел у костра, пощипывая струны мандолины.

— Думаете, нам удастся чего-то достичь при дворе? — спросила я его.

— Это не главное, Бастиан, — пропел менестрель под струнный перебор. — Делай что должно и будь что будет...

Девиз Доремаров прекрасно ложился на музыку. Когда Станислас Шарль Доре наконец заснул, я выбралась из-под плаща и отправилась по своим делам. Дозор клевал носом у соседнего костерка. Места не считались опасными, поляна, где мы расположились на ночлег, была на обочине столичного тракта, который охранялся королевскими стражниками. То там, то здесь между деревьями мелькали огоньки костров, не только наш отряд двигался в сторону королевского замка. Я спустилась к какой-то речушке, берега которой густо поросли кустами, и, совершив необходимое, разулась и присела на мостки, опустив в воду босые ноги. В ночном небе ярко светила Алистер, серпик Нобу был едва заметен. До полнолуния дней двадцать, я успею придумать, каким образом смогу провести ночь без волшебного пояса. Пока все складывается наилучшим образом. У меня есть друг и соратник, кстати, нужно будет предложить менестрелю перейти на «ты». Насколько я поняла, наше с ним «выканье» выглядит в чужих глазах несколько архаично. Послезавтра важный день. Я увижу королеву, я познакомлюсь с ардерскими аристократами. Следующую ночь мы проведем уже в столице, чтобы утром отправиться ко двору.

За спиной хрустнула ветка, я дернулась, схватила меч, лежащий по правую руку.

— Простите, я не хотел вас напугать. — Молодой человек, спускающийся ко мне, поднял руки, демонстрируя дружелюбие намерений.

Алистер была почти в зените, ее света было достаточно, чтобы все рассмотреть.

Меч у пришельца, конечно, был, болтался в ножнах на поясе, но незнакомец его не обнажил. На эфесе я заметила гербовое тиснение — трилистник со стертой эмалью. Ленстер? Клиах?

— Еще раз простите... Меня зовут Патрик Уолес, четвертый сын князя Ленстера, к вашим услугам.

Я угадала. Захудалое княжество у подножия Ардерских гор — овцы, сыр и былое величие. Все как в Шерези, только без овец и сыра. Семейный кристалл — изумруд, герб — мятный клевер, князь — выживший из ума скаред, наплодивший наследников без

счета. Этот четвертый? Значит, после него еще человек десять претендентов на княжеский титул, это если только мальчиков считать. А ведь только их и считают, сколько у Ленстера дочерей, наверное, даже он не знает.

— Бастиан Мартере граф Шерези, — представилась я, продемонстрировав ленстерцу свой герб.

Мы чинно поклонились друг другу, сложив перед грудью руки, я даже привстала по такому случаю.

Еще не разогнувшись после поклона, мой новый знакомый быстро стянул сапоги и уселся на бережок.

— Уф... Сегодня лье шесть пешком прошел. — Когда босые ноги ленстерца опустились в воду, лицо осветилось блаженством. — Вы верхом?

— Конечно. — Я решила, что прерывать свою ножную ванну тоже не буду. — Четыреста лье иначе не преодолеть.

— Ну почему же. — Патрик поднял глаза к небу, они у него были зеленые, как мятный клевер, а волосы — днем, наверное, с рыжиной, но сейчас серебристые, как далекие звезды. — В среднем пешеход проходит в час около одного лье, следовательно, проходя в день по шесть часов, вы могли бы достигнуть столицы чуть больше чем за год.

Он бормотал уточнения, а я любовалась его лицом, освещенным луной. Таких красивых мужчин мне видеть еще не приходилось. Благородные черты, аккуратный прямой нос, тонкие брови вразлет, четкого рисунка губы с ямочкой над верхней. Вот именно таких красавцев, наверное, и будет вождество наше величество, вы, граф, можете быть спокойны. Но спокойствия я не ощущала, а накатило какое-то разочарование, что не смешливая Бастиана сидит сейчас на моем месте, уж она бы получила от разговора большее удовольствие, она бы стреляла глазами и улыбалась.

— Вы не против?

— Что? — Я вынырнула из грез, понимая, что промечтала довольно долго.

— Не возражает ли граф, если мы с наследником Виклунда присоединимся к вашему отряду?

Еще один дворянин, настолько бедный, что не может позволить себе скакуна?

— Сопровождение принадлежит Станисласу Шарлю Доре, наследнику Доремара, — объяснила я. — Но не думаю, что...

На этот раз ветка не хрустнула, я почувствовала за спиной движение, резко обернулась, опять схватившись за меч.

— Это Оливер, — сказал Патрик. — Он абсолютно безопасен.

По берегу спускался настоящий великан со сверкающими в свете луны коленками. Святые бубенчики! Он был в юбке!

Видимо заметив мое удивление, лорд Уолес продолжил:

— В горных кланах, наследником одного из которых является мой друг, принято одеваться именно так.

— А женщины там носят штаны?

— Тоже юбки, — со вздохом ответил Патрик. — Но гораздо длиннее.

Вздох был мне понятен. Любоваться женскими коленями, скорее всего, приятнее, чем мужскими, тем более что выше и ниже колен ноги наследника Виклунда поросли курчавыми волосами.

Великан приблизился, Патрик представил нас друг другу. Меча у него не было, но с такими физическими данными он был и не нужен. Кроме юбки на Виклунде было надето

что-то вроде клетчатого плаща поверх сорочки и клетчатые же носки до середины голени, обут он был не в сапоги, а в кожаные туфли, плотно охватывающие стопу.

Впрочем, сразу после приветствий носки оказались на берегу вместе с туфлями. Ножные ванны этой ночью пользовались успехом у провинциальной аристократии.

— Ты не торопился, — попенял спутнику Патрик.

— Эти дела надо делать тщательно, — ответил великан густым басом. — Торопиться вредно, у меня от этого дядя умер.

Уолес страдальчески приподнял брови и прошептал в мою сторону:

— Семь дней пути, семь, Басти...

Я хихикнула.

У моих новых знакомых при себе был тугой бурдючок с вином и головка красного сыра, великан вытащил припасы из заплечного мешка, который, пока его не сняли, вовсе был незаметен на фоне его массивной фигуры.

Спать лорды не собирались, я, кажется, уже тоже. Мы разломали сыр и пили вино, оказавшееся, впрочем, простецким сидром, передавая бурдюк по кругу.

Патрик показал себя приятным собеседником, слегка излишне заумным, на мой непросвещенный вкус, но интересным. По призванию он скорее был ученым, чем царедворцем. Воспитывали четвертого сына Ленстера в монастыре Светлейшей Алистер, так что уже к пятнадцати годам его познания в языках, географии и математике были солиднее, чем совокупные знания всех подданных его отца. Затем подростку, у которого уже ломался голос и росла борода, пришлось покинуть женскую обитель во избежание кривотолков. И еще пять лет он провел в ученическом служении у географа Арриана, сосланного в провинцию его величеством Ригелем Безумным за какие-то прегрешения. Сейчас его учитель отошел к Спящему лорду, и Патрик решил отправиться в столицу — его влекла ардерская библиотека и возможность посещать лекции в университете. Указ королевы Авроры, присланный папеньке, оказался как нельзя более кстати. С добродушным увальнем Оливером Виклундом он познакомился в придорожном трактире семь дней назад, когда спина к спине отбивали нападение местных разбойников. Молодые люди решили продолжить путешествие вместе. Поглядывая искоса на Оливера, я думала, что тоже не отказалась бы от такого охранника.

Сидр очень быстро ударил в голову, я развеселилась, орала, рассказывала свои истории и собиралась пойти в лагерь, чтобы растолкать Станисласа, потому что душа требовала музыки.

— Спокойно, Басти. — Патрик обнял меня за плечи. — Не будем злить того, от кого в данный момент зависит наше благополучие.

— У меня от этого дядя умер, — вторил ему Виклунд, запрокидывая бурдюк.

Надо ли уточнять, что проснулась я, когда лорд наш Солнце было уже почти в зените, с тяжелой с похмелья головой и пересохшей гортанью.

Затуманенный взгляд скользнул в сторону, встретился с бледно-зелеными глазами Патрика. Я лежала на берегу в объятиях ленстерца, положив голову ему на плечо. При свете дня Патрик Уолес действительно оказался рыжим.

— Святые бубенчики! — Я вскочила на ноги, выпутавшись из складок клетчатого плаща.

Владельца плаща на берегу не наблюдалось, зато справа из кустов доносилось мелодичное журчание.

Рубаха моя была распахнута, открывая фальшиво плоскую натурально безволосую грудь и даже несколько звеньев волшебного пояса. Это надо же было так набраться! Какая неосторожность! Какое опасное легкомыслие! Да еще и заснуть в обнимку с женщиной! А если бы пояс ночью расстегнулся? Если бы Патрик Уолес понял, что в его объятиях вовсе не граф, а вполне аппетитные девичьи округлости? На скопца ленстерца

нисколько не похож. Три к одному — было бы труляля, и я под хмельком даже не особо бы возражала. И тогда граф Шерези попросту бы исчез, волшебство пояса утратило бы силу.

Внутренности скрутило болезненным спазмом.

Я побежала налево, опасность быть раскрытой меня сейчас бы не остановила, природа требовала своего. Спокойно, Бастиана. Пояс на тебе, значит, страшного не произошло. Ну спала в обнимку с мужиком, подумаешь, великое дело. Ведь это даже не в первый раз. Ты же прекрасно делила плащ со Станисласом до этого. И ничего — справилась.

Кстати о Станисласе. Мы должны были отправляться на рассвете, до полудня достичь Ардера, найти постоянный двор, обустроиться, привести себя в порядок. Он уехал без меня? А как же вещи и мой Клиш?

Я спустилась к воде, поплескала в лицо, пригладила мокрыми руками растрепанную шевелюру.

Надо нагнать отряд доремарцев. Хотя при форе около шести часов они уже достигли столицы, значит, искать их придется уже там. Надеюсь, мне не уморят лошадей, и надеюсь, что мои бумаги в сохранности. В любом случае волнение сейчас ничего не изменит. Может, мне удастся найти местечко в какой-нибудь карете, что проезжают по тракту в столицу, или даже в телеге, или... Я была согласна почти на что угодно.

Станислас Шарль Доре ждал меня на берегу в компании с моими новыми знакомыми, когда я вернулась из своего утреннего похода.

— Недоброе утро, граф, — поприветствовал он меня, взяв на мандолине грустную ноту. — Дядюшка нас покинул ночью...

— Какое несчастье, — сложила я перед грудью набожный жест. — Сладких ему снов в обители Спящего.

Взгляд Патрика меня нервировал, Оливер, переминающийся с ноги на ногу возле своего приятеля, при свете дня производил еще более устрашающее впечатление. Он оказался альбиносом, в его коже и волосах, заплетенных во множество тоненьких косиц, не было ни капельки краски, даже глаза его, как будто полностью лишённые ресниц, были бесцветны.

— Вы не поняли, — привлек мое внимание менестрель. — Дядюшка не умер, просто уехал, забрав с собой лошадей и все деньги, выданные моим благородным родителем.

— Какое несчастье, — уже без скорби сказала я. — И моего скакуна?

— Он сказал, что благородное животное заслуживает встречать старость дома, и обещал доставить его в Шерези.

— И какова же причина столь странных действий вашего родственника?

Менестрель пробежался пальцами по струнам.

— Молодые люди должны всего добиться сами. К примеру, он сам в нашем возрасте, — Станислас подкрутил колки, стремясь к чистоте звучания, — добился всего са-а-а-ам...

Мандолина издавала ритмичную мелодию, на которую слова ложились будто сами собой, даже не требуя рифмы.

— У меня от этого дядя умер, — некстати пропел Оливер Виклунд густым басом.

— Он оставил мои вещи? — Я тоже слегка протянула гласные, будто напевая.

— Да, конечно-о... Поспешим, граф, пока наши пожитки не стали добычей воришек. Я с трудом вас разыска-а-ал...

— Может, перейдем на «ты»?

— С удовольствием.

— Придется и дальше идти пешком, — зевнул Патрик Уолес, наследник Ленстера. — Нас четверо, пока еще мы вместе...

Стены Ардера показались из-за холмов на закате. Я устала просто до мушек в глазах, у меня болели ноги и почему-то спина, ремни заплечного мешка натирали даже через одежду, лорд наш Солнце весь день палил или палило (как кому нравится) с малихабарской жестокостью, поэтому мои щеки и переносица саднили от горячих поцелуев светила. Хуже, чем мне, было только Станисласу. Он тоже был непривычен к пешим походам, да еще не мог ни на минуту расстаться со своим инструментом, описывая мелодичным речитативом все, что попадалось нам на пути.

— Басти, — в какой-то момент пропел он шепотом, — теперь, когда мы на «ты», я могу признаться.

— В чем? — Мне уже не пелось, хотелось лечь в придорожную канаву и умереть, может, тогда кто-нибудь из проезжающих сжалится и уступит мне место в телеге.

— Ты напоминаешь мне одного человека, воспоминания о котором заставляют трепетать мое сердце.

— Кого еще?

— Я говорил тебе о красавице, спасшей меня от участи, что хуже смерти? О Мари Сюзетт? Так вот, ты на нее похож. Только у той девушки было очень много волос, думаю, что, если бы она их распустила, они укрыли бы ее как плащ. — Он взял новый аккорд, пропел: — И я б укрыл ее плащом... ом... ом...

— Не знаю ни одной рифмы к слову «плащом», — сменила я тему. — Давай помолчим, надо беречь дыхание.

Станислас отвлекся на поиски созвучий и больше меня сравнениями не донимал.

Под стенами Ардера мы оказались ровно к часу закрытия городских ворот. Не успевшие войти внутрь гости столицы толпились на пяточке у моста, наблюдая величественное зрелище.

— Закавыка, — ругнулся Патрик. — Придется ночевать снаружи.

— У меня, — юбка лорда Виклунда взметнулась вокруг мощных бедер, когда он побежал к воротам, — от этого... дядя... помер.

Великан двигался с нечеловеческой скоростью, и ворота устояли только потому, что еще не были полностью закрыты. Он затормозил под надвратной башней, поднял руки и, кряхтя, задержал опускающееся полотно.

Под крики и улюлюканье толпы мы припустили следом. На обнаженных руках Оливера бугрились переплетенные жилами мускулы, лицо искривила напряженная гримаса.

— Гляди, как королевские миньоны побежали, — хохотала какая-то баба. — Спешат, стало быть, к своей прекрасной даме, только подметки сверкают.

Станислас и Патрик уже скрылись за стеной города, я отставала.

— А горец-то силен! — вторила ей другая. — Ежели Аврора ему отлуп даст, так я завсегда такого бычка приласкаю.

Чернь! Никакого представления о куртуазности. Розг на них нет. Только воспитание в подданных почтения способно...

Виклунд крякнул, его колени подогнулись. Додумывать о почтении не получилось. Я рванула из последних сил, сложилась вдвое и почти закатилась внутрь.

— Хех, — сказал великан, толчком распрямился и резко отпрыгнул, к счастью, не на меня.

Ворота с грохотом рухнули, закрывая город на ночь.

— Ты не человек! — сказала я, отдышавшись и искоса посматривая на оторопевших стражников. — Нас сейчас арестуют и на всякий случай казнят. Ничего бы с тобой за пару часов снаружи не произошло.

Оливер не ответил, его грудь тяжело вздымалась, а прозрачные обычно глаза подернулись белесой дымкой. Когда невидящий взгляд великана остановился на мне, я поежилась. Он сделал шаг вперед, я отступила, почти касаясь спиной заостренного лезвия алебарды стража. Служивые несколько пришли в себя и даже попытались ощериться оружием. Святые бубенцы!

— Стой! — Мой писк никакого эффекта не произвел.

За мгновение до того, как на моей шее сомкнулись огромные ручищи, я почти успела попрощаться с маменькой.

— Именем Авроры, остановитесь!

Чернявый господин, пришедший мне на помощь, особой статью не обладал, но имя королевы, прозвучавшее из его уст, заставило всех присутствующих замереть.

— Представьтесь, — обратился ко мне спаситель, когда алебарды стражников послушно опустились к земле.

— Бастиан Мартере граф Шерези, — пропищала я, изо всех сил колотя в каменную грудь Оливера.

Тот тоже остановился, успев все же сдавить мое горло.

— Шерези? — Чернявый господин, за перемещениями которого я могла наблюдать скосив глаза, обошел великана со спины. — Чудесное местечко. А это у нас...

Он что-то сделал — куда-то нажал, на только ему известную точку, и лорд Виклунд кулем рухнул мне под ноги.

— ...наследник горного клана, наделенный даром боевого безумия.

Он ткнул моего спутника острым носком башмака. Только сейчас я заметила, что одет мой спаситель престранно: плотные чулки облегли его ноги, выше коленей начинались штаны, вовсе на одежду не похожие, а подобные скорее праздничным фонарикам из плоеной бумаги, в разрезах кафтана виднелась белоснежная сорочка, ворот которой свободно лежал поверх камзола. Что за шутство?

— Что ж, Шерези, — глаза у него были яркие и блестящие, как сливы, — удачи тебе в завтрашнем отборе.

И он ушел. Просто ушел, развернувшись и позвякивая колокольцами, коими в избытке был расшит его кафтан. А я осталась на привратном пяточке, пунцовая от стыда. Потому что спаситель мой мне не представился, и это вполне могло сойти за оскорбление, а еще потому, что у городской стены его ждала дама, укутанная в плотный плащ, и, когда мужчина с ней поравнялся, дама расхохоталась, показывая в мою сторону вытянутой рукой.

— А ты счастливчик, миньон, — сквозь зубы проговорил один из стражников. — Саму королеву смеяться заставил.

— Королеву?

— Ну а с кем еще Мармадюку в сумерках по городу шататься? Остальные-то девки сами к нему приходят...

Тут разговорчивый вояка получил затрещину от сержанта и умолк.

— Басти, он тебя не покалечил? — Патрик схватил меня за плечи. — Ты в порядке?

С другой стороны ко мне прислонился Станислас, точнее, его инструмент.

— Басти! — Оливер, побряхтывая, поднимался с земли.

— Это была королева, — благоговейно прошептала я, провожая взглядом удаляющуюся парочку. — Наша Аврора.

Стражники были столь любезны, что проводили нас к постоянному двору, при котором был также и трактир. Тему боевого безумия нашего товарища мы не сговариваясь решили не обсуждать. Оливер, судя по всему, чувствовал себя неловко от наших расспросов, поэтому... Ну подумаешь, боевое безумие. У каждого свои недостатки, я вот вообще — женщина.

В трапезной трактира, набитой народом под завязку, нам удалось разжиться хлебом и неким мутным пойлом, а также занять угловой шаткий стол с широкой лавкой у стены. Это было удачей, ибо, как нам сообщил пузатый хозяин, менее чем через час трапезная превратится в общую спальню, в которой кто успел, тот и поел и поспит не на полу. Мой испуганный вопрос об отдельной комнатенке с кроватью заставил пузана громко расхохотаться.

— А вы забавный малыш, милорд. Во всей столице нынешней ночью ни за какие деньги не сыщется свободной кровати. Занято все. Дворянами занято.

Вгрызшись зубами в черствую горбушку, я поглядывала по сторонам. Дворяне, чего уж там. В ардерской провинции у кого камзол — тот и дворянин, а то, что камзол большую часть времени проветривается на заборе, пока его хозяин пропахивает в огороде грядки или ухаживает за скотиной, — дело десятое. У вассалов наших и того часто нет — ни скотины, ни забора. Я мысленно сравнила свою одежду с одеждой черноглазого Мармадюка. (Или его надо называть лорд Мармадюк?) Сравнение было не в мою пользу. Отправляясь в путешествие, я предполагала, что мода в столице иная, но не настолько же! Такое впечатление, что мы все — пришельцы из эпохи Филиппа Кровавого, именно тогда носили узкие штаны и приталенные колеты, тяжелые обоюдоострые мечи и береты с плюмажем.

А еще Мармадюк говорил о каком-то отборе. «Удачи тебе, Шерези, в завтрашнем отборе...» Отбор? Об этом в королевском послании не говорилось.

Я еще раз осмотрела зал — сборище оборванцев. И каждый из этого сборища завтра станет моим соперником в борьбе за место у подножия трона. Каждый...

Сон подкрался незаметно, я опустила тяжелую голову на сложенные на столешнице руки.

Наутро от неудобной позы болела спина. Спутники мои, возбужденные и предвкушающие, неожиданно стали меня раздражать. Ведь они тоже мои соперники, каждый — и горец Виклунд, и красавчик Уолес, и уж совсем до безобразия и скрежета зубного — певучий наследник Доремара со своим инструментом.

— Вперее-о-од! К свершениям! К королеве!

Безумцы. Сейчас мы предстанем даже не перед королевой, а перед местными аристократами, перед толпой холеных богатеев в штанах пузырями и камзолах, расшитых драгоценностями. Какие еще свершения? Над нами просто посмеются!

Мыслей своих я, конечно, не озвучивала. Поплелась на двор и, выстояв очередь, заперлась в дощатой пристройке клозета. За дверью беседовали какие-то господинчики, радостно обсуждая великое будущее, ожидающее каждого из них.

— Поттише, господа, вы не даете сосредоточиться наследнику Шерези!

Они смолкли, потом один из них осторожно переспросил:

— Вам нужна помощь?

— И совет! — Я распахнула дверь и воздвиглась на пороге, во дворе уже собралось человек двадцать, ибо пристройка в трактире была всего одна, а постояльцев... И все, заметьте, смотрели на меня. — Без советов в этом деле никак. Как сейчас помню, сидишь по утрам в своем фамильном замке на троне уединения, а вокруг слуги, вассалы, и все помогают и советы раздают со всем возможным почтением.

Я обвела ироничным взглядом толпу. Тишина. Присутствующие переваривали информацию. Затем откуда-то сбоку раздался негромкий смешок, еще один, и вот уже все собравшиеся ржали как табун нервных лошадей. Я легонько поклонилась и схватила за рукав ближайшего господинчика.

— Внимайте совету, милорд. Держитесь правой стороны, одна из досок плохо закреплена, и если вы не удержитесь... — Я подтолкнула его к пристройке. — В добрый путь.

Я вернулась в трактир под аплодисменты и в почти радужном настроении.

Ну и что, что мы оборванцы? Если ее величество решила призвать нас ко двору, дать нам шанс, значит, у нее планы именно на нас — провинциальных дворян. Значит, ей нужна именно наша преданность, наши мечи и наши светлые головы.

— Басти, ты собираешься попробовать себя в роли придворного шута? — беззлобно спросил Патрик. — Веселить народ у тебя получается прекрасно.

— С кем мне придется сражаться за это право? — Я изобразила кровожадность.

— Со своим знакомым. Шута Авроры зовут Мармадюк, и, если я не ошибаюсь, именно он вчера спас нашу четверку от ареста.

Шут? А я его еще лордом хотела называть.

Пока я отсутствовала, друзья успели раздобыть на завтрак жбан молока и половину каравая. Питаться одним только хлебом вредно для фигуры, увещевала меня маменька, но ни на что другое наших денег сегодня не хватит. Еще вчера мы скинулись у кого сколько было и избрали банкиром Патрика Уолеса, как единственного из нас, кто считать не только умел, но и любил. Ланстерец сказал, что считать эти гроши — дело плевое и, если мы в ближайшее время не разбогатеем, сдохнем от голода. Я предложила бросить жребий и съесть самого толстого. Шутку поняли и оценили лишь двое моих друзей, Оливер до сих пор испуганно на меня косился.

Во дворе затрубили, мы, дожевывая на ходу, вышли на звук. Герольд забросил за спину уже ненужную трубу и тряхнул трубочкой пергамента, раскатывая ее.

— Ее величество рада приветствовать в столице наследников дворянских фамилий...

Герольд был юн, почти мальчишка, и одет так, что я мысленно застонала. Тот же фасон, что и у Мармадюка, — штаны-фонарики, плотные шелковые чулки, подчеркивающие икры, короткий плащ. И все это столь густо расшито розетками и стекляшками, что отличительные знаки королевского дома просто теряются на фоне этой пестроты.

Нам было велено не мешкая выдвигаться в сторону королевского замка, на входе получить шевроны-пропуска и далее следовать указаниям специально приставленных к нам слуг.

Все побежали исполнять приказ, как будто от этого зависела наша жизнь. Я тоже встрепелась, но была остановлена твердой рукой Патрика.

— Желаете поработать локтями и получить пару-тройку синяков в процессе?

— Нужно спешить, — вырывалась я.

— Мы успеем вовремя.

Патрик кивнул Оливеру, который точно так же перехватил Станисласа почти в полете.

— Я изучал топографию столицы, — продолжал ланстерец, — и знаю самую короткую дорогу к месту. Если мы пойдем со всеми, через десять минут упремся в городскую площадь, которая, я уверен, в этот час уже запружена народом. Нужно переждать, так что возвращайтесь к столу, господа, закончим завтрак.

Трактир опустел как по волшебству. Улыбчивая подавальщица, которую я вчера не заметила, отчаянно строя глазки Станисласу, принесла нам шмат копченого свиного

окурока. Видимо, наследник Доремара накануне очаровал девушку песнями. Хотя, судя по тому, как она мило краснела, там одними балладами не обошлось.

«Какая удача, что судьба и лорд наш, ныне Спящий, свели меня с этими замечательными людьми, — подумалось мне. — Это же мой первый в жизни альянс, и он уже дает свои плоды».

До королевского дворца мы добрались без приключений, воспользовавшись какими-то узенькими загаженными улочками. Патрик вел нас уверенно, мы обогнули площадь, выйдя на нее лишь однажды. Столпотворение, царящее там, меня впечатлило. Святые бубенцы, сколько же там было народу! И торговцы, и лоточники, и актеры, дающие представления на дощатых помостах, и музыканты. Неподалеку от нас стояло несколько портшезов, хозяева которых, холеные аристократы, как раз готовились месить ногами площадную грязь.

Вот, кстати, это мне в столице совсем не нравилось. Здесь было грязно и воняло, как на скотобойне в жаркий денек.

— Не спи, Басти, — скомандовал Патрик, увлекая меня в следующий переулок. — Мы почти у цели.

Шеврон мой, близнец тех знаков, что получили все дворяне-претенденты, изображал фиолетовую звезду на серебристом поле и являлся одним из малых королевских гербов. Когда стражник прикреплял его к моему плечу, я ощутила прилив подданнического благоговения. Аврора, моя королева, Бастиан Мартере граф Шерези готов служить вам.

Меня окликнули. Раскланиваясь с молодыми людьми, с которыми мы как бы свели знакомство утром возле трактирного клозета, я заметила, что выглядят они очень потрепанно, одежда их была в беспорядке, у некоторых на лицах наливались густым королевским фиолетом свежие синяки. А ведь, если бы не Патрик, я выглядела бы сейчас примерно так же.

Какой-то пышно разодетый толстяк толкнул Станисласа:

— От этих провинциалов воняет конюшней!

Мандолина доремарца упала в грязь.

— Кто посмел украсть аромат этого тучного господина? — зычно возопила я, заламывая руки. — Кто еще из вас, недостойных, посмел воспользоваться привилегией конюшенной вони? Немедленно извинитесь!

Толстяк побагровел:

— Знаешь ли ты, на кого твякаешь, щенок?

— Рискну предположить, — я потянула носом, — на жирдяя?

Он поднял руку, видимо призывая свою стражу, поэтому я торопливо добавила:

— И труса. Извольте сами защищать свою честь, милорд.

К моей невероятной удаче, оружие у дворян изымалось одновременно с выдачей шеврона и на бочкообразной груди моего соперника уже красовалась звезда. Он безоружен, как и я. Ура, ура! Святые бубенцы! В настоящей схватке шансов у меня не было. Другое дело — словесная перепалка. Заточка моего языка даст фору сотне столичных клинков.

— Схватить наглеца!

Он все же отдал приказ.

Я затравленно озиралась. Друзья мои на помощь приходить не спешили. Станислас всхлипывал над мандолиной, Патрика и Оливера видно вообще не было, хотя великан мог бы прихлопнуть врагов одной левой. Остальные... Да что остальные, то, что я рассказала им семь вариантов истории про менестреля на кладбище, еще не делало нас

друзьями. Ну кто меня за язык тянул? Ну подумаешь, наглый аристократишка толкнул менее наглого! Будь наследник Доремара побойчее, огрел бы обидчика мандолиной — и всех дел. Зачем я встала на его защиту? Я вообще женщина, между прочим — слабый пол. Я сейчас вышивать в высокой башне должна, а не погибать у стен королевского замка.

— Опустите оружие. — Некто шагнул ко мне, преграждая путь стражникам.

Вояки растерянно переминались с ноги на ногу. То ли жирдяй у своих подчиненных не пользовался особым почетом, то ли этот некто, который сейчас осматривал меня с кривой ухмылкой, в аристократической ардерской пищевой цепочке находился выше их господина.

Некто отвернулся, я заметила на его левой щеке шрам.

— Очень смело, Анри, натравить на дворянина прислугу, при свидетелях, за это вам грозит публичное наказание.

— Так он еще и дворянин? — с наигранным удивлением спросил жирдяй.

— У него есть шеврон. — Мой лорд-спаситель зевнул в кружевной платок, извлеченный из рукава. — Значит, этот полевой цветочек — представитель провинциального дворянства, прибывший ко двору, и наш с вами, лорд Турень, соратник.

«Толстяка зовут Анри Турень», — сделала я зарубочку в памяти.

— Гэбриел прав. — К нам приблизился невероятно худой дворянин, все силы которого, казалось, уходило на то, чтобы не упасть.

«Гэбриел», — вторая зарубка.

Глазки тучного лорда Туреня забегали, он отозвал стражу, затем, покачав головой, произнес:

— Дуэль. Сегодня на закате. Мои друзья — лорды Гэбриел ван Хорн и Морис Вальденс выступают секундантами. Это все?

Он обернулся к моему лорду-спасителю, которого мне уже не нравилось так называть. Ощущение, что меня не спасли, а подставили, крепло.

Лорд ван Хорн (а я уже знала, как его зовут) гаденько улыбнулся:

— Полевой цветочек должен подтвердить, что принимает ваш вызов, или покрыть свое имя позором. Кстати, у тебя есть имя, милый?

Это «милый» в сочетании с обращением на «ты» и снисходительным похлопыванием по плечу заставило меня вспыхнуть.

— Бастиан Мартере граф Шерези! Я принимаю вызов.

— Вы сойдетесь в рукопашной, — кивнул ван Хорн, — в том случае, если хотя бы один из вас пройдет отбор. По слухам, дошедшим до меня, во время отбора и последующего обучения миньонам ее величества будет запрещено оружие.

Я не забывала кивать. Обучение? Да что он вообще несет?

Но столичные аристократы уже потеряли ко мне всякий интерес, они неторопливо, вполголоса о чем-то переговариваясь, вошли в ворота, показав свои шевроны стражником. Я стояла на площади, ощущая себя обманутой.

— Что случилось? — Будто из-под земли появившийся Патрик приобнял меня за плечи.

Оливер нависал с другой стороны. Прочие мои соратники и случайные знакомцы сторонились меня как прокаженной.

— Басти успел посориться с наследником Туреней, — глубоким баритоном проречитативил Станислас.

Мне очень захотелось вырвать из его рук мандолину и разломать ее об его же голову. На мелкие-мелкие щепы...

— На закате грянет би-итва-а!!!

— До заката мы что-нибудь придумаем. — Патрик обнял меня еще крепче и увлек к воротам. — Поспешим, миньоны, нас ждут великие дела.

— Девушка? — Мармадюк недоверчиво расхохотался. — Нет, не может быть.

— Поверь, дорогой. — Аврора едва шевелила головой в церемониальном венце. — И прехорошенькая.

Они как раз проходили под цветочной аркой, за которой открывался вид на турнирное поле, где предполагалось провести первую встречу с миньонами. Народ, заполнивший зрительские трибуны, ликовал. Умеренное ликование выражали и три сотни молодых дворян, которых сейчас расставляли в колонны распорядители.

— Все равно не верю. — Мармадюк встряхнул шутовским посохом, по случаю праздника украшенным ленточками и бубенцами. — Почему это видишь только ты?

— Потому, что я твоя королева, дурачок. — Аврора хихикнула. — Золотая кость, мы не подвержены колдовству фей.

— А юного... то есть юную Шерези заколдовала фея?

— Ну, насколько она Шерези, нам предстоит выяснить сегодня, а в остальном — да.

— Ты дашь деве шанс пройти отбор?

— Почему нет? Или в каких-нибудь древних манускриптах указано, что миньоном королевы могут стать исключительно мужчины?

Они приблизились вплотную к трибунам, десяток пажей, несущих за королевой отороченный мехом шлейф, заложил поворотный вираж. Беседу пришлось прервать, ибо, как было отмечено выше, толпа ликовала.

Глава 4

ОТБОР, БУСИКИ И ДУЭЛЬ

Когда я снова увидела ее величество... Звучит-то как! Я — Басти — увидела королеву. И не просто увидела, а снова. Мысли о вечерней дуэли (кстати, звучит тоже о-го-го!) отодвинулись куда-то за грань, я поела глазами свою даму сердца, орала «Спящий, храни королеву!», ощущала плечом тепло стоящего рядом Патрика. Только осознав запредельное количество собравшихся на турнирном поле дворян, я поняла необходимость отбора. Нас много, слишком много, королеве надо выбрать лучших. И моя задача в число этих лучших пробраться. Потому что от моего восхождения зависит благополучие Шерези, благополучие маменьки, наших слуг, наших вассалов, и ко всему я ощущала невероятное возбуждение от предстоящего действия. Наверное, тут сыграло свою роль и мужское обличье — мужчины любят сражения, и женская хитрость, надеюсь оставшаяся при мне. Как мужчина, я готова была к драке, а как женщина — к переговорам и заключению альянсов.

Что от меня потребуется? Чего хочет от графа Шерези эта прекрасная молодая дама, величаво ступающая сейчас перед огромной толпой? Я сделаю все, я ко всему готова!

Венец ее величества был украшен целым сонмом драгоценных камней. Рассмотреть их с моего места возможности не было, но я знала, что они символизируют все существующие в Ардере дворянские дома, все фамильные кристаллы. Прикинув вес украшения в ливрах, я испытала просто запредельное благоговение.

Аврора поднялась на помост и обратилась к присутствующим с приветственной речью, в которой назвала нас молодой порослью и свежей кровью Ардеры. По правую руку от королевы стоял Мармадюк с изукрашенным ленточками посохом. «Действительно шут», — подумала я с толикой разочарования.

Лорд-шут тоже произнес речь. Когда ее величество переждала аплодисменты и вопли толпы и опустилась на трон, установленный на помосте, Мармадюк шагнул вперед и зычно провозгласил:

— Спящий, храни королеву! Мы начинаем знакомство. Ее величество вы уже знаете. — Он изящно поклонился в сторону трона, в рядах будущих миньонов раздалась неуверенные смешки. — Пришла ваша очередь представиться своей даме сердца. Вы готовы?

— Да! — Мой крик прозвучал в тишине, Мармадюк как раз сделал паузу, чтобы вдохнуть, поэтому услышали меня все, и заржали тоже все, глумливо так, обидно.

Я покраснела и смешалась.

— Ну так иди первым, цветочек, — скомандовал мне шут. — Готовность должна вознаграждаться.

И пока я пробиралась к помосту, он пояснял своим зычным голосом:

— Приближаясь к ее величеству, каждый из вас должен держать наготове свой фамильный кристалл, являющийся доказательством вашего дворянского происхождения. Приблизившись, вы демонстрируете светящийся кристалл. Светящийся, малыши!

Меня кто-то пребольно ущипнул за бок, я ойкнула и заехала сапогом в голень обидчику. Смотреть, что там с ним произошло, времени не было. Надеюсь, его скрючило от боли. Щипаться он мне тут еще будет! Девчачья пакость!

Так, спокойно, Басти, дыши. Значит, подготовить кристалл. Есть! Светящийся? Ну правильно. Если сам камень символизирует принадлежность к дворянству, то зажечься он может только в руках наследника.

Мармадюк меж тем продолжал свои указания:

— В истории нашего государства бывали случаи, когда кристаллы пытались

подделывать, даже свечение их. Но наше королевское величество сразу распознает обман. Золотая кость Ардеры ведет свой род от лорда нашего Спящего. В руках королевы ваши кристаллы тоже оживут, в том случае, если они не подделка. Поэтому, малыши, давайте договоримся сразу. Если кто-то из вас не уверен в себе, покиньте ряды претендентов сразу же. Тем, кто покинет нас на этом этапе, мы обещаем возможность беспрепятственно оставить столицу.

Я поднялась на первую ступень помоста и искоса взглянула на толпу. Там шло какое-то шевеление.

— Тем же, кто, не вняв предупреждениям, попытается совершить подлог и будет пойман, я гарантирую строгое наказание.

Трое, нет — четверо молодых людей побрели к трибунам.

— Порка на рыночной площади!

К трибунам потянулся уже ручеек согбенных фигур.

— Шерези? — Голос у ее величества был звонкий.

Я поклонилась до самого устланного коврами пола. Из этой позиции было неудобно демонстрировать кристалл, поэтому я разогнулась, протянула свой рубин, полыхающий как ему и положено, на открытых ладонях.

— Бастиан Мартере Шерези к вашим...

У нее были изумрудные очи, грустные, умудренные, не подходящие к молодому улыбчивому лицу.

— Ты мне кого-то напоминаешь.

Аврора потянулась к кристаллу, корона на ее голове угрожающе пошатнулась, я засеменила поближе, еще ближе...

— Как зовут вашу матушку? — спросила ее величество, взяв кристалл двумя пальцами правой руки и положив его на ладонь левой.

— Консуэло графиня Шерези в девичестве Аданто. — Я любовалась, как рубин наливается лиловым королевским светом.

— Я знавала вашу матушку, граф, — сообщила Аврора.

Родительница мне никогда об этом не говорила, я поклонилась еще ниже, чтобы скрыть растерянность. Ее величество выглядит такой юной, и только сейчас я осознала, что она вполне может быть ровесницей моей матери или...

Рубин мне не вернули. Аврора опустила его в резной сундук, стоящий у трона. Из другого сундука она извлекла нить медных бус:

— Держите, граф, пусть это станет лишь первой вашей наградой при дворе.

Я ничего не понимала, но почтительно приняла дар. Я прошла отбор? Да или нет?

— Пошевеливайтесь, граф, — прошептал мне Мармадюк, практически оттащивая меня от королевы. — Вас тут много, она одна.

— Почему мне не вернули кристалл? — Сопротивлялась я исподтишка, а спрашивала шепотом. Тем более что по лестнице уже поднимался следующий аристократ, тот самый ван Хорн, так удачно впутавший меня в дуэль с толстяком. Его фамильный камень был похож на черную сосульку.

— Потому, что вы прошли отбор, цветочек. — Шут терял терпение.

— А бусы?

— Они вам пригодятся. Возвращайтесь на место!

Парни из первого ряда хихикнули. Не знаю, надолго ли я задержусь при дворе, но, кажется, этот «цветочек» прилип ко мне намертво.

Королева знает мою маму, у меня отобрали фамильный кристалл, медные бусики, врученные мне взамен, — грошова игрушка...

— Ну что? — Патрик выдернул меня одновременно из дум и из чужого ряда, куда я в задумчивости забрела. — Все в порядке?

Я потрясла бусиками:

— Это что?

— Я должен об этом знать? — удивился Патрик, он уже вертел в руках свой светло-зеленый дельтовидный кристалл.

Говорят, все ардерское дворянство восходит к соратникам Спящего лорда, которые были с ним до самого конца, ну или нового начала, если считать началом его восхождение на Авалон в обществе волшебных дев, ставших его женами. Соратников было четверо — лорд Честь, лорд Благородство, а также лорды Отвага и Верность. И лорд наш Солнце, чтобы вознаградить их, расколол на четыре части волшебный первокристалл, подаренный ему феями. И части эти приняли разные цвета — красный, зеленый, черный и белый — и разные формы.

Только при чем тут медь, которую вручили мне в обмен на сакральный осколок?

— Первая награда ее величества. — Станислас был, как обычно, в некой музыкальной реальности. — Я обязательно сочиню в честь нее балладу.

— Финтифлюшек больше пока никому не дают. — Оливер, как самый рослый из нас, смотрел поверх голов. — Что ты за это сделал, граф? За что тебя отметили?

— Королева сказала, что знавала мою маменьку.

— А маменька у тебя кто?

— Графиня Шерези.

— Это многое объясняет, — хмыкнул великан. — Интересно, а с Виклундами тут никто знакомство не водил?

Меж тем стройные ряды претендентов уже не были столь стройными, впрочем, и на ряды они походили мало. Медленный человеческий ручеек в направлении помоста убыстрялся, нас теснили. Патрик приобнял меня за плечи, будто защищая, я просунула голову в медное ожерелье, чтобы не потерять его в толчее. Со стороны трибун донеслись крики и улюлюканье.

— А вот и первые подлоги вскрылись, — поделился с окружающими зоркий Виклунд. — Кажется, пороть их будут прямо здесь, не доведя до рыночной площади.

— Ну надо же чем-то развлечь публику. — Я прикрыла глаза, от Патриковой руки по спине разливалось приятное спокойное тепло.

Жуликов мне было ни капельки не жалко. Каждый из них знал, на что идет. О том, что я точно такой же жулик, я старалась не думать. Интересно, если мой обман раскроется, меня выпорют или сразу казнят? Дворян полагается убивать бескровно, чтобы не проливать благородную субстанцию, текущую в их жилах. Повесить могут, или утопить, или...

— Жирному тоже цацку дали. — Оливер прищурился. — Но поменьше, чем тебе. Нитка длинная, а бусин... три раза по десять.

— А у меня?

— Пять. — Виклунд на меня даже не взглянул.

Я поняла одновременно три вещи: у лорда Оливера Виклунда орлиное зрение,

потрясающая наблюдательность и полное арифметическое невежество, он мог считать только до десяти.

В толпе появились распорядители, они выкрикивали, что прошедшие ритуал знакомства с ее величеством должны собраться во внутреннем дворе замка. Я решила туда не спешить, а подождать друзей. Безмятежно спокойный Станислас взошел на помост, рухнул там на колени и из этой позиции исполнил некое музыкальное сочинение. На смуглом лице королевского шута читалось желание отходить менестреля посохом. Ритуал длился уже несколько часов, и Мармадюк явно желал, чтобы он поскорее закончился. Ее величество, напротив, восприняла сюрприз с удовольствием. Станислас спустился к нам с такой же ниткой медных шариков, как и у меня. Патрика Аврора удостоила беглой беседы, но ничем не одарила. Оливер на помост не взошел. То есть он попытался, но струганные доски под его весом угрожающе прогнулись. За фамильной жемчужиной Виклундов пришлось спускаться Мармадюку.

Шут нашу компанию, кажется, уже ненавидел. Жемчужина зажглась и в руках королевы, никакого фиолетового оттенка я в ее свете не заметила. Хотя, может быть, просто была недостаточно внимательной. Ведь Патрик держал мою руку в своей, и это было приятно. До сего момента мою ладошку мусолили лишь мозолистые лапы моего бывшего, так что я впитывала новые ощущения. А интересно, как целуется ленстерец? Он нежен или, напротив, настойчив? Опыт-то у него в этих делах явно имеется, у такого красавчика. Жаль, что я теперь мужчина. Попадись он мне пораньше и на моей территории, я бы обязательно это выяснила. Патрик, будто уловив мои мысли, перехватил ладонь таким образом, что наши пальцы сплелись. Я фыркнула и отдернула руку. Хорошенького понемножку. Может, это у них в Ленстере именно таким образом принято дружескую симпатию к своему полу выражать, а вот у нас в Шерези запросто за мужелюба сойдешь, с такими-то манерами.

Виклунду тоже достались бусы, я возмутилась про себя творящейся несправедливости. Почему Патрика, единственного из нашей четверки, не отметили?

Я спросила бы об этом лорда-шута, но тот одарил меня таким тяжелым взглядом, возвращаясь к своей королеве, что не решилась. Он посмотрел на мое горло, видимо мечтая придушить. Наша компания доставляла ему неудобства.

А потом вдруг времени у нас стало в обрез, а претендентов, желающих в последний момент попасть во внутренний двор, — предостаточно. Хорошо, что у нас был Оливер, за широкой спиной которого было удобно рассекать сколь угодно большую и плотную толпу. Мы покинули турнирное поле, на котором начиналось какое-то действо. Нарядные наездники развлекали народ вольтижировкой, пока нескольких участников облачали в тяжелые старинные доспехи.

— Так уже давно не воюют, — сообщил мне Патрик, взглянув через плечо, — кажется, это что-то вроде театрального представления.

Я слегка замешкалась, в пыли у меня под ногами валялся миньонский шеврон, видимо утерянный каким-то несчастным во время экзекуции. Я его зачем-то подняла и засунула за пояс. Видеть, как грязные сапожищи топчут фиолетовую звезду нашего величества, было невыносимо.

Внутренний двор примыкал к замковому холму и был не очень велик. Нас опять выстроили перед ступенчатой галереей, опоясывающей холм. На верхней ступени появился все тот же вездесущий Мармадюк:

— Рад приветствовать прошедших отбор в замке Авроры, господа.

Мы нестройным гулом выразили радость. Шут поднял руку, требуя тишины.

— Вы ждали от меня именно таких слов, птенчики?

Птенчики замерли, хватая воздух раскрытыми клювиками.

— Ах, ваши камни оказались неподдельными? Великое дело! Это значит всего лишь то, что ваши достойные родители зачинали вас на супружеском ложе, ну или что там сходит за оное в ваших деревушках. Для того чтобы приблизиться к трону, вам придется

постараться.

Оливер что-то пробормотал, видимо, напоминал, что дядя у него умер и от меньшего.

Я же обратилась в слух. Лорд-шут сообщил, что мы грубы, глупы и неотесанны, что допустить нас к королеве он не смог бы даже под угрозой смерти и что фамильные камни у нас изымаются на все время обучения. Миньон ее величества должен быть умен, отважен, куртуазен, хорош собой, владеть искусствами, в том числе и боевыми. Ничего из этого в нас, по мнению Мармадюка, не было.

Я подумала, что вот Патрик, например, умен, Станислас куртуазен, а Оливер непобедим в бою, из нас четверых вместе мог бы получиться прекрасный миньон. Правда, за мной никаких талантов пока не было, но я пообещала себе что-то обнаружить.

Сегодня нас отпускали из замка в город — попрощаться с вольной жизнью. В качестве замены фамильных кристаллов нам послужат шевроны претендентов. Завтра на рассвете нам нужно будет их сдать.

— За каждый шеврон вы получите десять медных бусин, малыши. А теперь я немного расскажу вам о том, какую роль в вашей последующей жизни будут играть эти бусины.

Нас все еще было слишком много. Первичный отсев выявил лишь самых неподходящих, следующие этапы явят лучших из лучших. Поэтому нам предстоит состязаться друг с другом. Нас будут обучать и по успехам раздавать награды.

— Сто медных жемчужин обмениваются на одну серебряную, сто серебряных на золотую, сто золотых... — Шут достал что-то из кошель, прикрепленного к поясу, какой-то блестящий на солнце камешек. — Сто золотых вы сможете обменять на это — фиолетовый адамант, его называют Аврора, и тот из вас, кто после обучения получит адамантовую звезду, станет официальным кавалером нашей прекрасной дамы.

Я прижала ладони к груди. Половина серебряной бусины у меня уже есть, так сказать, авансом, это не могло не радовать, еще десять меди я получу за шеврон. Святые бубенчики! Не десять, а двадцать. У меня за поясом есть еще один знак. Эх, знать бы заранее о выгодном обмене, можно было повнимательнее под ноги смотреть или попросить шевроны у тех предусмотрительных непервенцев, которые покинули турнирное поле в самом начале.

Мармадюк унижал нас еще около получаса, я даже успела соскучиться и проголодаться. Наконец, когда я уже вознамерилась прислониться к плечу стоящего рядом Патрика и подремать...

— До рассвета можете быть свободны, малыши. Опоздавшие исключаются из состязания автоматически.

Лорд-шут развернулся на каблуках, взмахнув посохом.

— Лорд Мармадюк, не будете ли вы так любезны, — раздалось решительное из задних рядов. — Я хочу отказаться от участия в этой оскорбительной авантюре. Где я могу получить свой кристалл?

Шут еще раз крутанул, уже к нам:

— Достойное решение, многоуважаемый лорд Тьерд, пройдемте со мной. Все, кто желает прекратить, могут присоединиться к наследнику Тьердов.

Его вежливый, спокойный тон меня удивил. Значит, все унижения достаются только тем, кто готов играть дальше?

— Встретимся у ворот, через которые мы попали в замок, — шепнула я Патрику и присоединилась к наследнику Тьердов.

Мармадюк пошел по своей ступеньке влево, мы последовали в том же направлении, но по двору. В оскорбительных авантюрах не желало участвовать кроме Тьерда еще восемь человек. У стены донжона двое вооруженных стражников охраняли сундуки. Видимо, их собирались куда-то транспортировать. Лорд-шут открыл один из них и, почти не глядя,

вытащил изумрудную пластину Тьердов. Наследник благодарно поклонился. Затем из сундука появились ониксовый кабашон, белоснежная хрустальная сфера, еще один оникс, похожий на птичье яйцо. Внутри шут не смотрел. Я стояла последней, пережидая, когда все наследники раскланяются с Мармадюком. Наконец он повернулся ко мне, хмыкнул и широко улыбнулся.

— Решил расстаться с нами, Цветочек?

— Нет, милорд. — Я, конечно, отметила про себя, что обратились ко мне панибратски на «ты», но на ответное панибратство не решилась. — Мне хотелось поговорить с вами наедине.

— Ну так говори, — Мармадюк вернул мой кристалл на место и захлопнул сундук, — бесстрашное дитя.

— Поведайте мне об этом. — Я тронула висящее на шее ожерелье. — О королевском даре. Станислас впечатлил ее величество песней, Оливер, видимо, еще вчера вечером своим боевым безумием, а я?

— Будем считать, — Мармадюк приблизился и провел кончиками пальцев по моему горлу, — что ты получил награду за свою милую мордашку.

Я слегка покраснела. Ну хоть какой-то талант у меня обнаружился — миловидность. Мне стало так приятно, что в момент, когда длинные пальцы шута резко сжались на моей шее, я не успела защититься.

— Если хочешь задержаться здесь подольше, Цветочек, не болтай на каждом углу, что вчера ты видел королеву, — зло зашептал он мне в ухо.

— Так заплатите мне за молчание, — придушенно сказала я. — Дайте награду Патрику.

— Патрик Уолес? Ты просишь за него, а не за себя? — Он отступил на шаг, отпустив мое горло.

— Я не знаю, какие преимущества даст нам в будущем этот королевский аванс, но если даст хоть какие-то... — Я смешалась, вдруг подумав, что веду себя нагло и неподобающе, поэтому сложила руки перед грудью, по-мужски, треугольником вверх. — Мы друзья, мы в самом начале пути, и у нас всего должно быть поровну.

— Какое благородство.

К друзьям я вернулась, потряхивая трофеем, и не мешкая надела его на шею ленстерцу.

— Тебя тоже наградили, Патрик лорд Уолес. Достоянейший Мармадюк просил тебе это передать.

Итак, в первый день нашей, мы в это верили, блистательной миньонской карьеры каждый из нас получил по пятьдесят медных бусин, что, как я помнила, составляло половину одной серебряной.

Мы неторопливо шли по рыночной площади, высматривая трактирную вывеску. Есть хотелось всем, и наш казначей Уолес пообещал, что на скромную трапезу на четверых, если лорд Виклунд не будет усердствовать, денег хватит. Мы были расслаблены, радостны и полны надежд. Настроение подогревал молодой сидр, фляжку которого явил жаждущим нам запасливый ленстерец. Когда напиток осталось на доньшке, фляжка перешла ко мне в руки, а Станислас с Оливером отстали поглазеть на хорошенькую танцовщицу.

— Я думал, ты решил нас покинуть. — Счастливо улыбающийся Патрик обнимал меня за плечи.

— Не дождешься.

Я отвечала рассеянно, потому что путь нам преградил портшез, в окошке которого я

увидела профиль Гэбриела, что сразу погасило мое радужное настроение.

— Готов к сражению, Цветочек? — Носильщики остановились, ван Хорн слегка повернул голову.

— Извольте обращаться ко мне на «вы», милорд, — неприветливо проговорила я.

Он растянул рот в глумливой улыбке:

— Не изволю.

Патрик стоял рядом как могильный камень и на помощь приходить не спешил. Да и что он мог, если честно? Будь я девушкой, он, конечно, вступился бы за мою честь, да и этот аристократик не стал бы мне дерзить. Самое неприятное, что вокруг неожиданно стали обнаруживаться знакомые рожи. «Это Цветочек Шерези, — шептались где-то за спиной, — горячий парень». Мне нужно было немедленно что-то предпринять, моя честь, не девичья, а честь дворянина была под угрозой. Не на дуэль же его вызывать? Мне и одной пока достаточно. Что же делать?

Я задумчиво отхлебнула из фляги. Ван Хорн поднес ко рту серебряный бокал, не только меня мучила жажда, пригубил, на нижней губе остался влажный след.

— Вы правы, милорд. — Я бросила пустую флягу на землю. — Нам с вами нужно перейти на «ты».

И, быстро нагнувшись к окошку, я поцеловала Гэбриела ван Хорна в губы.

— Мы выпили и поцеловались так же, как это делали наши предки со времен Спящего лорда. Теперь, дружище, согласно рыцарскому кодексу, мы братья по оружию. Ты будешь называть меня Цветочек, а я... Я потом придумаю, как мне тебя называть!

Последние слова я орала уже удаляющемуся портшезу под хихиканье и аплодисменты зрителей. Победа осталась за мной, как и прозвище Цветочек, которое я уже сама на себя надела. А ведь это он первым так меня назвал, вовсе не Мармадюк, а ван Хорн. На моих губах остался винный привкус, я провела по ним языком.

— Трактир вон там, — сухо сказал Патрик. — Пойдем, Басти.

Оливер и Станислас нагнали нас уже у входа. По блестящим глазам менестреля можно было заключить, что баллада о танцовщице будет готова раньше, чем нам принесут обед.

Но обошлось. Пока трактирщик метал на стол миски с тушенными со свиной бобами, мне удалось незаметно переложить мандолину подальше на лавку. А уж когда принесли прозрачное молодое вино, Станислас даже перестал коситься в сторону своего инструмента. К сожалению, вино оказалось гадким, не чета тому, призрак вкуса которого мне удалось ощутить на губах меченого красавчика Гэбриела. Прекрасно! Так и буду его называть — меченый красавчик!

Я попросила принести также кувшин с водой и вполнину разбавила кислое пойло. Мы в Шерези поступаем именно так, если не ставим себе целью надраться и повеселиться. Застольная беседа касалась в основном отбора. Патрик прикидывал, что необходимое количество бусин при мало-мальской удаче мы соберем месяца за полтора, я в беседе участия не принимала, лишь пару раз поддакнув, когда ленстерец в лицах пересказывал друзьям мою славную баталию с ван Хорном. Станислас поморщился:

— Целовать мужчину, наверное, довольно неприятно.

Я пожала плечами:

— Тут вопрос в том, кому из нас двоих было противней, или в том, кто с отвращением не справился.

— Да ничего особенного. — Оливер подчищал хлебной корочкой уже в моей миске, его блистала чистотой довольно давно. — Просто вытягиваешь губы трубочкой и целуешь.

— У тебя от этого дядя умер? — изогнула я бровь.

— Нет, — не понял шутки великан, — в наших кланах все еще чтут обычаи Спящего лорда.

— Ты лобызал мужчин? — Станислас даже отодвинулся на самый краешек лавки.

— Не лобызал, а скреплял дружбу поцелуем.

— В разных краях разные обычаи, — сказал Патрик. — Например, у нас в Ленстере мужчина и женщина, не связанные узами брака, не могут пить из одного сосуда, ибо это приравнивается к поцелую.

Я вспомнила, как мы передавали из рук в руки фляжку с сидром, и подумала, что по ленстерским обычаям мы все давно друг друга перецеловали.

— А существует ли в мире обычай избежать дуэли?

Мой вопрос повис в тишине. Патрик опустил глаза:

— Я думал, Басти, как нам лучше поступить...

И опять тишина, а затем несмелый струнный перебор. Спящий ему в печеньку! Менестрель добрался до инструмента.

— Тебе придется бежать, — наконец продолжил Патрик. — Турень крупнее тебя, выше ростом и...

— Бежать и покрыть себя позором, — пропел менестрель. — Проявить трусость, поправ дворянскую честь, или погибнуть под грудями туреневского мяса.

— Попади ему в нос с первого удара. — Виклунд повертел в руках мою уже чистую миску. — Лбом, вот так.

Он поднес миску к своей голове, резко подался вперед, твердо держа шею. На столешницу посыпались черепки.

— А если не попаду с первого?

— Он тебя убьет, — пожал великан пудовыми плечами, — если поймает.

— Граф не знаком с искусством рукопашного боя? — пропел Станислас.

— А наследник Доремара им владеет? — огрызнулась я, песенка про трусость меня обидела.

— Ни в коей мере, в наших краях это отдано на откуп черни, которой запрещено владеть оружием. У вас не так?

— У нас не так, — перебил его Оливер. — Нет ничего веселее, чем хорошая драка с достойным соперником.

— А какой соперник Турень, как ты думаешь?

— Рыхлый жирдяй. — Патрик попытался меня утешить. — Он не сможет нанести сильный удар.

— Нашему Цветочку много не понадобится. Я прав, Басти?

— Я никогда ни с кем не дрался по-настоящему, — призналась я, голос слегка дрожал.

— Ну надо же когда-то начинать. — Виклунд цапнул с подноса проходящей мимо подавальщицы краюшку хлеба. — В лучшем случае он сломает тебе переносицу или челюсть. Но шрамы украшают мужчину и воина.

Я представила себя с кривым носом, потом — как питаюсь всю оставшуюся жизнь протертыми супами. Патрик прав, мне надо бежать. Я отдам свои пятьдесят бусин друзьям, пусть поделят по-братски.

Станислас, потерявший интерес к беседе, подбирал аккорды. Вот ведь гаденыш, моя дуэль — следствие того, что я ринулась на его защиту. Мог бы хоть толику сочувствия проявить!

Менестрель поднял на меня карие глаза, взглянул с нежностью:

— Не бойся, граф, ты и в этот раз победишь. Леди удача парит над твоей головой. Иногда мне кажется, что я даже могу ее рассмотреть.

— Напрасные ожидания. — Патрик опять схватил меня за руку.

Я отшатнулась. Надоел! Конечно, такие красавчики ранее за мной не увивались, но место и время выбрано неудачно, да и пол мой, если честно.

— Лорд Виклунд! — Я скрестила руки на груди. — Не будешь ли любезен оказать мне дружескую услугу?

— Излагай, Цветочек.

Оливер подманил очередную подавальщицу и под видом готовности к флирту стянул еще кусок хлеба. Бедняга, конечно, ему нужно есть гораздо больше, чем нам. Клянусь, если выйду из сегодняшнего поединка с Туренем живой и не слишком покалеченной, накормлю своего друга обильным ужином. Я вдруг вспомнила о способе быстрой добычи денег, коим снабдила меня маменька. Я продам картины. Гип-гип-ура!

Выслушав мою просьбу, великан просиял:

— Конечно, Цветочек. Размяться после обеда будет очень приятно.

Мы пошли во двор. Станислас решил остаться в трактире. Я, просто чтобы кем-то покомандовать, велела ему очаровать пением прислугу.

— С какой целью?

— Чтоб пожрать принесли, а денег не взяли. — Оливер ответил вместо меня, видимо, тоже любил командовать. — Граф проголодается после упражнений.

Следующие несколько часов я посвятила обучению. Сделать меня мастером рукопашного боя за столь короткое время не смогли бы даже все авалонские феи скопом. Поэтому мы сосредоточились на главном: Оливер учил меня наносить тот самый первый и последний удар. Он нашел у хозяйственных построек несколько шестов и, пользуясь мясницким тесаком, одолженным у трактирщика, соорудил нечто вроде чучела, примерно с Туреня высотой. Роль головы столичного аристократа исполнял глиняный горшок.

— Ты не польстил сопернику в росте?

— Скорее польстил тебе. — Оливер поставил меня рядом с чучелом, приложил ладонь к моей макушке, потом проделал то же с горшком. — Примерно так. У вас в Шерези все графья такие мелкие?

— Качества достойного мужа определяются не ростом, а доблестью, отвагой, манерами и разумом, — гордо сказала я и, чуть подпрыгнув, тюкнула лбом в горшок, услышала треск, с перепугу решив, что это лопнула моя беспутная голова.

Глиняные черепки лежали на земле. Патрик, оседлавший жердочки привязи, зааплодировал:

— Браво, Басти!

Виклунд одобритительно потрепал меня по плечу:

— У тебя твердая голова.

Я разбила еще немало посуды. Самое главное в этом деле было не ожидать момента удара, наносить его резко, не думая о последствиях.

— Достаточно, — в какой-то момент решил великан. — Не набивай шишек заранее.

— Теперь покажи, что делать, если первый удар его не вырубит.

— Он попробует перевести борьбу в партер. Если тебя прижмут к земле...

Эта часть тренировки вызвала во мне гораздо меньший душевный подъем. Казалось, Оливер может сбить человека с ног одним мизинцем. Было заметно, что он старается меня не покалечить, сдерживает свою силу. Но я падала на землю раз за разом. Это еще хорошо, что борьбу на земле мы решили не репетировать, потому что Виклунд меня бы просто-напросто раздавил.

Когда мы закончили, солнце уже явно стремилось на покой. Скоро закат, значит, скоро состоится моя первая в жизни драка.

Я, обогнув сушащееся на веревках белье, отправилась вглубь двора, к бочке с дождевой водой. С меня тек пот, а одежда и волосы были в беспорядке. Виклунду омовения не требовалось, у него от упражнений даже дыхание ни разу не участилось.

Справилась я довольно быстро. Поплескала в лицо, стянула потуже волосы, влажными руками отряхнула штаны, протерла пучком травы пыльные ботфорты. Настроение было безоблачным. Я любила весь белый свет и себя в нем. Интересно, Станисласу удалось разжиться чем-нибудь съестным? Голод уже давал о себе знать.

Сквозь лен простыней, развешенных на просушку, просматривались силуэты моих друзей, ожидающих, когда я к ним присоединюсь. Лорд наш Солнце развлекался, устроив небольшой театр теней. До меня донесся обрывок беседы.

— Значит, убеди его, Патрик, — настойчиво говорил Виклунд. — Если не хочешь потом месяцами его выхаживать.

Я остановилась, не спеша обозначать свое присутствие.

— Все настолько плохо?

— Хуже чем плохо. Басти хлипкий как девчонка, такое впечатление, что в детстве его заставляли сидеть за вышиванием, не позволяя дружить с мальчишками-сверстниками.

— Он горяч... — Патрик покачал головой. — Он будет возражать.

— Ты умный, придумай что-нибудь. Пусть Цветочек заболит и вместо него выйдет кто-нибудь из нас.

— На это не согласится Турень.

Обидно. А я так гордилась своими успехами.

— Но погоди. — Патрик схватил Оливера за руку. — Басти без усилий разбил лбом дюжину горшков!

— Из необожженной глины. — Вздохом Виклунда можно было наполнить кузнечные меха. — Малыш так радовался разминке, что я не нашел в себе сил все ему объяснить.

«Какой он славный, этот наш великан, — умильно подумала я. — Не хотел задеть мою гордость...»

Я тряхнула головой, отбрасывая со лба выбившуюся прядь волос, и решительно отодвинула простыню.

— А вот и я, господа.

Патрик смотрел на меня глазами олененка, оставленного матерью. Не дав ему открыть рта, я продолжила:

— Прикинув все так и эдак, я решил покрыть свою дворянскую честь несмываемым пятном позора, но избежать дуэли. Я прощаюсь со Станисласом и покину вас, друзья мои. Будете в Шерези, всегда буду рад видеть вас у себя в гостях, если вы не побрезгуете

водить знакомство с обещанным дворянином.

— Басти!

— Просьба напоследок: отправьте мне с оказией фамильный кристалл Шерези.

И я пошла со двора. Все равно придется продать картины. Денег на обратную дорогу у меня нет.

В трактирном зале было душно и весело. Наследник Доремара наяривал на мандолине изо всех сил, гогочущие девицы плясали, высоко задирая ноги. Стол наш ломился от снеди и напитков. Кажется, мои указания были исполнены с должным старанием. Но есть уже не хотелось.

— Прощай, Станислас Шарль лорд Доре, — проговорила я, потянувшись за своим мешком.

— Ты что-то сказал? — Разгоряченный всеобщим вниманием менестрель почти кричал.

— Он попрощался с вами. — Этот голос был негромким, но ввинтился мне в голову, как штопор в винную пробку.

Я обернулась, уронив мешок. Гэбриел ван Хорн широко улыбался.

— Пора платить по счетам, Цветочек.

Вальденс, второй секундант Туреня, глупо хихикал за его плечом, слегка покачиваясь.

— Мы явились сопроводить тебя к месту дуэли, как и предписано правилами проведения дворянских поединков.

— Почему же мои секунданты не сопровождают в это великолепное место вашего пухлого друга?

— Потому, что именно он требует сатисфакции, а не ты.

Ван Хорн схватил меня за плечо, я потеряла способность к сопротивлению. Пора платить по счетам. Помешать нам не пытались, препятствовать делам дворянской чести дураков не было. Патрик, показавшийся на пороге, ринулся было наперерез, но был остановлен Оливером.

Снаружи нас ждала запряженная карета с золоченым гербом на дверцах.

— Ненавижу ходить пешком, — сказал ван Хорн, тяжело опершись на меня.

— Вы делаете мне больно.

— Мы же перешли с тобой на «ты», дружок. — Аристократ с отвращением посмотрел на мои губы и затолкал меня в карету.

Минут через десять пути мы заметили, что забыли Вальденса. Ван Хорн чертыхнулся и велел кучеру разворачиваться. Тощий аристократ обнаружился на полпути к трактиру. Он мужественно пробежал это расстояние, пытаясь догнать четверку лошадей.

— Гэбриел, мой благородный друг! Я умираю! — Вальденс рухнул на мостовую и пополз к карете, не прекращая стенать.

Ван Хорн преувеличенно осторожно повернул голову в его сторону.

И тут я прозрела. Мои надсмотрщики были пьяны в дымину. Я поняла и тяжелую походку Гэбриела, и покачивания Вальденса, который, к слову, всю оставшуюся дорогу провел, высунув голову в окошко кареты.

Турень ждал нас в условленном месте с дюжиной алебардчиков.

Ван Хорн вытолкал из кареты Вальденса, затем обернулся ко мне.

— На выход, Цветочек, сейчас могучий лорд Анри превратит тебя в антрекот.

Я трусила просто до обморока, в который, как известно, ардерские мужчины не падают, поэтому не могла не подпустить шпильку:

— Наслаждаешься мстостью за сорванный поцелуй?

— На-сла-жда-юсь? — по слогам повторил он. — Сорванный? Меня еще никто так не унижал, так неожиданно и изощренно, так...

Снаружи раздался мощный звук, это лорда Вальденса выворачивало на колесо кареты.

— Ничего страшного, если тебе понравилось. — Я ласково провела ладонью по щеке ван Хорна. — От поцелуев Бастиана Мартере графа Шерези все теряют голову.

И, наслаждаясь ощущением победы, тем более что она, кажется, была в моей жизни последней, я величественно покинула карету.

— Басти!

Патрик тяжело дышал после бега. Он опередил остальных друзей, которые, конечно, не позволили бы мне погибнуть в одиночестве. Станислас и Оливер присоединились к нам через минуту.

— Ты оставил ради меня еду, лорд Виклунд?

— Цени, граф. — Великан посмотрел на Туреня, потом на алебардчиков, потом опять на Туреня.

— Я сочиню песнь в честь твоей победы, — неуверенно пообещал менестрель.

На одном его плече болталась мандолина, на другом — два заплечных мешка, его и мой.

Я кивнула:

— Если понадобятся деньги, к примеру, чтоб заплатить лекарям, найдите доманского купца Пучелло, продайте ему картины...

— Поторопитесь, граф! — проорал Турень. — Мне начинает казаться, что кое-кто здесь трусит.

— ...которые найдете в моих вещах, — закончила я фразу и только после этого повернулась к сопернику лицом.

Он был без камзола, в одной лишь сорочке, вместо шарообразных штанов его пухлые ляжки облегали простые удобные кюлоты. Я тоже разделась и, оставив одежду на попечение друзей, подошла к нему.

— И кто же тот человек, которого вы заподозрили в трусости, позвольте узнать?

Гэбриел ван Хорн, чей голос я теперь узнала бы из тысячи, объявил о начале поединка.

Мы с противником разошлись, поклонились друг другу и начали сближаться. Турень двигался будто крадучись, с полусогнутым корпусом, отставив локти чуть назад. И хотя походил он сейчас более всего на упитанного каплуна, выскивающего в грязи зерна, мне было не до смеха. Повадки моего соперника говорили о том, что передо мною опытный боец, и не было в нем ни одышливости, ни неповоротливости, присущей обычно тучным людям.

Шаг, другой, третий. Скользящий, вкрадчивый. Сближение, происходящее не прямо, а по плавной дуге, вгоняло меня в панику. По спине потекла струйка холодного пота, сердце стучало в висках, отдаваясь почти физической болью. Четвертый, пятый...

— Да гори оно все огнем, — пробормотала я.

И, резко метнувшись к противнику, изо всех сил стукнула его лбом в переносицу. Раздался хруст, по моему лицу потекла кровь, Турень рухнул на землю.

Я пошатываясь стояла над ним, прижимая ладонь к рассеченному лбу.

— В поединке чести победил граф Бастиан Цветочек Шерези, — объявил подошедший ван Хорн. — Ты его тоже пытался поцеловать? И он тоже потерял голову?

Вопросы были заданы вполголоса, поэтому я так же негромко ответила:

— Не ревнуй, дружок, — и присела над поверженным.

К моему невыразимому удивлению, он спал, просто спал, испуская миазмы винных паров.

Потом на меня налетел торжествующий Патрик, быстро ставший встревоженным Патриком, принялся прикладывать к моей ране носовой платок, потом меня обнимал Оливер, а Станислас, на которого я уже не сердилась, исполнял во все горло прославляющую мои ратные подвиги песнь.

А ведь менестрель оказался прав, меня действительно сегодня спасла леди удача, которая заставила этих напыщенных маменькиных сынков забыть меру в возлияниях. Если бы Турень не был настолько пьян... если бы...

Когда мы с друзьями уже подходили к заведению, где обитал доманский купец Пучелло, Оливер мне сказал:

— Я поговорил со стражниками, Басти, Анри Турень считается одним из лучших кулачных бойцов столицы. Так что можешь гордиться своей победой.

— Я горжусь. Но ты и раньше знал, что он вовсе не кисель на ножках, которым пытается выглядеть. Как ты узнал?

— Уши.

— Уши?

— Они слишком плотно прижаты к его черепу, так бывает после переломов.

— Уши ломаются? — испуганно переспросила я.

— Часто, у борцов почти всегда, — кивнул великан.

— Покажи свои! Ты ведь сам рассказывал о славных драках, через которые прошел.

— Я просто никому не позволил этого сделать. — И он перекинул за спину массу своих белоснежных волос, открывая огромные, под стать ему, но все же нормальной формы уши.

Мы остановились у вывески.

— Басти, ты уверен, что нам сюда?

Я вслед за Патриком прочла название и кивнула.

— «Три сестрички», прохожий сказал, что доманского купца по прозвищу Пучелло мы найдем именно здесь. Тебя смущает название?

— Это веселый дом. Во всей Ардере они обозначаются особым знаком.

— Каким?

В моем графстве веселых домов не было, ну то есть существовали девушки, зарабатывающие на жизнь собственным телом, но в стайки они обычно не сбивались и уж тем более не оповещали об этом жителей посредством особых знаков или вывесок.

— Да фонарь у входа красный, — сказал Оливер. — Что тебе еще надо?

Я перевела взгляд на фонарь:

— А что, горные куртизанки у вас на вершинах такими же фонарями размахивают?

Мне было немножко обидно, что наследник Виклундов знал о жизни больше меня.

— У нас нет куртизанок, — фыркнул он. — В кланах не позволяют своим женщинам зарабатывать столь позорным образом.

— Погоди, а если у девушки только и есть, что ее тело? Ей что же, с голоду помирать?

— У каждой женщины есть мужчина, который о ней позаботится. Она или жена, или мать, или чья-то дочь. Если женщина осталась без клана, ее примут в ближайший. Женщин меньше, чем мужчин, мы о них заботимся.

— Даже о старухах?

— Особенно о старухах. Они несут в наш мир мудрость.

— Тогда откуда ты знаешь о красных фонарях, если в кланах царит порядок и целомудрие?

— Цветочек, — великан со вздохом потрепал меня по щеке, — не все молодые дворяне прибыли в столицу, оторвавшись от материнской юбки, некоторым пришлось побродить по королевству, прежде чем судьба привела их сюда.

— Это очень интересно, — решил Патрик, который с таким же, как и я, вниманием слушал рассказ Виклунда. — Но, может, нам стоит войти и разыскать купца?

Я поднялась по ступеням и привела в движение кованый дверной молоток. Ставенка за решеткой окошка поднялась после третьего удара.

— Чего надо?

Говорившего видно не было, только его крючковатый нос подсвечивался алым.

— Мне нужно встретиться с купцом Пучелло.

— Не принимает!

Окошко опустилось.

— Что значит — не принимает? Пучелло здесь живет? Аудиенции проводит? Или, — я хихикнула, — работает одной из трех сестричек?

— Дай мне. — Оливер оттеснил меня от двери и бабахнул по ней кулачищем. — Бастиан! Мартере! Граф! Шерези! Требуется встречи с Пучеллой!

Каждое произнесенное Виклундом слово подкреплялось очередным ударом.

— Я спущу собак! — прокричали из-за двери.

— Выпускай! — разрешил великан. — Я их сожру! А если ты, мерзавец, промедлишь еще хоть мгновение, сожру и тебя.

Мне показалось, что Оливер опять впадает в свое боевое безумие. Это было уже плохо, потому что знаниями, как это остановить, я не обладала.

Ее величество королева ардерская Аврора готовилась отойти ко сну. День был суматошным, она устала, более всего ей хотелось накрыться одеялом и проспать десять часов кряду. А пока королева сидела перед зеркалом в своей спальне, одна из камеристок расчесывала ей волосы, другая согревала постель, третья... Впрочем, всего их было семеро, и каждая из них имела чем заняться. Мармадюк приютился в оконном проеме, закутавшись в драпировки, и ждал, пока юные леди закончат хлопотать и покинут опочивальню. Он хотел поговорить, на приличествующий компании вежливый тон не было ни сил, ни желания, поэтому он просто ждал. Наконец девы удалились, королева зевнула:

— Что тебя растревожило? Наши советники оказались недостаточно щедры? Нам опять нужны деньги?

— Что деньги? — фыркнул шут. — Просто железки, которые некогда решили считать чем-то ценным.

— Поэтому ты придумал ввести в оборот бусинки?

— Излишки меди в кладовых и простой королевских кузниц — вот основные причины. К тому же бусины станут хорошим поводом повторить арифметику для твоих миньонов. Ты знаешь, что многие из них неграмотны?

— Я могла это предположить, — улыбнулась Аврора, закутываясь в одеяло, — но мне было лень. Пройдет время, все образуется, глупцы и лентяи покинут нас, останутся лишь самые верные, самые... Но разве об этом ты хотел со мной поговорить?

Мармадюк заговорщицки посмотрел по сторонам, приблизился к королевскому ложу и присел на его край.

— Я сегодня потрогал твою Шерези!

Аврора хихикнула:

— Насколько страстно? Теперь, как честный человек, ты на ней женишься?

— За шею! — с напором продолжил шут. — За нежную цыплячью шейку. Пришлось сделать вид, что я не могу справиться с гневом и пытаюсь придушить юного претендента.

— Какие сложности.

— Она парень. Ты ошиблась.

— Я не ошибаюсь.

— Кадык!

— Что кадык?

— У Шерези есть кадык. Значит, она мужчина. Я могу допустить, что женские округлости можно как-то замаскировать, а топорщащийся гульфик списать на искусство портного, но вот эта вот штука, — Мармадюк щелкнул себя по горлу, — на женщинах не растет.

— Ах, мой дорогой, — королева уже почти спала, — поверь своей королеве, поднаторевшей в тонкостях фейского волшебства. Конечно, наш граф сейчас самый настоящий мальчик. Просто когда в следующий раз тебе захочется его потрогать, сосредоточься не на том, что ты чувствуешь, а на том, что ты должен ощутить. И кстати, если тебе интересно, такую грудь, которой одарили супруги Спящего нашего мальчика, не спрячешь ничем, кроме колдовства.

— Она хорошенькая?

— Весьма. И похожа на мать. Ты же помнишь леди Аданто?

— Художницу? Еще бы! Она блистала при дворе, когда ты только начинала свой путь к трону.

— Тогда представь себе Консуэло, но тоньше в кости, выше и изящнее.

Королева закрыла глаза, размеренно задышала.

— Ты не хочешь ей помочь?

— Кому? — Аврора вздрогнула, но глаз не открыла.

— Нашей леди-графу? Ведь если фамильный кристалл признает ее наследником, значит,

никаких братьев у нее нет, отец, который мог бы рождению братьев поспособствовать, скорее всего, давно в чертогах Спящего. Девушке приходится выживать, притворяясь мужчиной. Мы ведь можем ей помочь, вернув ей женскую суть, одарив титулом и выдав замуж за какого-нибудь не особо противного аристократа?

Изумрудные очи королевы открылись.

— Тебе, мой дорогой, несвойственна сентиментальность, ожидать ее от меня ты тоже не будешь. Стало быть, тебе не нравится граф Шерези и ты хочешь от него избавиться, сохранив при этом мину добряка?

Мармадюк расхохотался:

— Просто хочу быть уверен, что дамские сантименты не лишат меня развлечения в самый интересный момент.

— Я иногда забываю, как низко ты ценишь женский ум.

— Кроме твоего, моя королева. Я также опасался, что ты решишь прекратить маскарад, чтоб не отвлекать наше внимание от главной цели. Все равно у нашей Шерези нет никаких шансов в борьбе за место у трона.

— Посмотрим, — улыбнулась Аврора. — Ты говорил, на закате состоится дуэль?

— Именно, с юным Туренем.

— С тем самым, который укладывает одним ударом кулака быка? Отвратительное развлечение.

— А мне понравилось. — Шут пожал плечами. — Если твоя Шерези останется жива после встречи с лордом Анри, я обещаю сам заняться ее воспитанием.

— Договорились. И раз уж ты своими разговорами достиг цели — прогнал мой сон, тащи сюда фолианты, которые оставил у двери, займемся учетом финансов.

Глава 5

МЕДНЫЕ МИНЬОНЫ

Моник означает «советница», и лучшего имени для нее было сложно себе представить. Потому что молодость и красота проходят быстро, а способность разбираться в хитросплетениях характеров и поступков остается.

Моник провела щеткой по волосам, пепельные локоны послушно следовали за движениями. Мягкий свет свечей золотил щеки, заставлял глаза таинственно мерцать. Прекрасно! Гэбриел будет доволен, когда вернется. Моник решила для себя, что этот возлюбленный станет у нее последним, не последним любовником, а последним... объектом. Венцом карьеры, мальчиком, которого она лично сделала мужчиной и возвела к вершинам власти. Потому что, как известно, за каждым великим человеком скромной тенью стоит женщина. План она составила для себя пять лет назад, когда неприметный слуга с шевронами ван Хорнов на рукаве принес ей послание и шелковый кошель, полный монет. Юный Гэбриел — наследник лорда-канцлера, ранее скрываемый ото всех в отдаленном от столицы фамильном замке. От Моник требовалось немного — слегка обтесать капризного отрока, научить манерам и куртуазному обхождению.

Женщина покачала головой, улыбнувшись своему отражению. Пять лет — немалый срок. За это время из юного дикаря у нее получилось сделать вполне видного аристократа. Ах, как поначалу не складывалась их дружба, каким презрением одаривал ее Гэбриел, и сколькими приятными способами приходилось ей доказывать свою верность и страсть. Сейчас ему двадцать три, и, по слухам, ван Хорн-старший начал осторожные шаги в поисках наиболее выгодной для него невестки.

Вот такого оборота Моник не желала абсолютно. Она прекрасно отдавала себе отчет, что на ней-то наследник точно не женится, но супругу ему желала выбрать сама. Какую-нибудь серую мышку, которая не станет лезть в мужские дела, не будет властной или сильной, из чьей постели Гэбриел всегда будет возвращаться к любовнице.

Авантюра с королевскими миньонами пришлась очень кстати. Канцлеру придется на время отложить матримониальные планы.

Но тут взбрыкнул Гэбриел, не желающий участвовать в толкучке у трона, его устраивало существование в тени отца, и куртизанке пришлось применить все свои дипломатические таланты, чтобы добиться своего. И не только дипломатические. Для начала пришлось убеждать канцлера, разумеется — в постели. Ведь мужской ум более всего податлив после страсти, и как бы случайно оброненная шепотом фраза застревает в мужской голове надолго. Моник всегда с удовольствием пользовалась этим приемом. Она шепнула нужные слова после полуночи, и уже на рассвете Гэбриел получил недвусмысленный приказ родителя, послушаться которого не мог.

Теперь малыш будет стараться, а она — направлять и поддерживать, и когда-нибудь...

Кстати, а куда запропастился малыш?

Она отложила щетку, поднялась, подошла к окну. Вечер давно сменился ночью. Дуэль Туренья была назначена на закате, мальчишки должны уже вернуться сюда — в «Три сестрички», чтобы продолжить праздновать победу. Потому что кутеж свой аристократы начали сразу после полудня.

Моник рассеянно посмотрела на уже прибранный обеденный стол. Несколько часов назад он ломился от яств и бутылок. Турень хохотал, заливая в свою ненасытную утробу дорогое тарифское вино.

— За лучшего борца Ардеры! — Гэбриел провозглашал тост за тостом, не забывая наполнять бокал и лорду Вальденсу, который, невзирая на шуплость, мог перепить лошадь. — Нам нужно как следует отпраздновать последний день свободы, господа!

Моник осторожно пыталась остановить попойку, указав на то, что, продолжив в таком темпе, лорды могут просто не добраться до места дуэли.

— Пошли кого-нибудь за каретой ван Хорнов, — зло оборвал ее любовник.

И пока куртизанка отлучалась, чтобы отдать распоряжения, на столе появилась еще одна бутылка — прозрачного граненого стекла, с вязким зеленым содержимым.

— Эликсир фей? — благоговейно спросила Моник, принимая из рук Гэбрила бокал.

— Это в твою честь, дорогая.

Когда ван Хорн улыбался вот так, ей становилось немножко не по себе. Из-за шрама на щеке улыбка всегда получалась кривоватой, и иногда, когда его глаза были холоднее льда, Моник начинало казаться, что она совсем не знает своего любовника.

Напиток оказался божественным, жгуче крепким, с нотками корицы, аниса и дягиля. Она долго катала во рту пряный шарик, раскрывая все его вкусы. Божественно.

Тостом в ее честь первая часть попойки и завершилась. Туреня, едва стоящего на ногах, увели на место дуэли его стражники. Сразу после этого явился кучер ван Хорнов доложить, что карета подана.

— Я скоро вернусь, дорогая. — В поцелуе Гэбриела не чувствовалось страсти, будто все его мысли занимало нечто важное, не имеющее к Моник никакого отношения.

Это было немножко обидно, но на столе ее ждала едва початая бутылка эликсира, и куртизанка знала, чем займет себя в ближайшие несколько часов.

Но вот бутылка пуста, комната прибрана слугами, постель разобрана ко сну, а Гэбриела все нет.

С улицы донесся шум, истошные крики, кто-то колотил в дверь, судя по звукам, осадным тараном. Моник позвонила в колокольчик, чтобы призвать слуг, затем, не в силах ждать, накинула на плечи шаль и сама отправилась выяснить, в чем дело.

Слуги, проигнорировавшие звон ее колокольчика, столпились внизу лестницы, по которой уже быстрым шагом спускался хозяин заведения доманец Пучелло. В его руках был взведенный арбалет, а на голове подпрыгивал ночной колпак.

— Что случилось, батюшка?

Разумеется, Моник не состояла в близком кровном родстве со своим хозяином, просто таковы были правила их игры. Батюшка, три прелестные дочурки, две из которых время от времени менялись, что, впрочем, не тревожило ни гостей, ни самого родителя.

— На нас напали каннибалы, — дрожащим голосом сообщил охранник Джузеппе. — Их предводитель сказал, что съест меня.

— Да я сам его!.. — Пучелло угрожающе вращал глазами и потрясал арбалетом.

— Тише. — Моник подняла руку, призывая всех замолчать.

Грохот прекратился, голоса снаружи становились все громче, там разгоралась перебранка. Один из голосов был ей прекрасно знаком. И Моник уверенно отодвинув засов, распахнула дверь и бросилась на шею Гэбриелу ван Хорну.

— Я соскучилась, любовь моя.

Юноша покачнулся, но на ногах устоял.

— Утешьте его, красавица. — Звонкий голос говорившего был ломким, будто его обладатель только переступил порог взросления. — Ардерские аристократы с трудом переносят поражения от провинциалов.

Моник повернулась. Действительно, почти мальчишка, тонкий, горячий, страстный. И хорошенький, даже подсохшая струйка крови на лбу не портила пикантную мордашку. Провинциал поклонился, держа руки перед грудью:

— Граф Шерези к вашим услугам, леди, всегда и особенно сегодня, в случае если доблестный ван Хорн окажется не на высоте.

Оба спутника графа ухмылялись, третий — а был, оказывается, еще и третий — с трудом поднимался с мостовой, придерживаясь за стену заведения.

Моник смерила юного наглеца строгим взглядом, остановив его, впрочем, в районе многозначительно оттопыренного гульфика.

— Мою милость вам придется еще заслужить, граф. Я не из тех девушек...

— Граф Шерези! — Пучелло несся к ним, размахивая арбалетом.

Моник побледнела, ибо оружие все еще было заряжено. Такой милый нахал, какая жалость...

— Дорогой племянничек! Как же я рад вас видеть!

Арбалет полетел в сторону, механизм сработал от удара о мостовую, Гэбриел за ее спиной охнул, а юный нахал прыгнул вперед, сбивая Моник с ног.

Куртизанке показалось, что время замедлило свой бег. Пронзительный свист рассекаемого арбалетным болтом воздуха, боль в ушибленной спине, тяжесть графского тела, которым тот прижимает ее к земле, локон смоляных волос, отделившийся от его шевелюры.

Реальность ускорила.

— Басти, ты ранен? — закричал кто-то, оттаскивая Шерези от оглушенной девушки.

— Моник! — Это уже Гэбриел приподнял ее за плечи. — Ты не пострадала?

— Я? Да, кажется, вполне может быть...

И прекрасная куртизанка лишилась чувств в объятиях своего любовника.

Нырнувший в пучину боевого безумия великан и я, чьи члены наливаются слабостью от подступающего ужаса. Какая до боли знакомая ситуация! Только теперь рядом нет Мармадюка, способного совладать с Виклундом.

— Оливер, — пискнула я, потянув того за край плаща, — держи себя в руках.

Он обернулся и предпочел держать в руках чью-нибудь шею, например мою.

Я пискнула, затем охнула, придавленная к мостовой его телом.

— Бастиан? — Патрик схватил меня за плечо, вытаскивая из-под обмякшего великана.

— Ты знаешь, куда ему нажимать, чтоб остановить безумие? — Я отряхнулась и склонилась в низжайшем поклоне. — Благодарю.

— Пустое. — Ленстерец смотрел куда-то через мое плечо. — Эту науку мне пришлось освоить в самом начале нашего с лордом Виклундом путешествия. Тебе тоже стоит научиться, наш друг впадает в это состояние по поводу и без. Неужели он следит за нами?

Последняя фраза была произнесена абсолютно другим тоном и заставила меня обернуться.

По узкой улочке, преувеличенно осторожно обходя лужи и городской мусор, к нам приближался меченый красавчик ван Хорн. Один, без сопровождения.

— На этот раз столичный аристократ изволил потерять карету? — приветствовала я его.

— Что ты здесь делаешь?

— Я возвращаю вопрос. Что ты делаешь здесь? И почему пешком? И, кстати, как ты нашел меня в трактире, чтоб сопроводить на место дуэли?

Патрик стоял за моей спиной настолько близко, что я чувствовала тепло его тела.

Ван Хорн ухмыльнулся:

— Ты вернул больше одного вопроса. Но что ж, изволь. Свою карету я одолжил достойным лордам Виклунду и Туреню, здесь я дышу свежим воздухом, а трактир... Господин менестрель, который сейчас жметя к стене, за сегодняшний день достиг в столице некоторой известности. Прохожие уверенно указали мне заведение, где он развлекал публику игрой на мандолине. — Тут его взгляд остановился на Виклунде.

— Может, отлипнешь от одного своего дружка и поможешь другому?

Патрик за моей спиной встрепенулся, чтобы достойно ответить, но в этот момент дверь заведения, в которую мы так бесславно ломились несколько мину назад, распахнулась и в объятия ван Хорна подобно ночной бабочке впорхнуло милейшее создание.

— Я соскучилась, любовь моя.

Создание было закутано в дорогую паутинчатую шаль, поверх которой в продуманном беспорядке разметались пепельные локоны. Маменька моя за такую натуру ухватилась бы всеми конечностями. С таких натур хорошо аллегории плодородия изображать — обильное мягкое тело, ямочки в нужных местах.

Ван Хорн это обилие привычно обнял и прижал к груди.

Мне стало обидно, что для него открылись двери, для нас, провинциалов, закрытые, поэтому я принялась язвить, насколько хватило фантазии. Ничего особенного — невинный флирт с целью вызвать раздражение меченого красавчика. Но кургуазное общение задушило в зародыше появление нового персонажа. Ко мне, размахивая взведенным арбалетом, несся некто в ночном колпаке. Некто носатый, орущий с явным доманским акцентом:

— Дорогой племянничек!..

Остротой ума новоявленный дядюшка явно не обладал, иначе ни за что не бросил бы на землю взведенный арбалет. Полета болта я не видела, предугадать его тоже не могла, но какое-то чутье, может, женская интуиция, заставило меня молниеносно оттолкнуть аллегория плодородия.

Уже потом, сокрушаясь о прореженной шевелюре, я поняла, что, промедли я хоть мгновение, на мостовой вместо моего локона лежала бы эта девушка.

Нас растащили. Ван Хорн, подхватив свою возлюбленную на руки, понес ее в дом. Я слегка удивилась, что делал он это почти без усилий.

Доманский дядюшка еще некоторое время носился по улице, сокрушаясь из-за своей неловкости.

— Он правда твой родственник? — спросил меня уже пришедший в себя Оливер.

— Думаю, это какая-то экзотическая доманская традиция, — не упустил возможности поумничать лорд Уолес. — Матушка нашего графа — доманка, следовательно, мы можем предположить, что для любого доманца...

— Господин Пучелло... — «Дядюшку» удалось поймать не с первого раза, а с третьего, сдернув с него ночной колпак. — Консуэло Аданто графиня Шерези рекомендовала мне обратиться к вам сразу же по прибытии в столицу.

Под колпаком Пучелло был абсолютно лысым.

— Консуэло! — возопил доманец и попытался отобрать у меня свой колпак. — Моя дорогая сестра!

— Вы не могли бы выражать свою радость потише? — Я наступила Пучелло на ногу.

Мне не хватает только чистоту своей дворянской крови теперь всем доказывать. Патрик Уолес прав, у доманцев все друг другу братики-сестрички и племянники с дядюшками.

Но радость этого конкретного доманца показалась мне слегка преувеличенной. Матушка давно не пользовалась его услугами? Ну да, она же последние полгода нечто эпическое пишет, ей не до миниатюр было. Стало быть, труды моей достойной родительницы в столице высоко ценятся? «Буду торговаться до хрипоты», — решила я и убрала свою ногу с домашней туфли хозяина.

Нас пригласили внутрь. Дом был двухэтажным, на второй вела устланная ковром лесенка. Друзей я оставила на первом — в зале с зажженным камином и обеденными столами. Пучелло распорядился сервировать ужин, а меня увлек наверх. Ему не терпелось уединиться для делового разговора. Мы прошли узким длинным коридором, за одной из приоткрытых дверей Гэбриел ван Хорн стоял у окна, глядя в темноту ночи. Его возлюбленной видно не было.

Сказать какую-нибудь пришедшую на ум дерзость я не успела, «дядюшка» толкнул следующую дверь:

— Прошу, граф. Здесь нам никто не помешает.

Это был кабинет делового человека, все простенки которого занимали дощатые полки с кипами переплетенных в кожу бумаг, по центру стоял письменный стол, на который я и положила свой мешок и, не дожидаясь приглашения, села в кресло для посетителей.

— Вы чем-то смущены, граф? — Доманец дрожащими руками разворачивал предложенные полотна.

— Я не ожидал, что вы окажетесь владельцем веселого дома, — честно ответила я, — и пока не знаю, как к этому относиться. Матушка моя о ваших занятиях осведомлена?

— Конечно нет. — Он испуганно охнул и сразу же ахнул, рассмотрев в свете свечей первую картину, судя по изумрудному цвету травки и белоснежному — овечек, пастораль. — И, надеюсь, Консуэло никогда об этом не узнает.

— Графиня Шерези.

— Простите?

— Графиня Шерези, — повторила я с нажимом. — Недопустимо называть благородную леди просто по имени, если она, эта леди, не является королевой. Вы могли бы назвать наше величество в разговоре просто Аврора, и никто не счел бы это оскорблением. Поименование же таким образом моей матушки может нанести оскорбление нашей фамильной чести и мне лично.

— Лет двадцать назад, граф, мы с вашей матушкой...

— Мне хотелось бы остаться в неведении, — перебила я нахала.

На самом деле я, наверное, опасалась, что узнаю о прошлом матери нечто непристойное. Если бы на сегодняшнем отборе меня не лишили оружия, клянусь, я бы уже пустила его в ход. Мое тело горело, кровь ударила в голову.

— Даже двадцать лет назад мы с леди Аданто были на «вы»!

Я выдохнула.

Следующие полтора часа моей жизни можно было спокойно из этой жизни вычеркивать. Сначала Пучелло просто рассматривал картины, затем, вооружившись громадной линзой и велел принести еще свечей, рассматривал мазки краски, сличал росчерк-подпись, которой каждый настоящий художник помечает свои картины. Затем...

Торговалась я, конечно, исступленно, но, судя по довольно блестящим глазам хозяина, проиграла этот бой. Кажется, другого Пучелло от графа и не ожидал.

Дворяне не должны торговаться, они должны грозить клинком каждому, кто вздумает упрекнуть их в бедности. Дворяне не должны работать, это вассалы должны снабжать их всем необходимым. Да мало ли что там должны эти дворяне. На самом деле деньги любят все — и аристократы, и простолюдины, даже не деньги — а ту свободу и комфорт,

которые за них можно получить. Но некоторые проклятые условности заставляют всех делать вид, что презренный металл их интересует мало.

— Приятно иметь с вами дело, граф, — сообщил мне хозяин уже под конец разговора. — Вам и вашим друзьям всегда будут рады в «Трех сестричках». Особенно рада будет Моник, которую вы спасли сегодня. Думаю, она выразит вам благодарность лично, как только...

Тут Пучелло пришло в голову, что, одержимый жаждой наживы, он забыл поинтересоваться самочувствием белокурой Моник, и он быстро вытолкал меня из кабинета, чтобы скрыться за соседней дверью.

Я его не задерживала. Дело сделано, все бы деньги в этой жизни добывались так просто. Теперь лорд Виклунд получит свой обещанный ужин. Хотя он-то уже его получил благодаря гостеприимству хозяина «Трех сестричек». Интересно, а мне хоть черствую корочку на столе оставили?

Я спустилась в зал, Станислас с Оливером сидели за столом, вяло беседуя, пока слуги подавали перемену блюд. Патрика нигде видно не было. Он появился из бокового коридорчика, когда я уже спустилась по лестнице.

— Все в порядке?

Есть хотелось просто до безумия, но второго такого удачного момента могло и не представиться. Мне давно нужно было поговорить с ленстерцем. Причем наедине, без лишних ушей и глаз. Поэтому, бормотнув:

— Тебя-то мне и надо. — Я увлекла Патрика под лестницу.

Он растерянно смотрел на меня, прислонившись спиной к стене.

— Басти!

Я решительно сняла со своих плеч его ладони:

— Лорд Патрик Уолес! Поклянись абсолютно честно и серьезно ответить на один мой вопрос.

В глубине его изумрудных глаз ничего не читалось — ни испуга, ни удивления.

— Клянусь.

— Ты... мужеложец?

— Что? — Смеялся он красиво, блестя белоснежной улыбкой. — Конечно нет.

Я покачала головой:

— Тогда я прошу более пространный ответ. Почему ты постоянно трогаешь меня, берешь за руку, почему везде, куда я ни пошатнусь, меня встречает либо твое плечо, либо грудь, либо взгляд?

Он выдержал паузу, во время которой я успела грозно сдвинуть брови и скрестить руки на груди.

— Бастиан Мартере граф Шерези, — наконец проговорил он серьезно и, как мне показалось, с толикой высокомерного превосходства. — Мир велик, в нем множество традиций и обычаев. Я воспитывался в монастыре среди женщин, может, иногда мое дружеское участие истолковывается превратно человеком, выросшим в более суровых условиях. Если бы ты был внимательнее, заметил бы без труда, что точно так же я смотрю на Оливера или Станисласа, точно так же они могут рассчитывать на мое дружеское плечо или руку.

Я опять качнула головой. Патрик продолжил, в его тоне уже не угадывалось, а явно слышалось высокомерие:

— Из этого мы можем вывести сразу две аксиомы. Первая — ты настолько поглощен

собой, что замечаешь только то, что касается тебя. А вторая... Может, ты боишься вовсе не моих, а своих чувств? Может, это ты желаешь меня, не в силах себе в этом признаться?

И, оттолкнув меня, Патрик Уолес вышел из закутка. Святые бубенцы! Я только что обидела хорошего человека.

— Подожди! — Выскочив следом, я схватила его за руку. — Прости. У нас действительно не приняты нежности между мужчинами и...

Я не знала, что еще сказать, покраснела, смешалась. Патрик обнял меня и похлопал по спине.

— Мы друзья, Басти, между друзьями не должно быть обид.

Мы немножко постояли обнявшись. Я не дергалась, чтобы опять его ненароком не обидеть, а он как будто проверял меня на прочность.

— Может, вы наконец соизволите отлипнуть друг от друга?

Мы отскочили как ошпаренные. Кривая ухмылка меченого красавчика Гэбриела была особенно, просто эталонно гадкой.

Захотелось оправдаться, как-то объяснить двусмысленность ситуации, но желание пришлось задавить в зародыше.

— Как себя чувствует белокурая Моник?

Какая жалость, что на моей щеке нет шрама и об эталонной кривизне улыбке я могу только мечтать.

Ван Хорн моргнул, видимо, он как раз ожидал оправданий.

— Ей потребуется несколько часов сна, — наконец ответил он.

А затем, легко кивнув Патрику, потянул на себя входную дверь.

— Ты покидаешь нас так рано?

Меченый красавчик вышел, никак не отреагировав на мой вопрос. Невоспитанный хам! Ничтожество! Мало того что я не дождалась от него изъявлений благодарности за спасение его любовницы, так еще мною так пренебрегли!

— Ты не пострадал при падении? — спросил меня Патрик, беря под руку и увлекая к обеденному столу.

— Нисколько, белокурая Моник была довольно мягкой.

На рассвете нас ожидали во дворце, стоило побыстрее закончить ужин и подыскать место для ночлега. Оливер, уже сытый и довольный, предлагал расположиться на ночь в «Трех сестричках», Станислас его поддерживал, многозначительно кивая на мой новоприобретенный кошель, я с Патриком возражала. Причины у нас с другом были разными. Он относился к торговле телом с присущей ученому брезгливостью, я же не хотела надоедать просьбами Пучелло. Потому что просьба накладывает обязательства, а быть обязанной владельцу веселого дома мне не хотелось. Мы спорили вполголоса, когда в трапезную спустился хозяин, поставивший в нашем споре жирную точку. Нам предлагалось воспользоваться его гостеприимством абсолютно бесплатно, той его частью, которая не предполагала ночь страсти. Четыре места в общей спальне слуг и завтрак всего лишь в обмен на песенку, которую за полчаса сочинит наш менестрель. Станислас немедленно принялся подбирать аккорды.

Пучелло склонился ко мне:

— Пройдемте, граф. Моник желает выразить вам благодарность. Бедняжка слаба, но несколько слов...

Я засунула в рот истекающий соусом ломтик мяса и принялась работать челюстями уже

на ходу.

Куртизанка принимала меня в спальне, откинувшись на подушки, кружево пеньюара открывало аппетитные плечи. Святые бубенцы, сколько же там ямочек!

— Мой спаситель... — Голубые глаза влажно блестели. — Приблизитесь, возьмите меня за руку.

Я присела на краешек постели, попыталась побыстрее проглотить еду, чтобы ответить нечто приличествующее случаю, но подавилась и закашлялась.

— Глотните вина, граф.

Моник выбралась из-под шелкового покрывала, ринулась к столу, налила в бокал и, когда я, уже отпив, заглушила очередной спазм и вдохнула полной грудью, расчетливым движением завалила меня на постель.

Туше!

Драться с женщинами мне раньше приходилось: и с Мари, и с Сюзетт, и еще с десятком пейзажников. Правда, дело было давненько, в отрочестве, да и приемы, которые мы тогда использовали, сводились к тасканию друг друга за волосы, истошному визгу и брани. Никто из моих подруг не пытался сразу же залезть мне в штаны, елозя всем телом и томно дыша. Ну не могу же я оттащить за волосы красотку, так недвусмысленно выражающую страсть и желание. Коко-де-мер на действия Моник не реагировал, демонстрируя безразличие и мужественную твердость.

Меня наградили душным поцелуем, куртизанка оставила мой гульфик, чтобы потянуться к груди, я перехватила тоненькое запястье;

— Моник, душа моя, посмотрите на меня.

Взгляд ее был мутным, а зрачки расширенными. Я потянула носом. Пахло чем-то хмельным, но не вином.

— Вы пьяны, моя дорогая?

— Да, нет, не важно. Я отправила прочь Гэбриела, чтоб выразить вам свою благодарность.

Хо-хо! Кажется, я заранее отомстила за пренебрежение неким меченым красавчиком, отбив у них даму! Ай да я, ай да...

— Стоп!

Гульфик мог не выдержать новой атаки, и мое мужское достоинство покатило бы по шелковым простыням. Этого я допустить не могла.

— Шерези не принимают благодарности подобным образом, — твердо проговорила я и выбралась из-под куртизанки. — Мы не делаем этого без любви.

— Я подарю вам любовь.

На столе кроме почти полной бутылки вина стоял резной сосуд, на дне которого сквозь прозрачное стекло виднелись несколько изумрудных капель.

— Что это?

Попытка сменить тему разговора была жалкой, но мне требовалось выиграть время, чтобы подготовить оборону. Труляля по любви — это сказочка для наивных дев, никто здесь в нее не поверит.

— Эликсир фей. — Моник, уже запахнувшись в пеньюар, взгромоздилась на постель. — Говорят, он вызывает экстаз.

Я поднесла горлышко сосуда к носу. Анис, полынь, еще какие-то травы, может, белладонна. Не знаю как экстаз, но видения оно может вызвать зверские. Расширенные

зрачки моей визави получили свое объяснение. Сомневаюсь, что это зелье имеет хоть какое-то отношение к феям...

— Мачеха Гэбриеля постоянно присылает ему всякие фейские штучки, некоторые он приносит ко мне. — Моник зевнула, прикрыв рот ладошкой. — Не хочешь страсти, не надо. — Она похлопала рукой по постели рядом с собой. — Иди сюда, обещаю, что не посягну на честь Шерези.

Я подняла с пола свой бокал, нацедила туда вина и присоединилась к куртизанке. То, что она перешла на «ты», было естественно и нисколько меня не смутило.

— Мачеха ван Хорна водит дружбу с феями?

— А что ей еще остается? Муж не позволяет ей жить в столице, устраивать приемы, как было бы прилично леди ее статуса, вот она и занята ерундой. Эликсир этот — та еще гадость, никакого тебе экстаза, одна головная боль. А я ведь целую бутылку приговорила.

— У тебя луженый желудок.

— Таких комплиментов мне никто никогда не говорил, — серьезно кивнула куртизанка.

Мы посмотрели друг на друга и рассмеялись.

— Друзья зовут меня Басти, — проговорила я, вытирая рукавом повлажневшие от смеха глаза.

— А меня как тебе будет угодно, спаситель. Что ж, раз ты отказываешься от самой предполагаемой в нашем положении награды, Басти, нам придется придумать что-нибудь другое. Чего ты хочешь?

— Ванну и несколько часов уединения, — не задумываясь ответила я.

— Легко. — Она перегнулась к прикроватному столику и взяла в руки колокольчик. — Наполните ванну, — велела она явившемуся слуге, — и подготовьте в купальне все необходимое лорду для приведения себя в порядок: ароматные соли, пены, бритву и полотенца.

— Купальня?

— Ты сможешь запереться на засов.

Когда двери спальни открылись вторично, впуская четверку слуг и вереницу служанок с ведрами, над которыми клубился пар, следом за ними воздвигся лорд Виклунд.

— Цветочек? — Горец оценил диспозицию с полувзгляда — я с куртизанкой на постели, настроение благодушное, одежда в беспорядке. — Мы собираемся отойти ко сну.

— Мы тоже, — хихикнула Моник, мне показалось, что, невзирая на луженый желудок, эликсир действует на ее самочувствие сокрушительно. — Сегодня ночью за вашим Цветочком будет ухаживать другой садовник.

Начался исход слуг с пустыми ведрами, Оливер показал мне из-за спины большой палец. Я мысленно закатила глаза. Жизнь графа налаживалась, он за один вечер стал бретером и дамским угодником. Надо помолиться при случае, чтобы слухи о моих столичных похождениях достигли Шерези как можно позже. Думаю, матушка слегка расстроится, узнав о моих успехах.

В купальне действительно был засов, который я со вздохом опустила, оказавшись внутри. А еще там была ванна с кипятком и мраморная выточенная ваза, в которой я опознала клозет. Клозетище! Трон для размышлений! Как же мне тебя в этой жизни не доставало! Будь моя воля, я установила бы эдакие троны во всех комнатах Шерези, даже в столовой и кухне, чтобы не страдать от их отсутствия ни одного лишнего мгновения.

Счастье, когда я наконец, раздевшись и сняв фейский пояс, опустилась в горячую воду, несколько омрачалось Моник. Куртизанке в одиночестве было скучно, поэтому она села с той стороны двери, ведя беседу сквозь замочную скважину.

— В некоторых местах, — поведала она мне заунывным голосом фамильного привидения, — в стенах купален проверяют специальные дырочки, в которые клиенты могут любоваться...

Я ахнула и нырнула под воду с головой.

— Но здесь такого нет, — услышала я, вынырнув, — мои гости обычно такого ранга, за которыми подглядывать себе дороже.

— Расскажи о своих гостях, — успокоившись, попросила я. — Их много?

Моник помолчала.

— Я не могу тебе всего рассказать, Цветочек. Излишняя болтливость мешает работе и может помешать самой жизни. Если хочешь, ты можешь задавать вопросы, на которые я могу отвечать только «да» или «нет».

Предложение было щедрым, но, к сожалению, многих столичных аристократов я не знала, так что и полезных вопросов придумать не могла. Я честно объяснила это куртизанке.

— Значит, сыграем в эту игру в следующий раз. — Она опять зевнула. — Можно мне задать тебе вопрос?

— Зависит от вопроса.

— Не зависит. Обещай ответить честно и только «да» или «нет».

— Ну хорошо.

Моник начала толкать дверь, и хотя я была почти уверена в крепости засова, рисковать не хотелось.

— Когда ты понял, что тебе нравятся мужчины?

На этот вопрос невозможно было ответить «да» или «нет». Но Моник опять толкнула дверь.

— В четырнадцать лет, — быстро проговорила я. — В Шерези как раз была пора сенокоса, и косари работали по пояс обнаженными, я смотрел на их блестящие на солнце тела и ощутил некое томление, доселе мне неизвестное.

— В Шерези у тебя был милый дружок?

— Да.

— Он отпускал тебя в столицу со слезами?

— Нет. Он изменил мне с пейзажкой, и я... Он плакал после моего наказания.

— А любовь?

— Ее не осталось, я не смог простить измену.

— Бедный мальчик, — всхлипнула Моник за дверью, речь ее становилась все менее связной. — Надеюсь, ты встретишь здесь достойный объект своих чувств. Многие аристократы обладают теми же особенностями, что и ты...

Последовало молчание. Я позвала:

— Моник.

И, услышав негромкий храп, поняла, что мою собеседницу сморил сон.

Все складывается неплохо. В сказочку о труляля по любви куртизанка не поверила, зато придумала себе другую, не придется ломать голову самостоятельно и громоздить ложь на лжи.

Ванну я покинула, когда вода совсем остыла. Бритвы мне не требовалось — волосной покров графа не распространялся на лицо, а вот ароматными притираниями я воспользовалась с наслаждением. Чисто вымытые волосы послушно затянулись в косицу. Я тщательно рассмотрела себя в напольном зеркале, несколько дней дороги не лучшим образом сказались на моем женском теле. Кроме ранки на лбу был еще синяк под грудью и царапина на лодыжке. От притираний кожу там слегка пощипывало. Когда буду торговаться с феями в следующий раз, надо будет запастись заживляющими снадобьями. Хотя где я этих фей здесь найду? Птица в Ардере редкая — настоящая живая фея. Возвращение в Шерези к моей Илоретте в ближайшее время невозможно. Значит, нужно найти лекаря-человека, они, наверное, продают нужные снадобья. Не сама же Моник себе притирания готовит? И еще — феи с родины ван Хорна. Может, его фамильные владения неподалеку от столицы?

Тут мои мысли вернулись к меченому красавчику и застали меня довольно улыбаться. Страдает он, наверное, воображая, как грязный провинциал проводит время с его возлюбленной. И так проводит, и вот эдак... Труля-ля-ля-ля!

Застегнув пояс и натянув одежду (которая, в отличие от тела, чистой не была), я вернулась в спальню, отодвинув обмякшее тело Моник дверью и протиснувшись в образовавшуюся щель.

Взгромоздить куртизанку на постель было целым делом. Ван Хорн нес ее на руках абсолютно без усилий, я чуть не померла от напряжения, поднимая с пола всю эту белокурую красоту.

Уф! Моник тихонько бормотала какие-то милые глупости, восхваляя мою мужскую силу. Видимо, долгие годы тренировок позволяют ей выдавать комплименты, не приходя в себя. «...Да, моя любовь. Еще. Ты мой жеребец...» Непростая у нее работа, куда там сенокосу...

Перекатив девушку на край постели и закутав в покрывало, я растянулась поверх простыней, распрямила ноги и закрыла глаза. Когда я их открыла, было уже утро.

Обещанный мне Пучелло завтрак я вкушала в постели. Это было первый раз в моей жизни. Ну то есть в Шерези, когда я растянула лодыжку при падении с дерева, Магда кормила меня бульоном с ложечки, но сейчас все было совсем по-другому. Меня даже выпустили в купальню, к мраморному другу за засовом, а потом велели лечь и наслаждаться. Яйца пашот, хрустящая булочка с ломтиком паштета, горячий напиток, в котором я опознала отвар сухих яблок со специями — все было приготовлено и подано безукоризненно. Моник, уже облаченная в утренний туалет, внимательно следила, чтобы я съела все до крошки.

— Ты готов к свершениям, мой дорогой, — наконец решила она. — Отправляйся к королеве и завоюй ее сердце, помни, что твоя Моник всегда готова подставить тебе плечо.

Я благостно погладила ее по мягкому плечу:

— Спасибо, любезная подруга. Я уверен, что страшная тайна Шерези, которую ты узнала ночью...

— Умрет вместе со мной, — кивнула куртизанка.

Она проводила меня вниз по лестнице, застегнула колет и наградила прощальным горячим поцелуем.

Лица моих друзей, которым пришлось этот поцелуй пережить, просились на эпическое полотно под названием «Ошеломление».

— Ван Хорн будет вне себя, Басти. — Патрик провожал куртизанку холодным взглядом. — Он отомстит.

— Мы не властны над нашим сердцем, дружище.

Я была сыта, выспалась, нисколько не боялась какой-то нелепой мести и любила весь свет, поэтому провозгласила простейшую сентенцию с самым умудренным видом:

— Вперед, миньоны, королева ждет нас!

У королевских ворот было менее многолюдно, чем вчерашним утром. За привратной башенкой обнаружился наскоро сколоченный стол, за которым двое пажей под охраной стражников обменивали на медь миньонские шевроны.

Я протянула свой, получила нитку с десятью бусинками, затем выложила еще десять шевронов — один поднятый из грязи ристалища и девять улыбками и напором отобранные у покинувшего нас давеча лорда Тьерда с соратниками. Пажи переглянулись, но без возражений отсчитали медь. Пятьдесят плюс сто десять. У меня сто шестьдесят бусин.

— Я хочу обменять первую сотню на серебро, — сказала я, звякая ожерельями. — Лорд Мармадюк говорил, что сотня медных бусин равна одной серебряной.

— Вы абсолютно правы, лорд, — поклонился один из пажей, — но мы не ожидали, что кто-нибудь из претендентов достигнет сотни в первый же день и не захватили с собой серебра. Простите, мы доставим вашу бусину через час.

Звенеть наградами было уже затруднительно, они немало весили и оттягивали руку.

— Извольте принести немедленно, я подожду.

— Как прикажете.

Я отошла в сторонку, поджидая друзей, занятых обменом. Неподалеку из портшеза вывалился мой вчерашний соперник — Турень, старательно меня не замечающий. Он подошел к столу, покачиваясь, под глазами достойного лорда залегли тени — вовсе не от усталости, а от прямого удара в переносицу.

— Вы освещаете своим присутствием наше скромное собрание, — брякнула я.

Турень бросил на столешницу шеврон, его слуга держал на весу небольшой сундучок.

— Не извольте растолковать свою шутку, граф? — Турень повел рукой, слуга поставил сундучок на стол. — Ваши шутовские экзерсисы могут быть непонятны столичной публике.

— В простонародье ваши синяки носят название «фонарь», и соответственно мы можем представить, как они освещают путь своему владельцу.

— Какой у вас в провинции забавный и образный язык.

Мой укол пропал втуне. Стало немножко обидно, но принесли серебро, и я отвлеклась на обмен. Любезный паж помог мне распустить узел нити и присовокупил тусклый серебряный шарик к шести десяткам его медных товаров.

— Как тебе это удалось? — Восхищенный Станислас поправил на шее свои бусины.

— Бесхозный шеврон валялся на земле, а еще девять я выпросил у первенцев, покинувших наше состязание под предводительством лорда Тьерда.

— И так можно было? — Оливер сокрушенно посмотрел на Патрика, чью грудь украшала ниточка всего из десяти бусин.

Кажется, арифметический счет станет в ближайшее время нашим основным занятием.

— Не печалься, дружище, мы отыщем способ увеличить твои богатства.

— Кому-то этот способ найти уже удалось. — Патрик кивнул в сторону стола.

Турень откинул крышку сундучка и стал выгребать из него связки медных бус.

— Хотелось бы узнать, что это за способ.

— С удовольствием удовлетворю твое любопытство. — Кислоты в голосе лорда Уолеса хватило бы на кувшин лимонада. — Пока ты вчера принимал благодарность одной из

трех сестричек, господин Пучелло, поддержав нашу компанию, поведал нам несколько столичных историй. Наградные бусины находятся в ведении лорда Мармадюка, который падок на звон монет. А лорд Турень, отец нашего соратника, готов был с этими монетами расстаться, чтоб облегчить жизнь отпрыска.

— Вы знаете, во сколько это вылилось?

Патрик ответил. Я присвистнула. За такие деньжищи я готова была расстаться и со своими, сразу же отослав кошелек в Шерези на ремонт двух флигелей и обеденной залы.

Видимо, мои мысли читались на лице, потому что лорд Уолес покачал головой:

— Возможность истаяла на рассвете. Как только за нами закроются королевские ворота, деньги перестанут иметь значение.

— Почему?

— Мы выйдем за них лишь с победой или оставив ряды претендентов. Пучелло сказал, что сегодня же у нас изымут все деньги и личные вещи, и...

— А сам-то доманец откуда обо всем этом знает?

— Лорд-шут, в чье ведение мы отныне поступим, завсегда тай «Трех сестричек».

Видимо, в отличие от кодекса куртизанок кодекс хозяина позволял Пучелло не следить за языком.

— О чем еще вы вчера беседовали?

— Больше ничего толкового нам не поведали. Хозяин пытался у нас узнать новости Шерези. И когда будет готово некое «Изобилие».

Я вспомнила эпичное полотно и улыбнулась. К зиме матушка планировала его закончить. Значит, в холода мои родные не будут нуждаться, она успеет продать картину. Может, отослать ей деньги, которые я вчера получила от доманца? Ведь, если все пойдет хорошо, они мне не понадобятся. Хотя в случае поражения могут пригодиться. Так и не решив ничего окончательно, я завистливым взглядом наблюдала, как за содержимое своего сундука Турень получает три серебряных нити.

— Сто пятьдесят, или полторы золотых, — быстро подсчитал чужие барыши Патрик.

Я посмотрела на друзей. Оливер шевелил губами, видимо тоже считая, Станислас рассеянно глазел по сторонам, перебирая струны. Ему ситуация интересной не показалась.

— Но это же несправедливо! — воскликнула я.

— Как посмотреть. — Патрик тронул мое ожерелье. — Некто может указать тебе, что выменянные на улыбки шевроны также не подчеркивают справедливость действия.

Он был прав. Мы не можем требовать равных условий для всех претендентов. Нам остается лишь стараться изо всех сил.

Хотелось заорать и кинуться в драку, когда тощий Вальденс тоже поставил на столешницу сундучок, а за ним слуги ван Хорна, который подходить к столу не спешил, также принялись устанавливать коробки.

Это было фиаско. Нам указывали на место.

Меченый красавчик оставил слугам заниматься обменом и подошел ко мне.

— Медные миньоны. — Он поклонился, приветствуя всех присутствующих. — Как прошла ваша ночь?

— Плодотворно. — Я вернула поклон. — А теперь оставь нас, пожалуйста. Отправляйся подсчитывать барыши первой и единственной победы, которую вырвала для тебя мощна твоего папеньки.

— Ты же не собираешься расплакаться от несправедливости мира, Цветочек?

Он раздул ноздри, будто принюхиваясь, потом чуть наклонил голову, вдыхая. От меня пахло притираниями Моник, и он это учуял. Что ж, оно и к лучшему. Лучше пусть он узнает о нас с куртизанкой сейчас, чем из досужих сплетен.

— Знакомый запах, дружище? — Я интимно ухватила Гэбриела под руку. — Наша общая подруга сетовала на отсутствие экстаза от эликсира фей.

— Может, тебе самому стоило постараться ради экстаза прекрасной дамы, не обвиняя волшебниц?

— О, с тем самым экстазом у нас все было хорошо. — Воспоминания о горячей ванне вызвали во мне самые приятные мысли, отразившиеся на лице мечтательной улыбкой. — Просто превосходно. — Я отпустила локоть ван Хорна и обернулась к друзьям. — Вперед, медные миньоны, алмазные звезды сами себя не заработают.

— Он тебе отомстит, — завел свою обычную волюнку Патрик, — тебе не стоило раздражать ван Хорна таким образом.

— Он отомстит мне так или иначе. — Я тряхнула челкой. — Так какая разница, тысяча фаханов? Зато никто не скажет, что Шерези трусит или пасет задних!

Мармадюк вскочил будто ошпаренный, хотя вода, льющаяся на него с небес, была вполне комнатной температуры. Да и небеса эти ему скорее пригрезились.

— Ну? — Королева поставила умывальный кувшин в изголовье. — Как обстоят дела у моего любимчика?

— Они обстояли прекрасно до того самого момента, как твой любимчик потерял присущую ему сухость и тепло. Мне снилась прекрасная дама приятных округлостей, и...

— Ах, избавь меня от подробностей. Я вполне взрослая девочка и осведомлена о том, какие сны посещают мужчин на рассвете: дамы, округлости, а также все сподвигающее вас на торопливую утреннюю страсть. Поэтому я повторю вопрос. Мой любимец Бастиан Шерези все еще жив?

— Как изменчиво сердце королевы. — Шут закатил глаза в притворной скорби. — Мое место в нем занял какой-то мальчишка, даже не мальчишка, а...

Аврора топнула ножкой и повела головой в сторону двери, где пара фрейлин почтительно дожидалась окончания пикировки госпожи.

— Жив и полон сил. — Мармадюк поднялся с мокрой постели, задрапировался в простыню, с удовольствием отмечая смущение фрейлин — спать он предпочитал обнаженным.

— Ты послал лекарей на место дуэли? — Королеву нагота шута оставила равнодушной. — Шерези пострадал?

— Нисколько. Помощь потребовалась как раз его сопернику. Бедняга Турень... Думаешь, юный Бастиан, — шут всплеснул руками будто в изумлении, отчего простыня соскользнула на пол, фрейлины тоненько взвизгнули, а затем выбежали в коридор, — воспользовался колдовством и в этом случае? Может, он наслал на лорда Анри хмельное заклятие? Беднягу выворачивало еще несколько часов.

— Никогда не слышала о таких заклятиях. — Аврора покачала головой. — Прекрати пугать юных дворцовых дев своими выходками.

— Во дворце у них мало шансов долго оставаться девами. К тому же мне хотелось поговорить со своей королевой без лишних ушей. Объясни мне, скорбному умом дураку, как твоей Шерези все это удается?

— Что именно? Победить здоровяка Туреня?

— Не только это. Список побед нашего Цветочка поверженным Анри не исчерпывается. Туда же можешь записать Гэбриела ван Хорна, чью даму сердца Шерези совратил сегодня ночью. Ты вообще уверена, что он женщина?

Аврора расхохоталась:

— Как?

— Вот и я спрашиваю — как? Мне донесли... Кстати, мне пришлось принимать донесения о твоём Шерези почти до рассвета, и, как только удалось смежить веки, ты разбудила меня самым беспардонным образом.

— Сочтемся, шут! — Она щелкнула его по носу. — Продолжай!

— Одна маленькая птичка нашептала мне, что дорогая куртизанка Моник, одаривающая своими ласками лишь самых богатых и титулованных дворян твоего королевства и предпочитающая в последнее время всем им юного ван Хорна, сегодня ночью разделила ложе с графом Шерези. То есть что именно и как происходило на этом самом ложе, моей птичке рассмотреть не удалось, но...

— Она потрясающая.

— Кто? Моник? Тут я должен с тобой согласиться.

— Не увиливай, шут. Моя... нет, мой Шерези — потрясающий. И помни о своем обещании обучать его.

— Если его не вызовет на дуэль Гэбриел ван Хорн и...

— Ван Хорн хороший боец?

— А этого никто не знает. Повадками он напоминает обычного папенькиного сынка, избалованного и апатичного, но что-то мне подсказывает, что сын канцлера не так-то прост.

— О, да у тебя тоже появились любимчики?

— Мне будет это дозволено?

— Наслаждайся, — Аврора милостиво взмахнула рукой, — но не оставляй моего Цветочка. Какое милое прозвище.

— Это я его придумал, — похвастался шут. — Кстати, ты знаешь, что мы будем делать с двумя сотнями половозрелых гуляк, которые, наверное, уже начинают собираться на утреннее построение? Я был слишком занят добычей денег, чтоб организовывать их досуг.

— У них не будет досуга. Для начала мы нагрузим их учебой и тренировками. Профессора всех свободных дисциплин Ардерского университета займутся их умами, а тела поступят в полное распоряжение лучших ратников. Сегодня мы займемся обустройством новых обитателей дворца, а завтра...

— Ты представляешь, во сколько нам обойдется наем университетской профессуры?

— Представляю. — Королева сложила пальцы в колечко. — В абсолютный арифметический ноль, мой дорогой. Ректор любезно согласился нам помочь из любви к науке.

— А ратники?

— Лорд-коннетабль заинтересован в обучении юношей не меньше нашего.

Мармадюк опустил голову и молча стал одеваться.

— Ты чем-то обеспокоен? — спросила Аврора. — Или недоволен?

— Я обижен. — В тоне шута звучало раздражение. — Ты делала все в обход меня, не

советуюсь, не поставив в известность. Конечно! Кто я для тебя? Всего лишь один из слуг, один из многих. Придворный дурак. Шут!

Королева приблизилась, опустила руки на плечи Мармадюка, заглянула в его карие глаза, в которых читалось настоящее страдание.

— Ты — мой друг. Единственный в этом мире. Ты в моем сердце, в моем разуме и в моих мыслях. Только на тебя я могу положиться без тени сомнения. Если есть что-то, чего ты обо мне не знаешь, это не важно. Ты веришь мне?

— Разве у меня есть выбор? — Мармадюк обнял ее с сыновней нежностью. — Моя верность тебе гарантирована пожизненно, ты знаешь.

— Мне нравится думать, что ты был бы мне верен, даже будь у тебя выбор.

— Иногда я думаю так же, моя королева.

Они стояли обнявшись, косые солнечные лучи золотили гобеленовую обивку стен, разоренную постель, путались в волосах, смолянисто-черных и рыжих. В объятии этом не было и тени страсти, так могли бы обниматься брат и сестра, или дитя с родителем, или два бесконечно одиноких человека.

Глава 6

СЕМЬ СВОБОДНЫХ ДИСЦИПЛИН

— Грамматика, риторика и логика — так называемый тривиум, а к ним примыкает квадривиум — арифметика, геометрия, музыка и астрономия...

Патрик бубнил уже довольно долго, я успела раз семьдесят пожалеть, что натолкнула его на эту тему разговора. Просто пока мы, позвякивая ожерельями, направлялись на построение в уже знакомый внутренний двор, в толпе я выхватила обрывок разговора. Кто-то говорил о профессоре Ардерского университета, с которым имел беседу сегодня утром. И я просто спросила спутника о том, что это за диковинка — университет. Патрик лорд Уолес не заставил себя спрашивать дважды, и понеслось. Оливер со Станисласом, хитро выделанные фаханы, предусмотрительно отстали, так что внимать Патриковой лекции приходилось в одиночестве и реагировать тоже за всех. Какой же он нудный! Про университет мне можно было рассказать буквально в двух словах — заведение, где собирают заучек вроде Уолеса, чтобы они ездили по ушам друг другу, а не ни в чем не повинным провинциалам. Все! Но нет же — тривиум с квадривиумом еще какие-то! Профессура. А вот что, например, собираются делать на построении рыцари в фиолетовых, ах нет, простите — лиловых королевских плащах? Те, чья группка стоит у дальней арки? И когда нам новых бусин отсыпят? И что для этого делать надо?

Мы встали в строй, Мармадюк взошел на галерею.

Я со всей возможной вежливостью попросила Патрика заткнуться и даже позволила подержать себя за руку.

Первая часть речи лорда-шута была традиционно посвящена унижениям и оскорблениям, я пропустила ее мимо ушей, но, когда он перешел к предметному разговору, эти самые ушки наострила.

Миньоны должны быть умны и куртуазны. Это тоже повтор, мимо. Лиловые плащи! Они принадлежат королевским гвардейцам под командованием лорда-коннетабля. Сам лорд поприветствовать нас не явился, но выразил через Мармадюка надежду на...

Пустая болтовня.

Так. Что я знаю о личной гвардии? Почти ничего. Кроме того что туда входят настоящие бойцы, ветераны нашей последней большой войны, которая началась еще до моего рождения, а закончилась, когда юный граф Шерези делал свои первые шаги в фамильном замке. Значит, они все люди довольно пожилые. Это плохо или хорошо?

Я обернулась к Оливеру, тот уважительно кивал, рассматривал ветеранов с прищуром.

Ардерский университет. Слава Спящему, тривиумов с квадривиумами нам изучать не придется. Миньон должен быть умен и уметь поддержать любой светский разговор, касающийся как искусства, так и науки. Поэтому от нас требуется знать не много о малом, а понемногу обо всем. Занятия будут проводиться в виде лекций и семинаров, по итогам которых воздастся бусинами. С музыкой и литературой нас будет знакомить хабилис Робен, с основами картографии и арифметикой — хабилис Джесард, а мэтр Бони отвечает за риторику и логику.

Все три ученых мужа были похожи друг на друга, худощавые неприметные господа в одинаковых серых робах, и кто из них кто я не разобрала. Хотя предполагала, что мэтр Бони — тот, кто слегка помоложе.

— Картография, — умильно вздохнул Патрик и сжал мою ладонь.

— Риторика, — фыркнула я шепотом и выдернула руку.

— Занятия начнутся завтра на рассвете, — закончил речь Мармадюк. — Сегодняшний день вы посвятите обустройству. Служители укажут вам, что и в каком порядке делать.

И шут удалился по галерее.

Нас было около двух сотен, две сотни претендентов, абсолютно дезориентированных. Служителей явно на всех не хватало. С десятков молоденьких пажей размахивали в воздухе свитками, выкрикивая фамилии.

Я растерянно озиралась, пытаюсь расслышать свою.

Оливер сориентировался первым, он дернул за полу короткого плаща ближайшего мальчишку.

— Лорд Виклунд. Что я должен сейчас делать?

— Вас нет в моем списке, — отбивался тот.

Отбиться от великана? Ну-ну.

Оливер благостно кивнул и, чуть нагнувшись, подхватил пажа на руки, усадив на сгиб локтя:

— Понимаю твои проблемы, малыш, но именно ты мне попался и именно тебе придется нам все объяснить.

Паж перестал сучить ножками:

— Старые гвардейские казармы. Там предполагается разместить всех на ночлег. Но сначала королевские портные... Ее величество желает, чтоб у ее миньонов была личная форма.

— А личная кормежка нам положена?

— После полудня, в обеденной зале при казармах.

— То есть сейчас всех поведут на примерку? — быстро спросила я.

— Да.

Я хмыкнула.

— Цветочек что-то задумал, — пропел Станислас.

— Там сейчас будет столпотворение, — кивнула я. — Две сотни претендентов невозможно быстро обслужить даже сотне портных. А кстати, где? Где сейчас штурмуют работников иглы и ножниц?

Паж показал куда-то направо, куда двигался поток людей.

— А казармы где?

Паж махнул в другую сторону.

— Можешь показать?

— Конечно, может, — ответил за мальчишку Оливер и, развернувшись с пажом на руках, двинулся против течения толпы.

Мы привычно пристроились за его спиной.

— Кто-то может мне объяснить, что мы делаем? — недовольно спросил Патрик.

— Пытаемся выбрать лучшие места.

Казармы были запущенным одноэтажным строением, вплотную примкнувшим к замковой стене.

— Два крыла, каждое на сотню спальных мест, — объяснил паж. — Умывальня во дворе, для тех из вас, кто задержится в замке до холодов, это может представлять некоторые неудобства.

Мальчишка уже совсем освоился и говорил с нами с некоторым едва заметным

высокомерием. Был он миленьким, похожим на сероглазого лисенка, из-под заломленного берета на плечи спадали блестящие каштановые локоны.

— А разве эта пристройка не умывальня?

— Купальня, но она разрушена и к использованию непригодна.

Друзья отправились осматривать казарму изнутри, а я, замедлив шаг и пропустив их вперед, отошла в сторону. До полнолуния Нобу оставалось около восемнадцати дней, мне требовалось найти местечко, в котором я смогу в одиночестве скоротать ночь полнолуния. Слова фаты Илоретты я помнила прекрасно. Для того чтобы фейское колдовство не давало сбоев, мне нужно было снять пояс и быть в воде или, в крайнем случае, у воды.

От старой купальни остались только стены, надежные, из тесаных камней, пригнанных на совесть. Внутри было пыльно и пусто. Дверь, сорванная с петель, лежала на дощатом полу. Я разочарованно хмыкнула. Поставить на место и починить дверь — задача неразрешимая для хлипкого, не приученного к столярному труду графа Шерези. Я вышла из купальни и свернула по тропинке вдоль стены. Это заброшенная часть замка. Вполне вероятно, что есть еще какие-то укромные уголки. К тому же купальню возводили, скорее всего, в месте, близком к воде. Ручей, родник, источник — мне все сгодится, даже... Колодец! Дыра в земле, куда вели растрескавшиеся от времени ступени. Я спустилась по ним, увязнув каблуками во влажной глине. С покрытых росой стен сочилась вода.

Неужели мне опять повезло?

Больше часа я маскировала вход в колодец лианами дикого вьюна, поэтому вернулась к друзьям мокрой как мышь, уставшей и голодной.

Я вошла в казарменный коридор, пересекающий здание на два крыла, и двинулась направо, на звук голосов. Дворяне изволили вкушать яства, расположившись в уголке казармы на сдвинутых деревянных козлах.

— Где ты пропадал? — Патрик протянул мне куриную ножку. — Гостинцы господина Пучелло пришлись кстати.

— Угумс. — Паж жевал с отменным аппетитом, но говорил неотчетливо. — Тем более что если мы сейчас их не съедим, все отберут во время примерки. Приказано изъять у претендентов все личные вещи, включая снедь.

— Вас тут совсем не кормят? — ревниво спросил Оливер. — Что-то ты в два горла наворачиваешь.

— Кормят, — с усилием проглотил мальчишка и потянулся к бутылки, — у меня работа суматошная, оттого покушать удается не всегда. Мы рассчитывали сегодня изъятым попировать, но у вас, пожалуй, не отберешь. Меня, кстати, Дэни зовут.

— Басти, — кивнула я. — Бастиан Мартере граф Шерези.

— Цветочек? — Паж хихикнул. — Я так сразу и подумал. Ваша компания уже приобрела некоторую известность в столичных кругах. Этот невежливый великан — Виклунд, лорд-коннетабль сказал, что его клан даже среди горцев самый отмороженный, это — менестрель, с которым мечтает спеть дуэтом Робен, а ты... — Он посмотрел на Патрика. — Ленстер? Клиах? Ленстер, точно! Уолес! Тебя спешно выбрали наследником, хотя ты не первый сын, чтоб...

Я перехватила занесенную руку лорда Уолеса скользкой от куриного жира ладонью:

— Он ребенок, Патрик.

— Наглый щенок.

Дэни отхлебнул из бутылки и поднялся на ноги.

— Я дворянин, ленстерец, такой же, как и ты, а может, и вельможней, так как раньше

начал свой путь при дворе. Если тебе захочется драться со мной на дуэли, когда тебе вернут фамильную зубочистку, разыщи во дворце Дэни ван Сола лорда Дювали.

И паж удалился, отвесив напоследок общий поклон.

В казарме повисла тяжелая тишина. Я была разочарована поведением Патрика. Да, может, юный ван Сол и не был почтителен, но он помог нам, преломил с нами хлеб. И вообще, бить ребенка — это все равно что бить женщину. Ни тот ни другая не могут дать сдачи.

— Дювали, надо же, — нарушил тишину Станислас. — Наверное, кузен ван Хорна.

— Вполне вероятно. — Я вернулась к трапезе.

Лорд Уолес, видимо пристыженный, отвернулся и уставился в стену.

Долина Дювали — край виноградников, красивых женщин и сероглазых дворян с фамильной приставкой ван. И лордов там — тьма-тьмушая, не меньше, наверное, чем детей у Патрика папашки. Значит, полное имя меченого красавчика звучит как Гэбриел ван Хорн лорд Дювали?

Я тряхнула головой, выбрасывая из нее неуместно поселившегося там меченого красавчика. Какая глупость! Мне нужно обходить ван Хорна десятой дорогой. Он отомстит, обязательно отомстит. И хорошо, если он окажется столь добродушным, как граф Шерези в похожей ситуации, если обойдется перцем в штанах или невинной поркой. Хотя какая еще порка? Я, на минуточку, дворянин, меня нельзя пороть. Меня нужно вызвать на дуэль со всяческим почтением.

Чтобы отвлечься, я глотнула вина, вытерла руки о совсем потерявшие сходство с одеждой штаны и сыто потянулась.

— Мы выбрали для себя лучшие места?

— Спать будем здесь, — ответил Оливер. — От выхода далековато, но зато окно рядом, если ночью понадобится выйти, можно воспользоваться им, эти козлы, судя по всему, использовались ранее как остовы кроватей. Там в углу, — он повел головой, — свалены полотняные мешки, это матрасы. Дэни сказал, что за постельным бельем нужно сходить к кастеляну.

— Чем мы набьем мешки?

— Понятия не имею.

Станислас и вышедший из ступора Патрик выразили такое же недоумение. Эх, мужики, никакого представления об обустройстве жизни не имеют. Где упал, там и постель, чем укрылся — то и одеяло.

Пока друзья отбирали в куче деревяшек самые крепкие доски для кроватей, я вышла в коридор. Второе крыло казармы было зеркальным отражением нашего, только в крыше зияла дыра, сквозь которую было видно лазурный кусочек небес. Понятно. Крыло мы выбрали удачно. Вернувшись в коридор, я толкнула следующую дверь и оказалась в большой квадратной зале, уставленной рассохшимися от времени столами. Здесь нас будут кормить. У безжизненного очага лежали вязанки хвороста.

Я подошла к окну, выглянула наружу. Во дворе высилась копна сухого сена. Вот же они, внутренности миньонских матрасов.

Наружу я выбралась через окно. Сено оказалось паршивым, в дождливые дни копну ничем не прикрывали и не ворошили на солнышке, чтобы просушить. Воняло гнильем и улитками. Тысяча фаханов! Это никуда не годилось.

Я побрела к хозяйственным постройкам. У первой же обнаруженной на пути служанки я спросила, где конюшни. Вопрос я формулировала крайне вежливо и сопровождала его неглубоким, но отчетливым поклоном. Кто их здесь во дворце разберет, может, эта девушка во внутренней иерархии стоит выше провинциального графа.

Дева дробно хихикала, уставившись себе под ноги. То ли на нее произвел впечатление молодцеватый вид королевского миньона, то ли бедняжка попросту была дурочкой.

— А кони-то вам зачем сдалися, господин?

— Мне нужно сено для набивки матрасов, — вежливо пояснила я. — Сухое сено.

— Лошадиное-то для матрасов не очень. — Девушка дурочкой вовсе не была, как только разговор коснулся чего-то предметного, мою собеседницу будто подменили. — Опреете, господин мой, от той травы.

— Ты можешь предложить мне что-то получше?

— Козье.

— Козье что?

— Козье сено, господин мой. Нашим козочкам заготавливают травку с лучших заливных лугов. Я-то уж знаю, сама за козочками хожу.

Это было похоже на правду. Козье молоко считается лечебным, поэтому и животных кормят тщательнее.

— А еще я знаю, где сушатся лаванда, и чабрец, и пижма. Их обычно используют для купальных отваров, но...

Я низко поклонилась, сложив руки перед грудью.

— Помогите мне, красавица, будь так добра.

Лаванда! Пижма! Какие там еще квадривиумы с тривиумами! Вот оно — важное для жизни знание. Лаванда навевает хорошие сны, чабрец и пижма отгоняют паразитов — блох и клещей. Сам Спящий послал мне эту служанку.

— Полетт к вашим услугам. — Она мило покраснела, приседая.

Я потрепала ее по щечке. Полетт означает «малышка». Это имя служанке очень подходило.

Дальше уговоров не потребовалось. Мы с моей новой знакомой вернулись в казармы, взяли в помощь Станисласа, отобрав предварительно мандолину. И уже втроем отправились к козочкам.

Патрик немного прошелся с нами. Он решил разведать, как продвигается примерка, и разыскать кастелянскую. Оливер остался заниматься деревяшками. Инструментов у него не было, но пудовые кулачищи великана вполне заменяли и столярный молоток, и еще какие-то штуки, при работах с деревом положенные.

Полетт оказалась девицей хозяйственной и очень щедрой. Мы получили от нее полкопенки легчайшего сена, от запаха которого хотелось зарыться в него лицом, и три вязанки сушеных лечебных трав. Также нам одолжили огромный мешок для транспортировки и моток бечевы. Станислас руками делать не умел ничего, он вполголоса напевал веселую песенку, пока мы с Полетт работали в поте лица. Рассудив, что нагрузка должна распределяться поровну, я стянула мешок узлом и взгромоздила его на менестреля.

— Мне не видно дороги, — стонал наследник Доремара.

— Иди на мой голос. — Я шагала впереди, напевая: — Шаг вперед, еще один. Раз, два, три, четыре, пять. Поворот. Вперед. Стой!

— Медные миньоны играют в лошадок?

Вызов на дуэль должен звучать несколько иначе? И произносить его положено менее противным голосом?

В казарменный двор наперерез нам двигалась целая процессия под предводительством

меченого красавчика. Ван Хорн был свеж и наряден. Он переоделся в черный приталенный камзол, на отвороте кафтана раскинула лучи фиолетовая королевская звезда, на груди блестело и позвякивало увесистое серебряное ожерелье, штаны, заправленные в мягкие кожаные сапоги, тоже были узкими и длинными. Вальденс и Турень обнаружили чуть позади, также в черном. Но ни пухлому лорду Анри, ни изможденному лорду Морису форменная одежда не шла.

Сопровождала их вереница слуг, трое пажей, в одном из которых я узнала Дэни, десяток носильщиков, нагруженных матрасами, тюками постельного белья, уже собранными кроватями полированного дерева, столяры, уборщики, горничные. На мой провинциальный вкус, не хватало только герольда, циркачей и малихабарского слона. А Патрик еще что-то про равные условия рассказывал. В Ланстере, интересно, все такие наивные? Понятно же, что привыкшие в комфорту аристократы добудут его и здесь. И почему это вчера деньги имели силу, а сегодня вдруг перестанут? И связи, и положение.

Что там меченый про лошадок булькнул? Вы в лошадок играете?

— А вы в свадьбу? Тройственный союз отпрысков богатейших фамилий? Все приданое сюда приволокли?

— Ревнуешь, Цветочек? Хочешь к нам четвертым?

Ого! Как мы заговорили! Вот сейчас поцелую тебя еще разочек, чтоб спесь сбить!

Ван Хорн отдал распоряжение слугам, они устремились в казарму, а я потеряла наилучшее время для хлесткого ответа. Мы со Станисласом стояли во дворе как болваны, пережидая столпотворение у дверей.

Вальденс, проходя мимо менестреля, молниеносно ударил его под колено носком сапога. Мешок над головой Станисласа зашатался, потянул его в сторону, я попыталась помочь, но уже через мгновение все трое — я, мешок и Станислас — оказались на земле под глумливые смешки присутствующих.

Это было очень обидно. Поэтому я заорала:

— Оливер лорд Ви-иклунд! На помощь!

И хихиканье смолкло волшебным образом. То-то же.

Великан выскочил во двор будто за ним гнались фаханы, молниеносно сориентировался, поднял менестреля за шкуру одной рукой, меня — второй, а мешок вообще зубами, ухватившись за бечеву.

Челядь разомкнула свои ряды, пропуская нас в казарму. Я болтала ногами на весу и даже успела послать воздушный поцелуй ван Хорну. К сожалению, воздушная его разновидность сокрушительного действия на меченого красавчик не произвела.

Оливер внес нас в наше крыло и отпустил, только когда мы оказались у кроватей.

Работу в наше отсутствие он проделал немалую. Конструкции получились прочными и аккуратными.

— А на четвертую кровать ножек не хватило?

— Моего веса они не выдержат. — Виклунд сокрушенно пожал плечами и показал мне курган из щеп, некогда, видимо, бывших кроватными ножками. — Как-нибудь обойдусь.

— Нет, это плохо. — Я посмотрела на голые коленки друга. — У кроватей нет пологов, окна не прикрыты ставнями, да даже если и прикрыть, здесь будут гулять сквозняки. Поднимать спальное место над полом вовсе не дураки придумали.

— Четыре ножки не выдерживают мой вес.

— Тогда пусть их будет шесть, или восемь, или... сколько понадобится.

Тогда я не знала, что мое озарение носит вполне научный характер (что-то про распределение силы давления), я руководствовалась своим житейским опытом и

логикой. О том, что я руководствуюсь логикой, я, кстати, тоже не знала.

Методом проб и ошибок мы определили минимальное количество подпорок. Оливер сказал, что без инструментов он не сможет сделать какие-то там хитрые выемки, и отправился на поиски этих инструментов.

Из другого крыла к нам доносились звуки столярных работ. Оливер недолго думая отправился к соседям. Вернулся через минуту с железной палицей, изогнутой крендельком, и ван Хорном.

— О, да здесь целая крыша, — сказал ван Хорн и прокричал в коридор: — Господа, мы меняем крыло!

Я отобрала у Станисласа мандолину и велела двигать кровати. Занять стратегическое место, пока все не началось, — это неофициальная основа военной науки. Я, кстати, тогда тоже об этом не знала.

Станислас, пыхтя, следовал моим указаниям. Угол около окна, но не под ним, я выбрала заранее. Строители сделали глупость, прорубив окно напротив двери и обеспечив казарму вечным сквозняком. Это было заметно даже по расположению пыли на полу. Блестящая, вылизанная ветром дорожка указывала, что спать здесь не рекомендуется.

— Может, стоит развернуть кровати изножьем к окну? — спросил Станислас.

— Нет. Каждый... — Я хотела сказать «человек», но сказала «мужчина». — Мужчина легче отходит ко сну, контролируя все входы-выходы в опочивальню. Ты, лежа на кровати, должен без усилий видеть и дверь, и окно.

— Ты мудр, почти как Патрик, Цветочек.

Я улыбнулась:

— Ты же видел, как запущен Шерези. Мне приходилось постигать науку обживания без помощи слуг. Кстати, как дела у ленстерца и получим ли мы сегодня постельное белье?

Шум у двери возвестил не возвращение Патрика, а вторжение господ, которым самостоятельно в этой жизни делать не приходилось вообще ничего.

Уже собранные кровати не пролезли в дверной проем, их стали спешно разбирать, заносить, потом собирать снова. Ван Хорн, игнорируя наше со Станисласом присутствие, велел установить их в углу, противоположном нашему.

— Нет, не так, изножьем в центр комнаты, — командовал он.

— Пологи придется снять, — подошел к нему Дэни. — Я передал Мармадюку твою, кузен, просьбу, но лорд-шут непреклонен. Он сказал, что некоторым молодым дворянам Ардеры полезно испытать некие лишения.

Кузен? Ну да, мы так и предполагали. Мало того что мощна канцлера к услугам отпрыска, так еще родичи в замке.

— Мне хотелось бы их оставить, не люблю сквозняков.

— Вели сложить ткань под матрасами. Через некоторое время, когда все успокоится, наденешь. А пока я не рекомендовал бы злить лорда-шута. Он и так не в лучшем расположении духа.

— Спасибо за совет, кузен.

Гэбриел отдал очередное распоряжение.

Кровати установили, застелили бельем, обычным льняным, и плотными шерстяными покрывалами. По сравнению с дорогим деревом постель смотрелась бедновато.

К тому времени Оливер закончил возводить свою кроватьную многоножку и вернулся Патрик. Он разыскал кастеляна и теперь призывал нас отправиться за бельем. А пока мы его получим, очередь к портным почти иссякнет.

Я покачала головой. Хитрые взгляды, которыми обменивались Вальденс с Туренем, не нравились мне совершенно. А что, если они, когда мы вчетвером покинем казармы, удумают какую-нибудь каверзу? Покусаются на мое сено или кровати? Нет, я была готова даже понести не жестокое наказание от лорда-шута, только бы не потерять нажитое.

— Идите без меня. Я займусь набивкой матрасов.

— Тебе понадобится помощь? — предупредительно спросил Патрик.

Мне? Помощь в набивке матраса? Вот умора!

— Если понадобится, мне ее предоставит мой друг — господин ван Хорн, — хихикнула я, представив меченого красавчика за этим неподобающим занятием.

Друзья ушли, я отвернула подол сорочки, доставая швейные принадлежности.

— В Шерези все дворяне носят при себе нитки с иглками? — Ван Хорн стоял надо мной, так как другого места, где стоять, ему не оставалось. Слуги заканчивали обустройство, девушка в сером платье протирала пол мокрой тряпкой, столяры выносили остатки мусора, Турень с Вальденсом сидели на подоконнике, беседуя.

В голосе Гэбриела я не услышала издевки, поэтому ответила так же просто:

— Предусмотрительные носят. Потому что как ты еще зашьешь рану, полученную на охоте, побежишь в замок к жenuшке, держа кишки в руках?

Он поморщился:

— Тебе приходилось зашивать себе живот?

— Живот нет, но, если бы пришлось, поверь, не спасовал бы.

Матрасные чехлы были плотными. Я развязала бечеву своего сеного мешка, мысленно извинившись перед девицей, моющей пол. Когда я закончу, мыть его придется вторично.

От сладкого запаха закружилась голова. Я вспомнила, как лежала в сене, как Пьер (кажется, моего бывшего звали Пьер?) осыпал поцелуями мое запрокинутое лицо. Я улыбнулась и замурчала, как сытая кошка.

Ван Хорн развернулся на каблуках и ушел к окну.

Дело спорилось, поэтому к возвращению друзей четыре матраса были готовы и ждали их на кроватях. Мой комплект белья они тоже захватили. Я заправила постель. Кровать я выбрала угловую у стены, так что соседом у меня оказался Оливер. Уже потом, бросив взгляд напротив, я поняла, что ван Хорн тоже облюбовал крайнее место.

Мне было неловко от его присутствия. Лучше бы он спал в другом крыле. Да, мне стыдно, что я отбила у него даму. Хотя, если говорить начистоту, никого я не отбила. С Моник у нас просто приятельские отношения. Может, если о нашей с куртизанкой совместной ночи никто не узнает, если она объяснит своему любовнику, что я абсолютно безопасна для чужой девичьей чести, сохранив при этом тайну графа Шерези, ван Хорн не будет мне мстить? Мои друзья будут держать языки за зубами, я их об этом попрошу, Моник вообще неболтлива, а я... Не стоило мне запахом притираний перед Гэбриелом кичиться, ох не стоило. Надо с ним поговорить. Сегодня же изыскать возможность остаться наедине.

Казарма заполнялась народом. С ужасом я заметила, что не всех мишенью обрядили в черное. Здесь были и кроваво-красные, и синие, и даже белые камзолы. Цвет можно как-то выбирать? Держать в порядке белоснежную одежду в этих условиях невозможно! Или в наше распоряжение поступит пять десятков прачек? Ага, еще лучше — пять сотен. Ну то есть я догадываюсь, к кому в распоряжение эти самые прачки точно поступят, к тем, кто и так выбрал себе самый немаркий, самый приятный взгляду нейтральный черный.

Кажется, на этот раз я сглупила. Мне первым делом не казарму надо было осматривать, а за одежкой вприпрыжку бежать. Уверена, все черные мундиры уже разобрали.

Друзья, удивленные моим возбуждением, все же послушно потрусили следом за графом Шерези, несущимся за обмундированием.

Я неслась именно что вприпрыжку, время от времени выкрикивая боевой клич: «Только бы не белый!»

Королевские портные обитали в отдельном замковом строении, даже нескольких строениях, которые образовывали нечто вроде портновского городка. Здесь была оборудована гладильня, из-за полураспахнутых дверей которой вырывались клубы пара, прачки столпились неподалеку с корзинами, ожидая своей очереди. А другая очередь, миньонская, загибалась петлей вокруг небольшого фонтанчика, устремлялась по ступеням к галерее второго этажа и далее не прослеживалась. По лестнице во двор спускались уже приодетые миньоны, сопровождаемые завистливыми взглядами ожидающих.

Я бросилась наперерез облаченному в синий камзол дворянину.

— Как там вообще происходит процедура? Ах, тысяча извинений. — Поклонившись, я представилась и повторила вопрос.

— Элуа Гронден, наследник Грондемара. — Он отвечал с удовольствием, с толикой высокомерия остановив взгляд на моих пузырящихся на коленях штанах. — В прихожей вам, граф, предложат разоблачиться и избавят от личных вещей. Далее подмастерья произведут обмеры, громко выкрикивая цифры в соседнюю комнату, где трудятся портные. Платье вынесут очень быстро и подгонят его по фигуре, если потребуется, а обувь вы получите в следующей прихожей. Комнаты соединены таким образом, чтобы входили и выходили из разных дверей, не создавая сутолоки и неудобств.

— А цвета? Кто выбирает цвета?

Недовольный взгляд претендента переместился с моих штанов на его синюю грудь.

— Нам предложено выбрать из того, что осталось.

Я облегченно выдохнула. Синий предпочтительнее белого. Но наследник Грондемара быстро убил надежду:

— Вы будете белым или красным, дорогой Шерези.

— Шерези! — пронеслось над толпой. — Граф Шерези!

Я подняла голову. Незнакомый паж размахивал руками и кричал мне с балюстрады:

— Немедленно идите сюда!

Я посмотрела на друзей, те уже успели занять очередь и были в ней даже не последними, пожала плечами с видом «ну что ж поделать, если зовут» и взбежала по ступенькам.

— Только вы остались в моем списке, — строго бормотал паж, быстро ведя меня по коридору мимо очереди. — И я бы заставил вас стоять здесь битый час, но лорд Мармадюк потребует от меня закрытый список. А я, представьте, именно сегодня спешу побыстрее разделаться с делами. Так что будем считать, что вам повезло, Шерези.

Мы миновали распахнутые двери приемной, толпа у которых отличалась повышенной плотностью. Поверх голов мне удалось заглянуть внутрь. Хорошо, что ардерские мужчины не краснеют. Потому что там, в центре комнаты стоял Жан Алари, с которым мы вчера познакомились на постоялом дворе. И стоял он в том, в чем некогда появился на свет из чрева своей матушки, то есть голым.

Святые бубенцы! Я не могу раздеваться! То есть могу, но не настолько! Мне нельзя в примерочную, мне нужно туда, к друзьям, в конец очереди. Мне нужно время подумать, как разрешить ситуацию. Упасть в обморок, совершить самоубийство или позорно сбежать.

Паж невежливо толкнул меня в плечо, но я даже не огрызнулась, раздавленная ужасом.

Мы завернули за угол, видимо, в конце этого коридора располагался выход и меня собирались ввести к портным, как говорится, через черный ход.

Молодой человек в белом мундире, поравнявшись с нами, бегло поклонился.

Сейчас я была согласна на любой мундир — хоть белый, хоть серо-буро-малиновый в крапинку, лишь бы не пришлось раздеваться для того, чтобы его получить.

Дверь выхода была закрыта, и паж занес руку для условного стука.

— Любезный паж! — Юноша, спешащий к нам, был облачен в черное и выскочил, кажется, прямо из стены. — Любезный паж, как хорошо, что я вас встретил. Я заблудился! Самым позорным образом, о, какое счастье, что...

Он всхлипнул и бросился на шею почему-то мне.

— Лорд Лятре, Эжен, — паж сверился со своим списком, — вы были обмундированы еще два часа назад.

— Да! И все это время я бродил по переходам этого страшного замка. Под землей, там где в опустевших пыточных звенят цепями души преступников, где полчища серых крыс пытались... попытались...

Далее речь лорда Лятре стала неразборчива, я похлопала его по спине.

Пыточные? Ну вполне логично, что портновские пристройки каким-то образом соединены с замком тайными переходами. Мало ли какая надобность может возникнуть у властей предержащих и в какое время. А пыточные лучше оборудовать под землей, так солидней.

Но каким образом, объясните мне, можно заблудиться в этом конкретном коридоре? Здесь всего один поворот!

— Ждите здесь, — велел паж. — Граф Шерези проводит вас к выходу, когда с ним закончат.

— Одну минуту! — Посетившее меня озарение было таким ярким, что я даже зажмурилась. — Лорд Лятре, Эжен, не могли бы вы поменяться со мной камзолом?

— 3-зачем? — Он отстранился и вытер щеки рукавом.

Черты лица у него были мелкими и какими-то нечеткими, а длинные до плеч локоны — пепельными.

— С детства мечтал о черном мундире, — улыбнулась я. — Досточтимый паж не будет против — ему без разницы, кто во что одет, главное, что количество обмундированных сойдется. Не правда ли?

Паж пожал плечами, ему действительно было все равно. Скорее всего, где-то уже ждала его дева, на свидание с которой он так торопился, и все его мысли были уже с ней.

— Ну давайте, дружище, что вам стоит? — наседала я. — Ваше чудесное спасение просто необходимо отметить широким жестом. А я вознесу за вас и ваши успехи при дворе молитву Спящему. Раздевайтесь!

Плаксы редко бывают дураками. Этот-то точно не был. Нас торопил паж, для полномасштабной торговли времени не оставалось. И уже через минуту произошел обмен. Лятре отдал мне камзол, штаны, кафтан, сорочку и сапоги, а я ему — серебряную бусину из своего ожерелья.

Грабеж средь бела дня. И будь у меня хоть минут десять...

— Оставьте свое тряпье здесь на полу, граф. — Паж постучал в дверь условным стуком и затолкал в приоткрывшуюся створку голого Эжена. — А деньги, амулеты и прочие ценные вещи извольте отдать мне.

— Ни денег, ни амулетов, — ответила я абсолютно искренне, кошель, полученный от

Пучелло, был надежно зашит в матрас.

Паж черкнул что-то на пергаменте и скрылся за дверью. Я, не теряя ни секунды, сняла штаны. Искать казематы для переодевания — это уж слишком.

Хорошо, что мы с плаксой оказались примерно одинаковой комплекции. Кое-что требовало подгонки, но я вполне смогу справиться с этим самостоятельно — дел-то на пару стежков. Я старательно перепрятала швейные принадлежности под новую сорочку. А вот сапоги оказались велики. Фата Илоретта, видимо, не изыскала в моем организме материала на полноценную мужскую ступню. Но и это не страшно. Больше — не меньше, вполне можно потерпеть.

Когда дверь распахнулась, выпуская в коридор белоснежного Эжена Лятре, я отодвинула кучу старой одежды ногой.

— Вы покажете мне дорогу, граф?

На груди плаксы одиноко блестела серебряная бусина.

— Всенепременно.

И только Спящий знает, каких усилий мне стоило не отправить вымогателя бродить по казематам.

Спускались мы по ступеням плечо к плечу, будто олицетворяя леди наших лун — Нобу и Алистер. Красивый контраст, маменька бы его оценила. Блондин в белом, брюнет в черном и разноцветная гомонящая толпа вокруг.

— Однако! — Станислас изобразил ладонями аплодисменты.

— Мой паж так торопился на свидание, что протолкнул меня в обход очереди, — шепотом похвасталась я.

Оливер хмыкнул, посмотрев на мою грудь, отсутствие серебряной бусины он заметил.

— Мы тоже записались у наших пажей. Жаль только, что они никуда не торопятся.

Патрик приветствовал меня издали, он беседовал с кем-то из знакомых и просто помахал рукой.

Очередь продвинулась фута на два.

— Там все происходит довольно быстро, — успокоила я друзей. — Если хотите, я постою здесь за компанию.

— А кто же тогда займет нам лучшие места за обедом? — Практичность Оливера мне нравилась. — Вдруг Турень все сожрет до нашего прихода? Или Вальденс. Ты никогда не замечал, что такие вот задохлики могут затолкать в себя больше, чем весят сами?

Во дворе казармы уже всюю готовились к обеду. Десяток поварят сновали, как стайка воробышков, из трубы валил дым. Я заглянула в трапезную. Теперь и там царило оживление. Столы, сдвинутые крестом в центре зала, были накрыты полотнищами, над очагом колдовал необъятных размеров повар.

Подпирать стену, когда все работают, было непривычно, но никто из дворян приходить на помощь прислуге не спешил. Я пошла в спальню, где продолжалось обустройство кроватей, убедилась, что на наши матрасы никто не покусился, и, подойдя к окну, уселась на подоконник. Делать было решительно нечего, поэтому я достала швейные принадлежности и вышила шикарную, в завитках «Ш» за воротом кафтана и с внутренней стороны камзола. Мужские руки уже привыкли к игле, я с удовольствием отметила их ловкость.

А сорочек-то надо добыть еще с десяток, ткань тонкая, протрется на локтях и отворотах очень быстро.

Окно выходило на разрушенную купальню. Там копошились работники, и я время от времени поглядывала в ту сторону, поднимая глаза над шитьем. Купальню

реставрировали, навешивали на петли сорванную дверь, подновляли кладку, выносили из помещения мусор. Командовал процессом ван Хорн в своей обычной манере, такой слегка кошачьей. Я вспомнила наших шерезийских кошек, они точно так же замирали в обманчивом спокойствии, чтобы потом неожиданно броситься вперед. Наверное, и со мной он выжидает, прежде чем нанести удар.

Надо объясниться с ним немедленно, пусть уж наше противостояние закончится, даже самым трагичным образом — дуэлью или ссорой. Лучше ужасный конец, чем ужас без конца, чем это наполненное страхом ожидание.

Спрятав швейные принадлежности, я свесила ноги наружу, зацепилась одеждой за подоконник и поморщилась. Камзол потянул за пояс, и тот ощутимо врезался в кожу. Как я могла о нем забыть? У меня же есть амулет! Их тоже предписывалось сдать, а я не сдала. К сожалению, с поясом мне пришлось бы сдать и свое мужское достоинство, свой коко-де-мер, а это было абсолютно неприемлемо. Если меня когда-нибудь разоблачат... Меня казнят за обман. И так как девушка Басти вовсе не дворянин Шерези, ей отсекут голову на рыночной площади. Ни в каких ардерских законах не сказано, что кровь обманщиков нельзя проливать.

Поправив одежду, я спрыгнула с подоконника и пошла к Гэбриелу. Никаких больше дворян рядом не было, так что я собиралась побеседовать с ван Хорном без свидетелей. Слуги не в счет, на них здесь никто внимания не обращает. Просто подойду и отзову в сторонку. Поклонюсь, сложив из пальцев треугольник перед грудью, и извинюсь за недоразумение.

К сожалению, план мой не удался. Из-за угла в сопровождении стайки пажей показался лорд Мармадюк, я замедлила шаг и подошла к ван Хорну одновременно с шутом.

— Что происходит? — Посохом шут указал на купальню.

— Вы сами приказали нам обживатьсья. — Гэбриел чуть наклонил голову в приветствии.

В этот момент один из работников, уже заперший дверь купальни, преподнес ван Хорну ключ.

— Я всего лишь позаботился о том, чтоб претендентам было где совершать омовения.

— Или всего лишь захватили помещение для личных нужд?

— Вы преувеличиваете мое коварство, лорд.

Мармадюк раздул ноздри, он был недоволен, скорее всего, вовсе не сыном канцлера, просто щедро изливал на окружающих накопившееся за день раздражение.

— Тогда примите мои извинения, юный ван Хорн, — протянул он с издевкой. — И похвалу. Ваш прекрасный замысел достоин... — Его взгляд остановился на серебряном ожерелье, бусин там было шесть или семь десятков, нити переплелись, и посчитать точнее мне не удалось. — Пяти медных бусин.

Гэбриел поклонился снова:

— Благодарю за щедрость, лорд-шут.

— Но было бы неправильно тратить ваше время на заботу о купальне. Время, которое вы могли бы потратить с большей пользой, например измышляя новые способы облегчить жизнь моих подопечных. Посему, — Мармадюк посмотрел в мою сторону, — передайте ключ графу Шерези, который с сегодняшнего дня назначается хранителем этого помещения и ответственным за открытие и закрытие дверей.

Я чуть не застонала, превратившись из невинного зрителя в участника. Ну и как прикажете мне теперь мириться с меченым красавчиком? Мало того что я стала свидетелем его унижения, так еще и этот ключ. Отказаться? Мармадюк как раз считал мои бусины. А если за неповиновение он решит меня наказать, если отберет даже десяток? У меня и так их всего шестьдесят. До первой серебряной мне нужно еще сорок. Поэтому, изобразив на лице благоговение, я сказала:

— Почту за честь, — и приняла ключ из рук Гэбриела.

Если бы прикосновениями можно было убивать, искра, проскочившая между нашими пальцами, уже лишила бы меня жизни. Все кончено. Мы враги.

Один из пажей выдал ван Хорну пять медных бусин.

— Что входит в мои обязанности в новом качестве? — спросила я шута, нанизывая ключ на нить ожерелья, карманов в новой одежде не было, или я пока их не обнаружила.

Правда, теперь этот злосчастный ключ выглядел как награда и служил лишним напоминанием ван Хорну, но я решила: что сделано, то сделано, — и попыталась выжать из ситуации все возможное.

— Вы будете запираеть купальню на ночь, — Мармадюк явно придумывал задания на ходу, — открывать ее утром, следить за соблюдением очередности. Утром и вечером вам будет отведен час на исполнение процедур. Две сотни претендентов, поделенные на четыре группы. Каждой группе дается на омовение пятнадцать минут. Также, граф, вы будете руководить ежедневной уборкой помещения. Так как наем лишних слуг не входит в наши планы, претендентам самим придется этим заниматься.

— Мои труды будут как-то вознаграждены?

Я уже поняла, что «награду» получила очень хлопотную. Пусть даст мне тоже бусин. Даже пять.

— По результатам ваших трудов. Идемте, господа. Время трапезы.

Мы с ван Хорном пошли в казарму, отстав от шута на полшага.

— Я не хотел, — предприняла я попытку диалога.

Меченый красавчик даже не повернул головы. Зато на мой шепот среагировал Мармадюк:

— Кстати, Цветочек, после того как закончите обедать, извольте явиться в мои покои. Дорогу вы узнаете у любого из пажей.

Вот тут ван Хорн на меня посмотрел, да так, что я споткнулась, чуть не растянувшись на пороге.

Мармадюк промаршировал в обеденную залу, мы следом. Столы, составленные крестом, были накрыты, за ними уже сидели претенденты. Повара и поварята выстроились у стены около очага.

Я похолодела. Нас распределили на группы в соответствии с цветами мундиров — белый, черный, красный, синий.

Как только лорд-шут появился в зале, все встали, мы с Гэбриелом пошли к своим местам — пустым стульям у черного крыла, их оставалось только два. По левую руку от меня оказался пока незнакомый мне рослый дворянин, а по правую — ван Хорн.

— Садитесь, — скомандовал шут. — Надеюсь, все в сборе?

Он обвел взглядом столы.

— Вижу, что не все. Но ждать опоздавших мы не будем. И впредь запомните, во дворце Ардер ждут только ее величество, которую мы с вами сегодня не увидим. И вы, птенчики, не увидите ее гораздо дольше, чем я. Сейчас вас две сотни, через месяц останется вполовину меньше, уж я постараюсь. Ваше содержание и обучение обходится короне в кругленькую сумму, и я намерен всячески уменьшать наши траты. Вы уже знаете о системе награждений, теперь вам предстоит узнать о наказаниях. За каждый ваш промах вы будете лишаться своих бусин, за нерадивость в учебе, за пропуск тренировок, за попытки избежать работы на общее благо. К таким работам относится, например, ежедневная уборка купальни. Познакомьтесь, — он кивнул в мою сторону, и я поднялась с места, сразу оказавшись в центре внимания, — кто еще не осведомлен — это

граф Цветочек Шерези, он ключник и хранитель вашей купальни. В его ручках оказалась власть над чистотой ваших тел, также он составит списки уборочных команд.

В этот момент я поняла, что ненавистников у меня прибавилось.

— Садитесь, Шерези, — разрешил Мармадюк. — Следующее. Отхожее место под стеной. Сразу после обеда там будут работать землекопы и столяры, поэтому предлагаю вам разойтись, чтоб не мешать работникам. По всем вопросам обращайтесь...

Шут отвлекся, за его стеной в дверях столпились опоздавшие, среди которых моих друзей я не заметила, он велел им занять места за столами и продолжил:

— ...лично ко мне. Хотя нет. Вас много, я один. Обращайтесь к любому из встреченных пажей. Чтобы как-то защитить вас от пажеского произвола, позволяю вам узнавать имя пажа, чтобы, если до меня ваш повод не донесут, я знал, кого за это наказывать.

За спиной Мармадюка появился Патрик, он был в белом.

— По мелочам никого не беспокоить.

К Патрику лорду Уолесу присоединились две красные фигуры, одна с мандолиной, а другая настолько огромная, что выглядела устрашающе.

— Засим все, птенчики. Те, кто не успел до конца моей речи занять свои места за нашим праздничным столом, могут собираться домой...

Он, наверное, хотел сказать что-нибудь обидное напоследок, но был снесен с ног. Пока над ним хлопотали пажи, помогая ему подняться, мои друзья успели занять свои места. Я хихикнула, уж очень забавно было наблюдать Оливера Виклунда в штанах.

— Что вас так развеселило, Цветочек?! — Окрик встрепанного Мармадюка был грозен.

— Я разминаюсь перед шуткой, которой вы завершите свою речь, мой лорд. Ведь она еще не завершена?

Лорд-шут обвел столы внимательным взглядом:

— Не уверен, кто именно из этих коровок Спящего сбил меня с ног в своем рвении...

Тут расхохотались уже все. Коровками Спящего назывались краснокрылые весенние жучки, и сравнение нам понравилось.

Мармадюк переждал смех:

— Что ж, рвение должно вознаграждаться. Так что сегодняшней наградой пусть послужит отсутствие наказания.

И, сорвав аплодисменты, он удалился. Мы приступили к трапезе.

Запеченное мясо, вареные овощи, хлеб. Блюда были приготовлены добротнo, но без изысков. Мне кусок в горло не лез. Я кожей чувствовала неприветливые взгляды соратников, а бедром — близость меченого красавчика. А еще я пыталась привлечь внимание Патрика, который сидел за другим столом наискосок от меня. Но он отводил глаза, и это было обидно по-настоящему. Беседовал он с Эженом Лятре, который как раз посылал мне счастливые улыбки и даже помахал рукой.

Все плохо. Я в один миг потеряла всех своих друзей и доброе отношение соратников. Я в черном крыле (уж не знаю, почему мне сразу захотелось назвать группу крылом), разлучена с Патриком, Оливером и Станисласом. Мне предстоит заставлять дворян работать руками, что не прибавит доброго отношения, я потеряла серебряную бусину и приобрела взамен лишь ключ от купальни, который мне совсем не нужен, а вместе с ним потеряла возможность помириться с Гэбриелом. Все действительно было плохо.

Хотя это с какой стороны посмотреть. Я избежала разоблачения, оставшись при своем амулете, меня выделил из толпы лорд-шут, наш начальник, что сулит некие бонусы в будущем. А что касемо дружбы, то грош ей цена, если она регламентируется цветом мундира.

— Граф Шерези, — обратился ко мне дворянин, сидящий по правую руку.

— Да?

— Клод Жильбер, пока не граф, а всего лишь виконт.

— Раз слышать ваше имя. — Я привстала и поклонилась. — Из какой провинции приехали сюда вы?

— Жомар. Позвольте предложить вам кролика.

Пришлось радостно кивнуть и что-то жевать. На столах стояли бутылки с вином, ну то есть не стояли, а довольно часто склоняли свои горлышки над бокалами, и уже скоро в обеденной зале воцарилась расслабленная атмосфера.

Я беседовала с виконтом, потому что не с Гэбриелом же беседовать. Жильбер слегка заискивал, косясь на висящий на моей груди ключ. На какое-то время я ощутила себя кем-то исключительным. А потом меченый красавчик потянулся через стол за каким-то кушаньем, его тело сместилось и мое бедро вплотную прижалось к его бедру. По позвоночнику будто пробежала искристая дорожка. Я отодвинулась, вытерла руки лежащей на коленях салфеткой и поднялась из-за стола.

— Приятного продолжения трапезы, виконт.

— Вы нас покидаете?

— Только необходимость пошептаться с лордом Мармадюком гонит графа от нашего веселья, — кисло сообщил ван Хорн. — Он весь в заботах, наш Цветочек.

Точно! А я и забыла. Шут велел явиться к нему сразу же после обеда!

— Благодарю, дружище, — сахарно проговорила я. — У меня это вылетело из головы, и, если бы не твои вовремя сказанные слова, я знатно оконфузился бы в первый же день своей службы.

Меченый красавчик скривился. Я добила:

— Милый-милый Гэбриел... — и потрепала его по плечу, опять пережив неприятные искристые ощущения.

Удивленное лицо наследника из Жомара просилось на полотно, а кислая мина ван Хорна — в лимонад, так что я еще раз поклонилась и пошла к выходу.

Путь мой лежал мимо красного стола. Оливер развернулся на предсмертно скрипнувшем стуле:

— Ты куда?

— К Мармадюку. — Я ткнула пальцем в ключ у себя на груди.

— Погоди. — Виклунд поднялся. — Я тебя провожу. Станислас, ты с нами?

Менестрель ласково и слегка нетрезво улыбнулся:

— Я всегда с вами, дорогие вы мои...

— Пошли-пошли, тебе надо проветриться.

Уже в коридоре нас нагнал Патрик.

— Мы провожаем Цветочка к шуту, — сообщил ему Виклунд.

— В библиотеке меня ждет хабилис Джесард.

Лорд Уолес на меня не смотрел.

— Мы узнаем, где библиотека, по дороге.

Камзол Виклунда при ходьбе трещал, видимо, на него ушли все остатки красной ткани.

— Как у вас все прошло? — спросила я.

— У Станисласа пытались отобрать мандолину.

— Но им это не удалось! — сопроводил свои слова аккордом менестрель. — Амулеты искусства не должны покидать владельцев!

— Кстати, — мне вдруг пришло в голову, что в очереди к портным мои друзья стояли не последними, — а где остальные? Ведь были еще претенденты. Не может быть, чтоб нас оставалось ровно двести.

— Может. Приказано было сшить ровно две сотни мундиров, и эти две сотни закончились как раз на нас. Так что те несчастные, которым не хватило одежды, отправились восвояси.

— Ужасно!

При мысли о том, что из-за моего желания первыми занять кровати друзья могли выбыть из состязания, я похолодела.

— Или прекрасно, как посмотреть. — Станислас перебрал струны. — Один из неудачников был так взбешен, что бросил своим ожерельем в лорда Уолеса. Дружище, покажи.

— Что? — Патрик раздраженно обернулся. На его шее блесло пять десятков медных бусин.

— Ура! — Я хлопнула в ладоши. — Это невероятная удача. Теперь мы примерно в равном положении.

— Ну да. — Уолес кивнул. — Ты же обменял свою серебряную бусину на возможность сидеть за одним столом с ван Хорном! Эжен Лятре очень живо поведал мне о том, как униженно ты выпрашивал у него черный камзол.

И больше ничего не говоря, Патрик ускорил шаг и быстро удалился.

— Не обращай внимания, Цветочек. — Станислас взял меня под руку. — Он остынет. Патрику сейчас непросто, он думает, что одинок. Я отобрал у него абсолютное внимание Оливера, как он считает.

— Достаточно. — Виклунд взял меня под другую руку. — Эта беседа начинает мне напоминать женские разговоры, недостойные мужчин и дворян. Идемте уже изловим какого-нибудь пажа и, узнав предварительно его имя, заставим отвести Цветочка Шерези к начальству.

Устроив засаду у ближайшего фонтана, мы пленили пажа уже через четверть часа. А я подумала, что должна найти что-то, что скрепит нашу нерушимую дружбу, чтобы Патрик не чувствовал себя покинутым. Что-то, что объединит нас четверых.

Глава 7

ПЕРВЫЕ УРОКИ

Канцлер ван Хорн разбирал бумаги. Его письменный стол — массивная дубовая конструкция, придвинутая вплотную к окну кабинета, — был буквально завален ими. Креспен почтительно стоял, подпирая стену в двух шагах от хозяина.

— Счета, счета, счета... — Канцлер раздраженно отбросил очередной пергамент. — Мармадюк присосался ко мне подобно пиявке! Почему я должен платить еще за какие-то бусы?

Креспен кашлянул:

— Лорды Турень и Вальденс также платят лорду-шуту за содействие. А если припомнить, что ваш наследник не желал принимать участие в аванюре с королевскими миньонами, некоторая помощь для стимуляции желания...

Ван Хорн хмыкнул:

— Желания... Эх, если бы я мог обзавестись другим наследником...

В дверь постучали, посыльный доставил письмо. Дождавшись, пока молодой человек покинет комнату, канцлер скovyрнул сургучную печать:

— Новости из Дювали.

Креспен вытянул шею, пытаясь рассмотреть послание.

— Что там?

— Лорд ван Сей сообщает, что леди ван Харт скончалась двадцать дней назад. Следовательно, лорд ван Харт теперь сможет наконец присутствовать на Большом королевском совете. Он отправляется сегодня в столицу, сопровождаемый отрядом рыцарей долины.

— Это вас тревожит?

— Что? Присутствие рядом со мною какого-то старика?

— То, что номинально этот старик также является канцлером Ардеры.

— Пожизненным канцлером! Аврора одарила его должностью за неоценимую помощь в ее воцарении. Пфф! Вместе со старцем к Спящему отойдет и его номинальная власть. Надо только немного подождать.

— Путь из Дювали длинен и полон опасностей, — кивнул Креспен, — с ван Хартом по дороге может произойти все что угодно.

Ван Хорн серьезно посмотрел на слугу:

— Не вздумай! Подозрение сразу же падет на меня. Угроза нам мизерна, а внезапная смерть лорда только повредит.

— Гэбриел, насколько я помню, был расположен к покойнице, она его воспитала. Велите мне сообщить наследнику о смерти тетушки?

— Обойдется. Тем более воспитала она его прескверно! Такого дикаря и размазню еще поискать!

И канцлер опять погрузился в бумаги.

Пажа звали Николая, и без него я заблудилась бы в замке очень быстро. Ведь кроме внешнего круга, где с утра нас приветствовал Мармадюк, среднего круга, в котором

расположилась миньонская казарма, существовал еще внутренний замковый круг, где проживали сильные мира сего и ее величество. Для того чтобы войти сюда, требовалось миновать ворота, пояснить охраняющим их стражникам причину посещения и показать пропуск, без которого ход во внутренний круг был заказан. Паж такими пропусками обладал, Николая достал из-за пазухи резную плашку на витом атласном шнуре, и стражники нас пропустили.

Я оказалась будто в совсем другом Ардере. Если снаружи нас окружал добротный тесаный камень, здесь преобладал мрамор и белоснежный алебастр. Пилястры были украшены листовными орнаментами, а стены — аллегорическими изображениями. Даже под ногами вместо брусчатки мягко шуршал мелкий золотистый песок. Одежда слуг была поярче и побогаче, да и народу побольше. Нам встретилось более дюжины аристократов, некоторые из них приветливо кивали Николаю, тогда паж после вполголоса сообщил мне его имя и звание, другие не одаряли и взглядом, в этом случае к имени и прозвищу присовокуплялось «болван» или «надутый индюк» совсем уж тихим шепотом.

— Чтоб вернуться в казарму, мне тоже понадобится пропуск?

— Да. Попроси лорда-шута о сопровождении.

Мы подошли к одной из башен, белоснежные стены которой были увиты лианами садового плюща.

— Здесь я покину тебя, Цветочек. — Я уже поняла, что сверхвежливостью с претендентами пажи не утруждались, сразу переходя на «ты». — Поднимись на второй этаж, там тебя будут ждать. Николай Лембез к вашим услугам.

— Всегда?

— Что, прости?

— Формула звучит — «всегда к вашим услугам». Мне интересно, ты выпустил «всегда» случайно или нарочно?

Паж рассмеялся:

— Если второе, то что?

— Тогда я требую у тебя показать мне пропуск, на котором, я уверен, стоит твое настоящее имя.

Он неохотно потянул атласный шнур. Его действительно звали Николая, только вот фамильное имя было вовсе не Лембез, а Дабуаз.

— Удовлетворен?

— Более или менее, — холодно улыбнулась я. — Но мое удовлетворение станет абсолютно полным, когда ты отведешь меня туда, где обитает лорд Мармадюк. Мне не хочется попасть впросак в первый же день.

Паж скривился:

— Тебе лучше бы передумать.

— А тебе — объяснить мне причину.

Мы стояли друг против друга, сопя как разозленные ежики.

Ежик Николая сдался первым:

— Не хочу попадаться на глаза Мармадюку. Лучше уж он обо мне сегодня не вспомнит.

— Ты совершил ошибку в исполнении своих обязанностей?

— Да. — Он еще больше скривился, кажется готовясь зарыдать.

— Хорошо, — кивнула я, — прощай. Если лорд-шут не спросит у меня имени

сопровождающего, обещаю о тебе не упоминать.

В чем именно заключалась ошибка юного пажа, меня не интересовало. Мне подумалось, что они в сущности занимают самую нижнюю ступеньку в придворной иерархии и их жизнь, наверное, не проста. Ну то есть занимали. До того момента, как в замке появилось две сотни претендентов на близость к королеве. И пажам должно быть ненавистно прислуживать нам, низшим из низших.

Уже в одиночестве я поднялась по ступеням крыльца, буквально протиснулась в дверь, затем преодолела винтовую лестницу на второй этаж и прошла узким коридорчиком. Покои Мармадюка располагались вовсе не в башне, в ней был только вход. Коридорчик вывел меня в другой, пошире, расхлывшийся в стороны подобно дельте реки. Направо или налево?

— Кто? — прервал мои размышления голос.

Налево.

— Граф Шерези. Вы приказали мне явиться к вам после обеда. — Последние слова я завершила поклоном уже в дверях.

Покои шута эклектично сочетали в себе роскошь и неряшливость. Просторная комната использовалась и как спальня, о чем говорило полузакрепленное пологом ложе у дальней стены, и как библиотека — шкафы в противоположной стороне ломились от фолиантов, уже не помещавшихся в них, как столовая — на круглом столе, за которым восседал шут, был сервирован обед, и как гардеробная. Умывальня и клозет были вынесены за пределы комнаты. В этом я уверена не была, но надеялась. У меня буквально разбежались глаза, как от обилия предметов, так и от их пестроты.

— Добро пожаловать в мое гнездышко, Цветочек.

— Всегда к вашим услугам, мой лорд.

— Присаживайся, птенчик. Как проходит твой первый день?

Опасаясь слипнуться от сахаристости тона, я присела на краешек стула за круглым столом:

— Неплохо, благодарю вас.

— Ты, наверное, удивлен?

— Немного.

Удивлена я была только тем, что на столе благородного лорда отсутствовало мясо. Обед его состоял из покрошенных на блюдо сырых овощей, сбрызнутых лимонным соком.

— У тебя есть поклонники! — драматическим шепотом сообщил шут.

— Благородный лорд входит в их число?

Он расхохотался:

— Пока нет, Цветочек. Для этого тебе придется постараться.

В мою душу закрались нехорошие подозрения. Белокурая Моник говорила мне, что обитают в Ардере придворные, склонности которых в любви схожи со вкусами графа Шерези. Неужели Мармадюк из таких? Тогда ой! Если мне сейчас предложат страстное труляля, придется отказаться.

— Что может сделать для вас ваш покорный слуга, мой лорд?

Нижняя челюсть дрожала, придавая голосу дребезжащие нотки, и я закусилась нижней губой. Темные глаза Мармадюка остановились на ней, скользнули к шее, затем к груди. Святые бубенцы!

— Ты не выглядишь атлетичным мужчиной.

Я не знала, хорошо это или плохо для моего собеседника, поэтому промолчала.

— Так каким же образом тебе удалось одолеть юного Туреня в рукопашном поединке?

— Он был пьян.

— Невероятная удача, но она не объясняет безобразных кровоподтеков на и без того некрасивом лице благородного наследника. Чем ты его сокрушил?

Я потянулась к волосам, отодвигая прядку.

— Прямой удар в переносицу лбом.

— У тебя крепкая голова.

— Благодарю.

— Какими еще исключительными качествами ты обладаешь?

Я могла назвать способности к прополке, уборке, шитью, а также позированию в полуголом виде для аллегорических полотен, но ответила:

— Верность, — и сразу поняла, что ответила абсолютно правдиво.

— Кому ты верен, Цветочек?

— Семье, друзьям...

— Ответ ошибочен, — остановил меня шут. — Королева Аврора должна стоять для тебя на первом месте.

— Она там, мой лорд, а также здесь, — я прижала к груди ладонь, — в моем сердце.

Темные глаза Мармадюка смотрели на меня не мигая.

— Ты будешь ей верен всегда?

— Да, мой лорд, до самой смерти.

— Что ж, — он наконец моргнул и отвел взгляд, я смогла вдохнуть, — верность сюзерену, семье и друзьям — тот тривиум, на котором зиждутся законы ардерского рыцарства с давних времен. Запомни эту умную фразу и вворачивай ее всякий раз, как собеседник попытается вывести разговор на высокие материи. Кстати, выражение своего лица ты тоже запомни. Очень мило и искренне получилось. Хвалю.

Шут дожевал последний листик салата и промокнул губы салфеткой.

— Верность королеве является основным требованием, которое она предъявляет к своим миньонам.

— Их будет много?

— Хочешь быть единственным?

— Я не посмею о таком мечтать. Просто хотелось бы прикинуть, со сколькими из двух сотен претендентов мне придется соперничать.

Мармадюк прекратил на меня пялиться, и я слегка расслабилась.

— К концу недели я собираюсь изгнать примерно пятьдесят из вас. Неграмотные, тупые, неспособные к ратному делу... Ты умеешь читать и писать?

Я кивнула и тут же задала следующий вопрос:

— Нам предстоят экзамены?

— На которые я собираюсь продавать входные билеты всем желающим, чтоб хоть как-то возместить непосильные для короны траты.

— Уже на этой неделе?

— Именно.

— Вы сказали «примерно». Примерно пятьдесят?

— Их может быть и больше. Все, кто не сможет предъявить мне хотя бы одну серебряную бусину к сроку, отправятся домой.

— А что, если...

— Мы тратим время, Шерези! Иди сюда!

На ватных ногах я обошла стол.

— Ближе!

Еще шаг.

Твердые ладони шута опустились мне на грудь. Я взвизгнула и отшатнулась.

— Что вы себе позволяете?

— Ответ неверный! — Он подскочил с места, потащил меня к кровати, ухватив за плечо. — Попробуй еще раз.

— Мое сердце принадлежит королеве.

— Меня не интересует твой ливер!

— Все остальное тело тоже!

— Уже лучше, но все равно не работает.

Он бросил меня на постель и навис сверху, одной рукой расстегивая мою одежду.

Я выдохнула и поймала его проказливый взгляд. Лорд-шут изволит веселиться?

Чего он хочет? В его желании труляля уверенности уже не было. Мне предлагали игру с непонятными правилами. Может, целью ее было определить правила самостоятельно? Шут требует верного ответа. Я должна правильно отказаться? Что я говорила Пьеру, чтобы остудить его пыл? Тысяча фаханов!

Я накрыла ладонь шута своей, прижимая к груди, изогнулась, чуть приподняла лицо, чтобы не потерять зрительного контакта.

— Прощу вашей руки.

— Что?! — Он выдернул ладонь.

Воспользовавшись замешательством Мармадюка, я соскользнула с постели, но вместо того, чтобы позорно бежать, перешла в наступление, заваливая уже благородного лорда. Он упал на спину, я взгромоздилась верхом, сжав коленями его бедра:

— Мы попросим Аврору подтвердить консумацию, она не будет противиться нашей любви. После подписания брачных бумаг мы станем супругами.

— Это невозможно.

— Для любви нет ничего невозможного!

— Скандально!

— Что нам чужая молва...

Тут сцена требовала поцелуя или чтобы один из нас разделся, но я пока не решалась ни на то, ни на другое. Целовать или раздеваться? Раздеваться или целовать?

Мармадюк посмотрел мне за спину, улыбнувшись. Я обернулась. Служанка выпустила на пол стопку грязной посуды.

— Простите...

Девушка убежала, не подобрав черепки, шут столкнул меня.

— Прекрасно, Цветочек, браво. Сейчас по дворцу со скоростью лесного пожара разнесется весть, что претендент в миньоны ее величества пытался совратить ее любимого слугу.

— Или слуга — будущего миньона.

Тяжело дыша, я стала застегивать камзол.

— Ну мне-то, в отличие от тебя, ничего не грозит. Королева оценит соленую шутку.

— Я не боюсь ничего, кроме немилости ее величества.

— Один — один. — Мармадюк подошел к столу и схватил бутылку с вином. — Удар ты держишь превосходно. Даже жаль, что я не обладал подобными талантами, когда начинал свой путь при дворе.

— Вы были пажом?

— Хуже, гораздо хуже, мой черненький Цветочек. Когда-нибудь я тебе об этом расскажу.

— Вас подвергали насилию?

— Чему нас только не подвергали. — Он поставил на стол опустевшую бутылку. — Запомни, Шерези: твоя роль — трикстер. Это твое призвание, и противиться ему не стоит. Ты сможешь добиваться своих целей самыми нелепыми и недопустимыми для других способами, ты сможешь перевернуть ситуацию с ног на голову и сделать это настолько быстро, что прочим останется только удивленно хлопать глазами.

— Бывают и другие роли?

— Их не так много — воин, ученый, бард, интриган.

— А интриган и трикстер — это не одно и то же?

— Нет. Разницу ты поймешь сам со временем. Роли нестатичны. Ученый может интриговать, а воин посвятить часть своей жизни искусствам, но стержень в человеке остается навсегда.

— И в какой роли шансы добиться чего-то при дворе повышаются?

— А это очень хороший вопрос. — Мармадюк приблизился к другому столу, в отличие от обеденного — квадратному, стоящему в арочном углублении у окна. — Добиться чего-нибудь можно, только используя в своих целях других людей. Тех, кто обладает недоступными тебе качествами.

— То есть дружить?

— Можно это и так назвать.

Шут откинулся в кресле, закинув ноги на дубовый сундук, придвинутый к окну.

— У тебя есть еще вопросы?

Я помялась. Можно ли доверять лорду Мармадюку? Кажется, мы с ним похожи, в том, что шут тоже играет в жизни трикстера, я не сомневалась. Если довериться, то лучше ему.

— Я хотел спросить о дружбе. Нас четверо...

— Ты, бешеный Виклунд с Тирийских гор, бард-менестрель из Доремара, — шут

сверился с каким-то списком, лежащим на столе, — и смазливый ленстерец, склонный к наукам?

— Именно.

— Воин, бард, ученый и ты. Поздравляю. Вместе вы составите крепкий квадриум.

— Нам достались камзолы разных цветов.

— И что?

— Мне кажется, что это помешает нашей дружбе.

— Так придумай что-нибудь, чтоб ее скрепить.

— Я хотел просить вашего позволения сменить наши цвета.

Мармадюк поморщился:

— Слишком просто и потому мне не нравится. Еще?

Больше хороших идей у меня не было, о чем возвестил собеседнику скорбный вздох:

— Еще существуют рыцарские поцелуи дружбы...

— Да ну? — Шут сделал приглашающий жест. — Требую подробностей, раньше мне об этом слышать не приходилось.

— Ну как же... — Я смутилась. — Со времен Спящего лорда наши предки пили чашу дружбы, опрокинув которую полагалось соединить уста в дружеском поцелуе и перейти на «ты».

— Очень интересно. И кто, поведай мне, рассказал тебе об этом обычае?

Я молчала. Разумеется, узнала я об этом не из книг и не от кого-нибудь из благородных лордов, не бывало их в Шерези.

Мне было лет десять, наверное. Была зима. За окном бушевала метель, просто невообразимая для наших мест. Мы все собрались в зале, горел камин, я вышивала, Магда перебирала чечевицу в плетеной корзине, маменька дремала, попивая горячее вино. Да. Точно. Оно грелось на комельке в толстом кувшине. А еще тогда с нами был забредший на огонек путник, то ли бродячий сказитель, то ли коробейник, которого мы приютили, пока метель не утихнет. И Магда постреливала в его сторону глазами. А потом, когда матушка ушла к себе, чтобы отойти ко сну, Магда предложила мужчине испить чашу дружбы, они выпили. Потом был поцелуй, а потом они ушли вместе, а я еще долго сидела у очага, любуясь танцем пламени...

В лицо мне кинулась краска, щеки запылали, будто я до сих пор сидела у огня в Шерези. Магда попросту флиртowała. Ни каких таких обрядов нет! Она соблазнила малознакомого мужчину, а я...

В обморок, что ли, брякнуться?

Я поцеловала ван Хорна, думая, что поступаю как мужчина, как дворянин! Я! Его! А-а-а!

— Я получу сегодня внятный ответ? — поторопил меня шут.

— Нет, мой лорд. — Голос был слабым, как писк полудохлой мыши. — Давайте забудем.

Хотя почему это — забудем? А Виклунд? Он тоже про обряд дружеского поцелуя слышал. Он еще и про способы этих самых поцелуев нам рассказывал!

— Как пожелаешь.

— Погодите. Этот обряд жив в Тирийских горах.

— Ты уверен?

— Да.

Шут расхохотался.

— Видел бы ты свою мордашку, Цветочек! Вот потеха! Наверное, вспоминал все небритые рожи, которые успел перецеловать в Ардере? Твое стремление к дружбе неодолимо! Всегда, запомни, всегда будь уверен в своих словах, не давай никому сбить себя с толку. Конечно же существует такой обычай. О нем я тебе отвечу так же: слишком просто.

— Эта идея была последней. Но, если судить по выражению вашего, мой лорд, лица, вы можете предложить мне достойное решение.

Уф! Я поступила с Гэбриелом как полагается. Испытанное облегчение наполнило меня уверенностью.

— Более чем достойное, — кивнул Мармадюк, — я бы назвал его великолепным. Со времен Спящего лорда существует некий полумагический обряд скрепления рыцарской дружбы. Его могут провести только наследники либо главы родов, потому что для него необходимо использовать фамильные камни.

Мармадюк поднялся из-за стола, подошел к книжным полкам, достал фолиант в лиловом кожаном переплете:

— Это рыцарский устав Ардеры, здесь должна быть описана последовательность действий.

— Вы одолжите мне его?

— Только до рассвета.

— А кристаллы, все четыре?

— Да.

Шут передал мне фолиант и откинул крышку сундука, того самого, на который закидывал ноги, сидя за письменным столом.

— Держи. — Камни он доставал почти не глядя, будто ощущал их принадлежность руками.

Я схватила добычу и прижала к груди.

— Благодарю вас, мой лорд.

— Вынужден предостеречь тебя, Шерези. Скорее всего, ты занимаешься глупостями.

— Почему? Вы сами учили меня привлекать на свою сторону друзей.

— Человеческие отношения, мой птенчик, строятся вовсе не на высоких материях, одной из которых является так называемая дружба.

— А на чем же?

— В основном на подкупе, угрозах и шантаже. А также на выгоде, которую из этих отношений можно извлечь. Поэтому мой тебе совет, последний на сегодня: обряды обрядами, но попытайся выведать у своих соратников все тайны, которые они скрывают.

— Тайны?

— Именно. У каждого из вас есть что-то за пазухой. И это отнюдь не медные ожерелья. Слышал раньше такое выражение — «скелет в подвале»?

— Да. Имеются в виду секреты, опасные для их владельца.

— Они есть у всех, и у тебя, и у твоих друзей, и у твоих врагов. Твоя задача — узнать их все, не поделившись при этом своими.

Речи шута мне не нравились абсолютно. Какие там еще тайны! Ну моя-то есть, тут он прав. Но что может скрывать рассеянный Станислас, или прямодушный Оливер, или Патрик, чьи мысли видны как на ладони?

Но я все же поклонилась:

— Благодарю. Завтра на рассвете я верну фолиант и камни.

— Ты же не думаешь, что я помогаю тебе бескорыстно?

Я удивленно приподняла брови:

— Чем я могу расплатиться за вашу доброту и щедрость, мой лорд?

— Об этом я поведаю тебе завтра. Иди.

Я развернулась, затем, вспомнив о пропуске, развернулась обратно.

— Что еще, цветочный флюгер?

— У меня нет пропуска, чтоб показать его стражникам для возвращения в казармы.

— А как ты попал сюда?

— В сопровождении паж.

— Которого?

— Я не запомнил его имени. — Заминка, предвосхищающая ответ, сказала ему больше самих слов.

— Значит, так, — Мармадюк раздул крылья длинного носа, — найди Николая Дабуаза, чье имя ты не запомнил и который умудрился потерять сегодня чрезвычайно важное письмо, и сообщи ему, что с сегодняшнего дня лорд Дабуаз становится твоим личным сопровождающим. Да не перепутай его с другим Николаем — Лембезом. Мальчишки любят называться именами друг друга, создавая путаницу и неудобства.

Я снова поблагодарила, откланялась, попятилась к двери и пятилась, пока шут не пригрозил мне немедленной консумацией.

Окрыленная этой угрозой, я опрометью бросилась из покоев.

Николай Дабуаз ждал меня во дворе.

— Ты сказал ему мое имя?

— Нет, но, к сожалению, лорд-шут и так обо всем знает.

Паж выругался:

— Ничего от хитрого фахана не скроешь! Грозился?

— Сказал, что ты теперь должен сопровождать меня при необходимости.

— Личного паж себе вымолил, Цветочек?

— Как будто от моего желания хоть что-то здесь зависит.

— И каковы же будут повеления моего нового хозяина?

Я перехватила фолиант поудобнее, кристаллы лежали поверх переплета, я держала их будто на лиловом подносе — изумрудную пластинку Патрика, жемчужину Оливера и два алых ромба — мой и Станисласа. Только прикоснувшись, я смогу определить, где мой фамильный кристалл, а где — наследника Доремара, настолько они были похожи.

Полумагический обряд! Это действительно звучало великолепно. Мое уважение к Мармадюку, предложившему мне его провести, достигло небывалых высот. Умный, хитрый, могучий лорд, трикстер, взлетевший к вершинам власти. Я тоже хочу такой

стать когда-нибудь.

Паж переминался с ноги на ногу, обжигая меня взглядом.

— Ты знаешь какое-нибудь местечко, где можно уединиться?

— Зачем?

— Мне нужно прочесть этот труд. — Я кивнула на свою ношу. — В казарме спокойно почитать не дадут.

Николя минутку подумал, прижав щеку к плечу:

— Мы можем пройти в библиотеку, но это довольно далеко.

— Мне не требуется комфорт, достаточно лишь хорошего освещения и уединенности.

— Тогда извольте следовать за мной, хозяин, при оружейной пустует чудесная каморка, вам подходящая.

— Заканчивай с политесом, — буркнула я, идя за пажом. — Я понимаю, что для тебя неприятно прислуживать провинциальному дворянину, еще вчера копавшемуся в навозе. Тебе хочется унижить выскочку Шерези. Но, во-первых, на меня это не действует, а во-вторых, я действительно хотел бы быть тебе другом, а не наказанием. Так что давай вернемся к панибратскому «ты» и прекратим кланяться мне чуть не до земли после каждой фразы.

— Но ты действительно мое наказание!

Он перестал «выкаты», это был первый шаг к примирению.

— А ты думал, что утеря важной корреспонденции сойдет тебе с рук?

— Не думал.

Мы обогнули башенку, затем заросший ряской пруд, прошли под изогнутой галереей, и паж толкнул незапертую дверь.

— Я ничего не терял.

Он пропустил меня вперед, я вошла в большую пыльную комнату, где на стенах висели скобы, в которых, видимо, раньше крепилось оружие.

— Потерял кто-то другой?

Николя рукавом стер пыль со стоящей у окна бочки и приставил к ней два тесаных табурета. Я села, положив фолиант на «стол».

— Никто ничего не терял. — Паж присел напротив, порылся за пазухой и выложил на бочку свернутое трубочкой письмо. — Вот оно.

— Так почему ты не отдашь корреспонденцию Мармадюку?

— Печать повреждена. Он сразу догадается, что письмо вскрывали.

— А зачем ты его вскрывал?

Я взяла трубочку, осмотрела расколотую сургучную печать в потеках, видимо, ее пытались неумело склеить.

Николя мялся, я подняла на него строгий взгляд:

— Давай договоримся. Я помогу тебе сделать так, что никто ничего не заметит, но ты мне все расскажешь честно.

— Ты не сможешь восстановить печать. Я пробовал!

— А кто говорит о восстановлении? — Я широко улыбнулась. — Уверен, в сургучных

делах ты поднаторел, и мне с тобой не соперничать. Просто поверь. Честное слово Шерези!

Как мне там пел давеча Мармадюк? Главное, будь уверен, Цветочек.

И Николая поверил. Запинаясь и краснея, он поведал мне леденящую кровь историю про то, что был вынужден... заинтересованные лица...

— Еще раз и по порядку. Ты пообещал сообщать Гэбриелу ван Хорну о всей корреспонденции, которая поступает к лорду Мармадюку из Дювали?

— Ну да.

— А когда ты помахал перед его шрамейшим лордством письмом, тот захотел ознакомиться с его содержимым?

— Именно.

— И что в письме?

— Там сообщается о том, что после смерти супруги лорд ван Харт может приступить к исполнению своих обязанностей как член Большого королевского совета.

— А ван Харт — это кто?

— Сразу заметно, что ты провинциал. — Выложив свой «леденящий кровь» секрет, паж явно повеселел. — Ван Харт — главный лорд долины Дювали, а также канцлер.

— А вот и нет. Даже мой провинциализм позволяет мне знать, что канцлер в Ардере — ван Хорн, папенька его шрамейшества.

— Их два, — с жалостью посмотрел на меня Николая.

— Папеньки?

— Канцлера! В Ардере два канцлера, Шерези.

— И оба из одного рода? Как недальновидно!

— Тоже мне великий политик! Ван Харт привел всех рыцарей Дювали, когда Аврора доказывала тогдашнему королевскому совету реальность своих притязаний на престол! Если бы не он, был бы у нас сейчас король, а не королева, кто-нибудь не из золотой кости, а приبلуда без роду без племени. За это ее величество даровала ван Харту лорду Дювали пожизненное канцлерство.

— Пожизненное, это с правом наследования?

— У него нет наследников, так что... Мы сейчас вообще что обсуждаем? Я рассказал тебе, в чем дело, так что — твой ход. Как мне подлатать печать?

Я опустила взгляд, посмотрела на оттиск.

— Никак, разве что у тебя есть такое же фамильное кольцо с таким же гербом. — И, остановив его занесенную для удара руку, продолжила: — Один час. Он уже ничего не решает, ведь лорд Мармадюк ждет свое послание с утра. Так что дай мне это время на чтение, а потом...

Я рассказала пажу, как нам предстоит поступить.

Он расхохотался, хлопнув себя по коленям:

— Клянусь тебе, Шерези, если дело выгорит, Николая Дабуаз будет тебе верен до гробовой доски.

— Тесьму, на которой крепится печать, нужно перетереть, — уже раскрывая фолиант, проговорила я. — Если Мармадюк увидит разрезанные нити, он обо всем догадается.

И пока Николая, вооружившись острым камушком, корпел над письмом, я погрузилась в чтение.

Рыцарский устав Ардеры был трудом любопытным. Я понадеялась, что когда-нибудь смогу прочесть его целиком. Сейчас же меня интересовали вещи вполне конкретные, обнаруженные ближе к концу, где перечислялись все красивые обряды с использованием фамильных рыцарских кристаллов.

Камни, обладатели которых хотели скрепить свою дружбу, предполагалось посвятить соратникам Спящего лорда — лордам Честь, Благородство, Отвага и Верность. Происходить все должно было не в обманчивой тьме ночи, а днем, пред ликом лорда нашего Солнце.

Получалось, что времени у меня немного. Уже вечерет, а на рассвете я должна вернуть устав и камни Мармадюку. У меня часа два в запасе, не больше. А затем солнце скроется за горизонтом и на небо взойдут луны.

Я несколько раз прочла текст клятвы, заучив его наизусть.

— Готово, — сказал Николая, демонстрируя мне измочаленные завязки послания.

Я захлопнула фолиант:

— Прекрасно. Я тоже закончил.

Кристаллы поместились во вшитый карман камзола. О его существовании мне сообщил Николая Дабуаз, присовокупив, что ардерские портные изготавливали одежду претендентов, следуя модным веяниям. Например, в одежде, которую, он был уверен, носил граф Шерези на своей далекой родине, карманов не было.

Николая положил письмо за пазуху, а обломки печати зажал в ладони, руки у него дрожали, видно, парень волновался.

— Тверже, Дабуаз. Ты же не девица перед первой брачной ночью, ты мужчина, ты дворянин, ты воин...

— Мне пятнадцать. Какой я тебе воин?

— Но ведь мужчина? Так не звени бубенцами, решил врать, так ври до конца.

Рука об руку мы прошли под галереей и остановились у пруда, поджидая зрителей. Они появились скоро. Две прачки с корзинами, четверка стражников, видно заступающих в караул, побитый молью писарь в черной шапочке.

— Пора, — шепнула я и в голос заорала: — Щенок! Фаханово отродье! Да как ты только посмел такое предположить о графе Шерези!

— От вас воняет конюшней, — пискнул Николая заготовленную фразу.

Да уж, над актерством ему еще работать и работать. Я схватила двумя руками лиловый устав рыцарей Ардеры и толкнула им пажу в грудь.

— Мерзавец!

Толчок был несильным, но паж покачнулся, я толкнула вновь.

— Мальчишка! Ничтожество!

Он все не падал, видимо застыл от ужаса. Я обернулась. Из дверей башенки во двор выходил лорд Мармадюк, помахивая своим шутовским посохом.

«Вот сейчас он этим посохом нас и отходит», — подумала я и быстро поставила Николая подножку.

Тот наконец свалился в пруд, как и было задумано, и, пискнув высоким девчоночьим голоском, ушел под воду.

Полноте, ну к чему перебарщивать? Там глубина по пояс. Ему, чтобы нырнуть, наверное, пришлось встать на колени.

— Что за представление? — спросил лорд-шут, приблизившись к нам.

Остальные зрители внимали зрелищу, даже не пытаясь помочь бултыхающемуся в тине Николя. Правильно, все знают, что глубины там нет.

— Я нес вам послание, мой лорд! — возопил Николя, вскакивая в полный рост. — Вот оно!

Мальчишка выхватил из-за пазухи мокрое послание, попытался его отряхнуть и горестно всхлипнул, разжимая ладонь.

— О Спящий! Печать повредилась! Если бы не козни графа Шерези...

— А не нужно было меня оскорблять! — подыграла я. — Сиди в пруду вместе с лягушками! Там тебе самое место!

— Сам такой! — невпопад ответил паж и просеменил на берег.

Мармадюк молча взял у него послание, отказавшись от протянутых обломков печати, осмотрел тесьму. (Браво, Басти! Ты все правильно придумала! Расплавленные потеки на сургуче заметны, и, если бы мы сделали вид, что просто раздавили в борьбе печать, шут обследовал бы ее. Bravo!)

— Видимо, я дернул печать другой рукой, — пробормотал Николя, с одежды которого на золотистый песочек капала бурая жижа. — Простите, мой лорд.

Мармадюк уже пробежал глазами письмо, чернила выстояли в сражении с водой.

— Переоденься, — велел он пажу. — Убедись, что граф без помех пересек караул у ворот, и переоденься. Кстати, завтра на рассвете не забудь встретить лорда Шерези на том же месте, чтобы проводить ко мне. У нас намечается раннее свидание.

И, развернувшись на каблуках, лорд-шут покинул место битвы.

Я подождала, пока прачки пожалеют незадачливого пажа. Остальные зрители ушли, поняв, что продолжения веселья не предвидится.

С Николя все еще текло, но он бодро шагал, сопровождая меня к воротам.

— Спасибо! Спасибо! Спасибо! Я весь твой, Шерези.

— Никому об этом не рассказывай. Судя по тому, что наш с тобой господин осведомлен обо всем, что творится во дворце, здесь у него есть глаза и уши.

— Понятное дело. Но и ты, пожалуйста, никому не говори. Ведь, я уверен, точно такие же глаза и уши поджидают тебя сейчас в казарме.

— Договорились. И еще: уничтожь обломки печати, на случай если кто-нибудь захотел бы их исследовать.

Паж показал стражникам свой пропуск, и я беспрепятственно покинула внутренний круг замка. Время! До заката я должна была успеть провести обряд. Это сплотит нашу дружную четверку, это будет великолепно!

Пройдя хозяйственным двором, я свернула к конюшне, за которой начинались уже казарменные постройки, остановилась, заметив краем глаза какое-то движение, и сразу же получила удар в плечо. Свет померк, мне на голову надели какой-то мешок, рот наполнился пылью и соломенной трухой.

Я согнулась, прижимая к груди фолиант.

Нападавшие действовали в полном молчании. Меня сбили с ног, бок обожгло, кто-то с размаху ударил меня носком сапога. А потом удары посыпались один за другим.

Свернувшись улиткой, я защищала живот. Синяки не смертельны, в отличие, например, от лопнувшей селезенки.

Вскоре нападавшие, видимо, утомились. Один из них встряхнул меня за плечи и прошипел:

— В следующий раз мы выьем тебе все зубы, маленький подлиза.

Опознать говорящего не было никакой возможности.

Я сделала вид, что лишилась чувств, безвольно свесила голову, подогнула ноги и кулем упала на землю, когда он отпустил мои плечи. Несколько мгновений было тихо. Затем я услышала голос Патрика:

— Басти! Что случилось?

Ленстерец стянул с моей головы мешок, обнял, потом отстранился, разглядывая мое лицо.

— Тебя избили?

— Как видишь. — Улыбаться было больно, нижняя губа треснула и саднила.

— Ты видел нападавших?

— Нет, они постарались, чтобы мне этого не удалось.

— Ты сможешь их опознать? Надо срочно пожаловаться лорду Мармадюку!

— Нет. Не смогу опознать и не буду жаловаться. Это мое дело, Патрик. Лорд-шут не будет разбираться с детскими драками, которые затевают в королевском дворце претенденты. Помогите мне подняться.

— Ничего себе детская драка! — Он поддержал меня за плечи. — Это попытка убийства!

Оливер и Станислас появились из-за угла вместе и слышали последнюю фразу Патрика. Чтобы оценить ситуацию, Оливеру хватило одного взгляда.

— Нашего Цветочка не собирались даже калечить, — холодно сказал великан. — Руки-ноги целы, зубы тоже.

— Зубы мне пообещали выбить в следующий раз.

— Покажи мне этого щедрого господина, и я заставлю его до конца дней питаться жидкой пищей.

— А что тебе еще сказали? — Станислас отряхнул с моего плеча пучок соломы. — Давай найдем какого-нибудь лекаря, чтоб подлечить твои ушибы?

— Само пройдет. — Вот только раздеваться перед лекарем мне сейчас недоставало. — Еще меня обозвали подлизой. Из чего я могу сделать вывод, что экзекуцию над зарвавшимся юнцом провел некто, не столь обласканный вниманием сильных мира сего, как ваш покорный слуга.

— Ты хоть цвета камзолов заметил?

— Нет!

Ноги дрожали, и я не возражала против того, что Патрик приобнял меня и прижал к себе. Так стоять было легче.

— Тебе нельзя ходить одному. — Ленстерец убрал с моего лба непослушный локон. — Теперь тебя будет сопровождать один из нас.

— Вы не сможете быть со мной постоянно.

— Сможем, мы ведь друзья.

Изумрудные глаза Патрика смотрели на меня с такой нежностью, что внутри что-то сжималось в сладкой истоме. Тысяча фаханов, соберись, Шерези! Ты же мужик!

— Друзья. — Я отступила на шаг и подняла перед грудью лиловый фолиант. — Мне кажется, что настало время скрепить нашу дружбу обрядом.

— Красивый цвет, — сказал Станислас, прищурившись, — его еще называют адамантовым.

— Цветочек, у тебя хватило ума во время драки прикрыть этой книжищей свои бубенцы? — спросил Оливер.

— Каким обрядом? — Патрик, как самый умный из нас, сразу ухватил суть.

Я, захлебываясь от возбуждения, все рассказала.

— Красиво, — решил Станислас. — Об этом можно будет написать трогательно-возвышенную балладу.

Я достала из кармана кристаллы:

— Не будем терять времени. Лорд наш Солнце почти зашло, мы должны произнести слова клятвы пред ликом его.

Это действительно было красиво. Камни светились в наших раскрытых ладонях, я нараспев произносила слова, каждое из которых было подхвачено еще тремя голосами. Честь, Благородство, Отвага и Верность приняли наше посвящение, и лорд Солнце лучами своими золотил наши серьезные лица. Мы обещали быть заодно что бы ни случилось, вместе, навсегда.

А потом меня отвели в казарму. Потому что воодушевление, вызванное клятвой, понемногу спадало и я стала чувствовать боль и невероятную усталость. Оливер, как самый опытный в драках, сказал, что если ночью моя душа не отойдет в чертоги Спящего, то ничего важного не задето. Станислас еще что-то говорил о лекарях. А Патрик просто довел меня до моей кровати и, дождавшись, когда я стяну верхнюю одежду и упаду на постель, накрыл меня с головой одеялом.

— До отбоя еще несколько часов, но я прослежу, чтоб тебя никто не потревожил, — пообещал он мне, засовывая под подушку фолиант.

— Мне нужно вернуть и камни.

— Я завернул их в платок, они рядом с книгой.

— Спасибо, друг, — с чувством прошептала я и отключилась.

Проснулась в абсолютной темноте, кто-то все же прикрыл окно ставнями и в спальню не проникало ни лучика света. Вокруг сопели, ворочались, храпели и источали разные не всегда аппетитные ароматы несколько десятков мужчин. Но разбудило меня вовсе не это. Разбудил меня мой собственный стон. Мне было больно. До тошноты, до обморока. Болело плечо, и бок, и лодыжка, в висках будто поселилась стайка трудолюбивых дятлов, болело даже пересохшее горло.

Пить... Мне срочно нужно сделать хотя бы один глоток.

Моего лба коснулась прохладная ладонь.

— Патрик?

Он не ответил, переместил руку на затылок, слегка потянул за волосы, заставив запрокинуть голову, и приклонил к моим губам горлышко фляги.

В рот полилась тонкая струйка прохладной жидкости, вкус был непривычным, пряным и горьковатым. Я выпила все до последней капли.

— Спасибо, дружище, — прошептала я.

Он опять не ответил, бесшумно растворившись в темноте. Я немного полежала, прислушиваясь, а потом уснула, так и не заметив, в какой момент перестала чувствовать боль.

— Все не так! — Шут ворвался в покои королевы, шлепком по мягкому месту удалил из опочивальни постельную фрейлину и устроился в ногах ее величества, почти отошедшей ко сну.

— Что не так?

— Твой, то есть мой, ну то есть наш Шерези — мужчина.

— И ты врываешься ко мне посреди ночи только за тем, чтобы сообщить об этом прискорбном факте?

— Да. А кому, по-твоему, я должен об этом рассказывать?

— Да хоть своему отражению. — Аврора зевнула. — Убирайся! На рассвете собирается Большой королевский совет, и мне не хочется сидеть на нем подобно сонной мухе.

— Сообщи членам совета, что к ним возвращается ван Харт, и поспи пару часов, пока они будут обсуждать эту новость.

— Да неужели? — Аврора села на кровати. — Старичок ван Харт направляется в столицу?

— Я получил депешу из Дювали. Леди ван Харт отошла к Спящему, а вдовец, поборов скорбь, возвращается к своим обязанностям. Ты знаешь, с возрастом склонность портить жизнь окружающим только растет. Боюсь даже представить, каких чудовищных размеров она достигла у ван Харта за последние пятнадцать лет. Видимо, всей долины не хватит, чтоб утолить аппетиты почтенного старца к интригам.

— Прекрасно! — Королева хлопнула в ладоши. — Ван Харт перессорится со всеми членами королевского совета очень скоро, а я пообещаю Туреню поддержку в его притязаниях на часть графства Шарлемар.

— И расколешь своих дворцовых интриганов на три группировки. Предвкушаю веселье. Только пообещай то же самое Вальденсу, для надежности.

— Обещать — не значит делать.

— Именно! Шарлемар уже два десятка лет во владениях короны, не стоит нам разбрасываться имуществом. А пока ардерская аристократия будет грызть друг другу глотки... — И, не закончив фразы, шут звонко рассмеялся. — Хватит о политике, это, в конце концов, скучно! Поговорим о Шерези.

— Что там?

— Страстный юноша чуть не лишил меня невинности, если ты понимаешь, о чем я.

— Неужели?

— Мне послышалось сомнение в твоём голосе? О, если б в тебя упиралось графское мужское достоинство...

— Это иллюзия.

— Я держал его за грудь!

— Довольно противно звучит.

— А также со вниманием просмотрел отчеты портных, перед которыми наш Шерези предстал абсолютно обнаженным во время примерки.

— Амулеты?

— Ты же сама издала указ, что все амулеты претендентов должны храниться у меня!

— Не помню, наверное, просто подписала указ, составленный тобой. Так у графа нет амулетов?

— Получается, что нет. Но, знаешь, существует шанс, что бойкий малец обвел вокруг пальца портных, так что я еще за ним понаблюдаю.

— Друг мой, — Аврора зевнула, — я не знаю, что тебе на это сказать. Феи держат свои магические таланты в секрете, я знаю лишь то, что на меня они не действуют. Может, бедная девочка пошла на такую сделку, после которой уже не сможет вернуть свой пол.

— Похоже на то. Но мне хотелось бы узнать точнее.

— Ну так спроси.

— У Шерези? Это слишком просто.

— У феи.

— Ты имеешь в виду...

— Да, если она еще в столице, навести ее. Кстати, если отойти от обсуждения так волнующей тебя темы женско-мужских грудей и достоинств, Шерези подходит нам своими человеческими качествами?

— Пожалуй. Он хитер, как пожилой фахан, артистичен и быстро соображает. Правда, пока ему недостает тонкости воплощения, зато отсутствует трепет перед чужим авторитетом. Он почти обвел меня вокруг пальца.

— Он трикстер и поэтому тебе близок?

— Я столкнул его лбом с Гэбриелом. Посмотрим, как малыш выскользнет из этой ловушки.

— А если ван Хорн его убьет?

— Выгоню из дворца обоих. Можешь спать дальше, дорогая. Я отправлюсь к городским стенам разыскивать фею-изгнанницу, с которой ты меня свела. Ее зовут Богдена? Я правильно запомнил?

Шут удалился, Аврора накрылась одеялом с головой, потом раздраженно вынырнула наружу:

— Леди Розена, милочка, вернитесь в спальню и захватите с собою книгу. Лорд Мармадюк украл мой сон, так что вам придется его вновь навеять.

Глава 8

ОХОТА ЗА СЕРЕБРОМ

Уж не знаю, какими способностями обладают ардерские мужчины, но, слово чести, если бы меня так отметили в женском теле, на следующий день я не смогла бы подняться с постели. Проснулась я как по сигналу, когда лорд наш Солнце показался из-за горизонта, и села на постели. Казарма спала, по левую руку от меня разметался на своем многоногом ложе лорд Виклунд, чуть дальше — Станислас в обнимку с мандолиной и Патрик, на чьем красивом лице я невольно задержала взгляд. Интересно, чем он поил меня ночью? Может, за мое прекрасное самочувствие нужно благодарить не волшебство фаты Илоретты, а зелье ленстерца?

Будить никого не хотелось, но мне было необходимо вернуть шуту фолиант и кристаллы, а купальня сама себя не откроет. Рассудив, что от рассеянного Станисласа толку будет мало, а Патрик заслужил несколько лишних минут сна, я решительно потрясла за плечо Оливера:

— Поднимайся, дружище, мне нужна твоя помощь.

Великан открыл прозрачные глаза.

Я опустила руку за ворот, нащупывая ожерелье, и испуганно охнула — ожерелья не было!

— В чем дело, Цветочек?

Не ответив, я сиганула в окно и побежала знакомым путем.

Оно могло порваться. Ожерелье. Во время драки. Я не заметила этого, потому что... мне и без того было что замечать.

За спиной раздался грохот, лорд Виклунд тоже воспользовался ближайшим выходом.

— Куда несемся?

— Я потерял ожерелье.

— Бусины?

— И ключ. Главное — ключ от купальни. Мармадюк съест меня без соли, если я его не найду.

Так. Били меня здесь, вот и мешок, который надевали мне на голову.

Я рухнула на четвереньки, не заботясь о чистоте штанов. Ни одной бусины не находилось.

— Если нить порвалась...

— Она не порвалась. — Оливер присел на корточки и потянул завязки моей сорочки. — На твоей шее нет никаких следов. На коже от трения и давления обычно остается линия как от ожога.

— И о чем это говорит? — Я оттолкнула его руку и затянула ворот.

— Твое ожерелье снимали через голову. Может, ты вчера перед сном сделал это сам?

— Меняхватило только на камзол. Может, Патрик?

— Ну тогда пропажа ждет тебя под подушкой.

Я поднялась, отряхнула колени:

— Надо было сначала посмотреть там.

Оливер покачал головой. Сам он, обладающий рассудочным, кроме моментов боевого

безумия, характером, мой взрывной темперамент не одобрял.

Мы вернулись в казарму, вошли через незапертые двери и на цыпочках приблизились к моей кровати. Под подушкой лежал фолиант и кристаллы, ни бусин, ни ключа не было.

— Тысяча фаханов, — прошептала я, опускаясь на постель. — Мармадюк меня выгонит.

— Может, еще обойдется? Кажется, лорд-шут неровно к тебе дышит.

Я невесело улыбнулась, натягивая камзол и кафтан, которые обнаружили на перекладине кровати.

— Это его дыхание, знаешь ли, может выровняться в любую минуту. К тому же вместе с ключом пропали бусины, так что шансы, что до конца недели я смогу заработать одну серебряную, призрачны.

— Что случилось? — тихонько спросил Патрик, присаживаясь на мою кровать.

— Мармадюк сказал, что выгонит всех претендентов, у которых к концу недели не окажется серебра.

— И что дальше? — Станислас тоже говорил шепотом. — Ты потерял свое ожерелье?

— Или его украли, — ответил за меня Виклунд. — Патрик, ты вчера укладывал Цветочка. Медь была при нем?

Ленстерец задумался.

— Я не уверен. Хотя... Ожерелье было на месте, я оцарапал ладонь о бородку ключа. — Он поднял руку, продемонстрировав нам царапину.

— А позже? Когда ты поил меня лечебным зельем?

Патрик смущенно потупился:

— Не обратил внимания.

Я тоже слегка смутилась, непонятно отчего, но ленстерец быстро сменил тему:

— Нам нужно провести обыск, личных вещей нет ни у кого из нас, так что...

— Может, в вашем благословенном Ленстере дворяне и позволяют себя обыскивать, — голос Станисласа сочился сарказмом, — но тогда ваш край не только благословенен, но и странен своими обычаями-и-и.

Петь шепотом было сложно, но наследник Доремара с этим справился.

Парировать Патрик не успел, некто, чье спальное место находилось напротив моего, зашевелился, забурчал недовольно, поминая фаханов и собак.

— И тебе доброе утро, Гэбриел ван Хорн, — довольно громко прошептала я, добавив в голос добрую порцию яда.

— Какого... — Меченый красавчик сел на постели, потер щеку, на которой отпечатался след подушечного шва. — Ты приставал ко мне ночью, Шерези?

— Что, позвольте?

— Вот! — Его рука нырнула под покрывало и вынырнула с моим ожерельем, то, что это были именно мои бусины, сомнения не вызывало. — Какого мокрого фахана на моей постели делает твоя побрякушка, маленький мужеложец?

Мерзавец! Правильно говорят, ищи, кому выгодно. Ван Хорн не мог смириться с тем, что ключ от купальни достался мне. А теперь, услышав об обыске и испугавшись, решил представить все так, будто я... будто я сама...

Кровь ударила в голову. Я вскочила, одним прыжком преодолела межкроватьный проход

и бросилась на клеветника с кулаками.

— Ничтожество! Вор!

Ван Хорн уклонился, схватил меня за запястья, рывком потянул на себя, наши лица оказались неподобающе близко, глаза у него были зеленовато-серые с золотистыми искорками около зрачков.

— О том, какой я мужеложец, можешь спросить свою белокурую «сестричку» Моник, — выдохнула я в ненавистное лицо.

— Девиз Шерези — «ни дня без дуэли»? Возьми свои слова обратно, Цветочек.

От его такого спокойного, такого презрительного тона хотелось визжать. Я резко откинула голову и нанесла свой коронный удар — прямой лбом в переносицу.

Только ван Хорн оказался ко всему готов, он отклонился и... мои губы встретились с его губами с такой силой, что мне показалось... нет, не показалось... или...

— Для поцелуя дружбы ты демонстрируешь недюжинную страсть, — через несколько долгих мгновений сказал Гэбриел и отстранил меня.

— Что?

Меня отрезвил не столько его холодный тон, сколько смешки, наполняющие казарму. Наша возня всех разбудила и привлекла толпу благодарных зрителей.

— Ну раз мы с тобой еще раз подтвердили нерушимость нашей дружбы, любезный граф, позволь объясниться. Я понятия не имею, как твое медное богатство оказалось в моей постели. Надеюсь, это чей-то глупый розыгрыш. А теперь бери свои слова обратно.

— Про Моник?

У меня в голове что-то кипело и клокотало, и вовсе не злость, а скорее — растерянность и стыд. Ван Хорн меня только что разделал под орех, вернул обиду сторицей. А мне еще казалось, что тем поцелуем мне удалось его смутить. Ха! Три ха! Это я сейчас готова провалиться сквозь землю.

— Моник? Я тебе ее уступаю, будем считать это небольшим дружеским подарком. Но ты, Цветочек, посмел заподозрить меня в недостойном дворянина воровстве. Это оскорбление, которое может смыть только кровь.

Что я могла? Продолжать доказывать вину ван Хорна? Чтобы еще углубить степень своего падения?

— Приношу извинения. Наследника ван Хорнов нельзя заподозрить в недостойном дворянина поведении. Я погорячился.

Гэбриел оглядел зрителей и произнес задумчиво, будто прося у присутствующих совета:

— Принять извинения или не принять? Может, все же дуэль? Или простить друга? Пожалуй, я склоняюсь ко второму, особенно если ты... — Он опять притянул меня к себе и продолжил шепотом на ухо: — Будешь одалживать мне ключ от купальни несколько ночей в неделю.

Я испугалась не столько дуэли, сколько того, что опять оказалась в двусмысленном положении, поэтому быстро кивнула:

— Да!

— Я тебя прощаю. А теперь, если ты наконец покинешь мое ложе, я бы хотел заняться утренним...

Со двора раздался пронзительный звук трубы, видимо побудка. Рассвет! А я все еще здесь. Не дослушав, чем там утренним хотел заниматься ван Хорн в мое отсутствие, я схватила ожерелье, сунула его Виклунду, стоящему в первом ряду зрителей.

— Открой купальню, мне нужно к Мармадюку... — И, запихнув под мышку фолиант, а в карман — кристаллы, бодрой рысью побежала к воротам внутреннего круга.

Только бы Николая Дабуаз дождался меня!

Паж ждал, он издали помахал мне рукой, затем приобнял за плечи, когда мы проходили мимо стражников под аркой ворот.

— Ходят слухи, тебя вчера знатно поколотили, Шерези?

— А слухов о том, кто именно это сделал, до тебя не доходило?

— К сожалению, нет. Птички щебечут, что избитого Цветочка в объятиях вел смазливый ленстерец. Будь осторожней. Сердца замковых горничных почти разбиты. Здесь, знаешь ли, можно быть ветреным, но нельзя не любить женщин.

— Я тебя ударю, Дабуаз, — устало проговорила я. — А потом поймаю с десятков горничных и прямо во дворе докажу свою мужскую силу.

— Это лишнее, — собеседник воспринял угрозу серьезно, — во дворе советами замучают, а впоследствии еще и накажут за недостойное поведение. Вполне может быть, что советы и наказания придется сносить от одних и тех же господ. Достаточно, если ты пощиплешь пару замковых курочек за румяные щечки.

Я вздохнула. Ну что за нравы в нашей просвещенной столице?

Мармадюка я нашла погруженным в работу за письменным столом. В покоях царил полумрак, луч одинокого светильника выхватывал из темноты лишь страницы документов, плотные оконные драпри не впускали в помещение солнечного света.

— Принес?

Со всей почтительностью я положила лиловый фолиант на столешницу, сверху опустились камни.

— Молодец!

— Хорошего дня, мой лорд.

— Подожди! — остановил мою ретираду лорд-шут. — Ты знаком с феями?

— С одной знаком, — честно ответила я. — Ее зовут фата Илоретта, и она дала мне имя.

— Ты часто с ней видишься?

«Осторожно, Шерези! Настало время лжи и недомолвок!»

— Мой лорд, взрослые мужчины не должны общаться с феями часто, если их заботит душевное здоровье, волшебная сила фей невероятным образом действует на наше мужское естество.

— Они зачаровывают?

— Да, мой лорд.

— И что ты чувствуешь, когда рядом это волшебное создание?

«Что? Иногда злость, иногда раздражение, иногда страх. Но все это приходится преодолевать, когда от досточтимой фаты требуется услуга... Хотя я же говорила с Илореттой, будучи мужчиной!»

— Вождеделение, мой лорд, неудержимое желание заявить свои мужские права и безграничную нежность.

Мармадюк задумчиво хмыкнул:

— Они всегда прекрасны?

Илоретта не казалась мне прекрасной до того момента, как на моей талии застегнулся волшебный пояс.

— О да! Их алые глаза, острые зубы...

— И они все носят эннены?

— Этого я не знаю. Наша фата — да. Но, честно говоря, эннены в провинции в ходу не только среди фей. Аристократки и зажиточные матроны тоже щеголяют в таких головных уборах.

— Да-а? — тоном человека, никогда не отъезжавшего от столицы далее чем на четыре лье, протянул шут. — Как, оказывается, многообразен этот мир. Хорошо, Цветочек Шерези, можешь отправляться на занятия. Ты хоть знаешь, где должен быть в эту самую минуту?

— Нет, мой лорд.

Он сверился с бумагами:

— Черные... Как вы себя называете? Партия, лига, альянс?

— Крыло, — сорвалось с моего языка, прежде чем я успела сообразить, что словечко — мое личное.

— Крыло? Что ж, черное крыло до завтрака занимается в обеденной зале казармы, потом до обеда — турнирное поле.

Он махнул рукой, заканчивая аудиенцию.

— А после?

— Что после?

— После обеда?

— Все повторяется вновь. У меня, знаешь ли, нет желания впускать толпу дурно воспитанных юнцов в замковую библиотеку или оранжерею. Вот когда вас будет поменьше... Почему ты еще не ушел?

— Мой лорд, для того чтобы составить команды уборщиков, мне понадобится полный список претендентов.

Это пришло мне в голову только что, и я немало возгордилась своей предусмотрительностью.

Шут вперил в меня удивленный взгляд, помолчал, отвел глаза, посмотрел вновь и расхохотался.

— Ты думаешь, у тебя получится заставить работать разномастную шайку-лейку юнцов? Да даже у Филиппа Кровавого, явись он в вашу казарму, помахивая королевским топором, это не получилось бы!

— Тогда зачем вы дали мне ключ? — Обиду скрыть не удалось, ее выдал высокий голос и кривая жалкая улыбка.

— Ну разумеется, чтоб поссорить с ван Хорном!

— Зачем?

— Затем, мой любопытный друг, что мне так захотелось, — высокомерно поднял подбородок Мармадюк. — Изволь явиться ко мне перед отбоем и отчитаться, как продвигается ваша непримиримая вражда. А сейчас ступай!

— Скорее непримиримая дружба, — бормотала я, быстро идя по коридору, и, прежде чем выйти во двор, потрогала свои губы.

На занятие я конечно же опоздала. Потому что в утренней суматохе не успела ни посетить мест уединения, ни умыться, а природа требовала свое. К тому же купальня... Она выглядела именно так, как и должно было выглядеть место, которым воспользовались две сотни нерях. Святые бубенцы! Да свиньи купаются в лужах с большей аккуратностью! Я умылась, нашла в сваленной куче на полутряпицу, долженствующую изображать полотенце. В группу уборщиков надо отрядить человек десять, не меньше. И эти десять в следующий раз не будут разбрасывать полотенца, разливать воду на пол и выплевывать туда же пастилки для чистки зубов после использования. Для прилипших к полу и стенам катышкам придется найти скребки, потеки мыла убираются тряпкой и горячей водой. В обед я отправлюсь к кастеляну и выясню, сколько полотенец и средств положено нам на день.

Хозяйственные размышления были более привычны, чем детские интриги, в которые пытался вовлечь меня шут. Мармадюк интересуется меченым красавчиком и хочет, чтобы я сразилась с ним в искусстве трикстерства. И сейчас я уже не была уверена, что выйду победителем. То, как изящно и жестоко мне вернули мой поцелуй сегодня утром, навредило на неприятные мысли. Кто ты, ван Хорн? Какова твоя роль? И что ты чувствовал во время поцелуя? В том, что он был самым настоящим, а не просто прикосновением губ, я была уверена. Уж в чем в чем, а в этом точно.

Проходя мимо окна казармы, я заметила прислоненные к стене ставни. Кстати, странно. Когда Патрик ночью поил меня, ставни были закрыты, а на рассвете меня разбудили солнечные лучи. Когда же и кто успел освободить окно? Некто предпочел провести ночь на свежем воздухе? Тогда почему не воспользовался дверью? Может, этому кому-то было ближе выйти так?

В обеденную залу я проскользнула ужиком, пригнувшись и стараясь издавать как можно меньше звуков, плюхнулась на ближайший свободный стул и огляделась. Столы сдвинули к стене, претенденты сидели рядами — черные и красные, видимо, белые и синие сейчас осваивали ратную науку на свежем воздухе. У окна бесновался мужчина в серой робе. Именно бесновался — орал, размахивал руками, кажется, даже плевался. По крайней мере, лорд ван Хорн, стоящий там же, время от времени брезгливо кривился. Зрелище было комичным, потому что Гэбриел возвышался над сухоньким хабилисом головы на две. А тот еще и постоянно двигался быстрыми маленькими шажками, будто не в силах остановиться.

— Что происходит? — спросила я соседа по правую руку, оказавшегося наследником Грондемара, с которым я беседовала накануне за ужином.

— Столичная цаца не смогла ответить на простейший вопрос.

— Вопрос о чем?

Элуа Гронден пожал плечами, из чего я заключила, что вопрос не был таким уж простым.

— Я повторю! — взвизгнул хабилис, закладывая вираж. — Еще раз вам всем повторю! Чтобы провести замеры, королевский землемер поставил на краю поля группу пейзажистов, заставив их вытянуть руки в стороны так, чтоб они касались друг друга. Ширина поля составила одиннадцать туазов, длина — десять. Вопрос: сколько пейзажистов участвовало в замерах? Вы, опоздавший, можете ответить? Ну, красавчик? — До хабилиса было туазов шесть, но его взгляд прожигал во мне дыру. — Если вы позволяете себе опоздание в первый же день, наверное, вам не нужно ничему учиться? Может, вы выйдете сюда и расскажете присутствующим тайны арифметики?

Арифметика! Значит, передо мной хабилис Джесард, который будет преподавать также и обожаемую Патриком картографию. Неприятный тип, не Патрик, разумеется, а этот сморчок. И вопрос-то простецкий, если честно. Туаз — расстояние между вытянутыми руками, значит, землемеру понадобился двадцать один человек. Вот только если я сейчас отвечу правильно, ученый человек будет разочарован и затаит на меня обиду. А мне нужна не победа в ученом споре, а бусины, которые поблескивают медными боками из сундука с откинутой крышкой, стоящего за спиной университетского светила. Поэтому я просто молчала, принимая оскорбления, которые продолжали сыпаться на мою голову. Наконец их поток иссяк.

— Вы все болваны, — почти спокойно заключил Джесард. — Я не собираюсь тратить свое время на таких недоумков.

Ну слава Спящему, нас сейчас выгонят, и я смогу организовать уборщиков для купальни.

И тут я поймала взгляд ван Хорна, тот презрительно улыбался. Кровь бросилась мне в голову. Это ничтожество смеет злорадствовать, что я не смогла ответить?

— Двадцать один.

Мой голос встретили гробовым молчанием.

Хабилис остановился с занесенной для шага ногой:

— Вы угадали?

— Я посчитал. Десять прибавить одиннадцать равняется двадцати одному.

— Сколько это составляет в ардерских футах?

— Я не могу ответить на этот вопрос.

— А! — возопил хабилис и продолжил бегать по кругу. — Это вы посчитать не можете!

— Что именно, досточтимый? Сколько в футах человек? Это зависит от того, как их сложить — плечо к плечу или голова к голове.

Кажется, сейчас наружу вырвалась моя трикстерская натура. Потому что остановиться я не могла, смешки соратников, раздающиеся уже почти явственно, немало меня подзадоривали. Выкусил, меченый красавчик? Я справилась с заданием, в котором спасовал ты! Утрись!

— Сколько футов в туалете? — все не унимался ученый муж.

— Чуть менее двух.

— Пусть будет два. Так каковы размеры поля?

— Пять на пять с половиной.

Вот сейчас меня изгонят с лекции, но уйду я с высоко поднятой головой. Неожиданно захотелось всхлипнуть. Куда подевалась моя осторожность?

— Прекрасно, — неожиданно сказал Джесард. — Как зовут?

— Граф Шерези!

— Благодарите графа Шерези за то, что я продолжу вбивать в ваши тупые головы крохи знаний. Вы, болван, садитесь на место, — хабилис махнул рукой ван Хорну, — а вы, — он быстро подхватил из сундука связку меди и запустил в мою сторону, — держите, заслужили.

Я даже не подняла руку, чтобы поймать награду, настолько была поражена. Бусы схватил Элуа и передал мне.

— Поздравляю, Цветочек.

В связке было пятьдесят бусин. Я только что заработала свое серебро, потому что шестьдесят плюс пятьдесят...

Я плюхнулась на место, борясь с желанием всхлипнуть, теперь от счастья.

Дальше была длинная лекция. Хабилис Джесард поведал нам о правилах счета, принятых у разных народов, о палате мер, которую учредила при Ардерском университете ее величество. Слушать было интересно. Профессор дело свое любил, а его привычка быстро прохаживаться во время лекции уже не раздражала. Время от времени он останавливался и задавал вопрос, такой же несложный, как и первый, тыкая наугад в

кого-нибудь из претендентов. Если следовал правильный ответ, в счастливица летели бусы, если неправильный — хлесткое ругательство. Занятие набирало темп, вот уже начали тянуться вверх руки желающих ответить или задать уточняющий вопрос.

Я нашла глазами алую спину Оливера. Ему, наверное, непросто, в счете он не силен. Хабилис будто проследил за моим взглядом, очередной вопрос полетел в лорда Виклунда. И, к моему удивлению, тот ответил спокойно и с достоинством и получил награду.

Когда в залу явились пажы запереть наполовину опустевший сундук, Джесард хлопнул в ладоши:

— Сейчас у вас завтрак, мы встретимся вновь после обеда, надеюсь, в картографии вы также сможете продемонстрировать свои таланты.

Профессор нас покинул, сразу появились служители, начавшие двигать столы для трапезы. Я вышла во двор, поджидая друзей.

— Поздравляю, — улыбнулся мне Станислас, у него тоже прибавилось бусин.

— А я вас. Оливер, как тебе удалось ответить?

— Я обладаю нечеловеческим умом, — серьезно сказал Виклунд. — А на самом деле наследник Доремара мне подсказал.

Я расхохоталась. Оливер повесил мне на шею ожерелье с ключом.

— Купальня была открыта, как ты и просил.

— Да, благодарю. Видел, что там устроили. До завтрака мне нужно составить команду уборщиков.

— Мне кажется, тебе стоит просто запереть это помещение до лучших времен. Судя по разговорам, которые ведутся среди претендентов, никто не собирается марать руки уборкой.

— Посмотрим.

Я поднялась на крыльцо.

— Господа, прошу минутку внимания!

Фланирующая в ожидании завтрака толпа приблизилась ко мне.

— Мне нужно десять добровольцев...

— Опять этот Цветочек со своей купальней! — крикнул кто-то. — Уймись, Шерези! Нам не нужна вся эта роскошь. Мужчинам не пристало нежиться в теплой воде, и уж тем более — убирать за всеми. Это удел женщин!

Я повернула голову, краснокамзольный Алари отвесил шутовской поклон:

— Мы благодарны вам за сегодняшнее развлечение, но далее разбирайтесь без нас!

Все присутствующие встретили тираду лорда Алари овациями.

— В таком случае, — закричала я, перекрывая шум, — я оставляю купальню за собой!

— Мы не возражаем! — Алари вновь поклонился. — Пользуйтесь, намывайтесь, умашайтесь и причесывайтесь!

Мне показалось, что он хочет меня обидеть.

Я спрыгнула с крыльца и медленно пошла к Алари, толпа расступилась, давая мне дорогу.

— Подобно деве, желающей завлечь в свои сети настоящих мужчин, — закончил он уже

не так браво.

— Дуэль? — спросила я, глядя исподлобья.

— На время обучения дуэли запрещены.

— Но не запрещены дружеские потасовки, — сказал Оливер, который, оказывается, стоял за моим плечом.

Он перегнулся через меня и щелкнул Алари по лбу.

— Вот такие, к примеру. Обычно все дружеские бои моего детства начинались подобным образом. Теперь вам следует вернуть мне щелчок, я стукну вас посильнее, вы вернете, я...

Лорд Алари побледнел и ретировался.

— Спасибо, Оливер, — шепнула я.

— Тебе стоит научиться держать себя в руках.

— А тебе — арифметике.

— У каждого свои недостатки.

— Для того и существуют друзья, чтоб это скрадывать.

— Ты прав. — Виклунд распрямился и обвел толпу грозным взглядом.

— Лорд Шерези, лорд Доре и лорд Уолес — мои друзья, и, если кто-нибудь из вас собирается пошутить о внутренних качествах или внешности этих лордов, знайте, на правах друга я буду защищать их честь.

— Здесь каждый за себя, — возразил кто-то, — все соперники.

Вступить в дискуссию, чтобы доказать важность альянсов, уже не было времени. Во двор входили белые и синие, потные, полураздетые, несущие одежду в руках. Мы бросились к Патрику.

Кстати, а ведь правда, дуэли запрещены. Так почему я всерьез восприняла угрозу ван Хорна? Дурачка ван Хорна, который даже неспособен сложить десять и одиннадцать.

Пробегая мимо него, беседующего с Туренем и Вальденсом, я не удержалась и показала меченому красавчику язык.

— Что там было? — спросила я Патрика, налетая на него и тормоза. — Вас заставляли драться?

— Бегать, — грустно ответил ленстерец. — Мы очень много бегали.

— А еще?

— Больше ничего. Но тебе и того хватит, Цветочек.

— Ты заработал бусин?

— Нет. — Лорд Уолес тряхнул золотистыми кудрями. — Надеюсь нагнать вас на арифметике.

— Конечно, ты это сделаешь.

Мы проводили друга освежиться. На хозяйственном дворе стояли корыта с водой, из которых все и умывались. Никому из претендентов даже в голову не пришло воспользоваться купальней.

Оливер прав. Она никому не нужна. Может быть, зимой, когда обливания на свежем воздухе станут неприятны, а королевских миньонов гораздо меньше, мы вернемся к этой идее. Зимой...

«Я обязательно продержусь до зимы», — подумала я и залюбовалась блестящими каплями, стекающими по обнаженному торсу ленстерца. Как же все-таки редко бывает, что в одном мужчине соседствуют ум и такая божественная красота. Маменька обязательно захотела бы его нарисовать, его суховатую мускулистую фигуру, мраморный оттенок кожи, бороздки мышц под ней.

Пронзительный звук трубы позвал нас к трапезе, в этот раз мы расселись не по цвету камзолов, а в соответствии с личными предпочтениями, и я, разумеется, предпочла компанию друзей.

Патрик, сгустив краски до полной беспросветности, поведал нам о нечеловеческих нагрузках, коим подвергли его на турнирном поле, я в ответ пересказала ему все арифметические задачи, которые могла вспомнить.

— И, представь себе, меченый красавчик ван Хорн не смог ответить на вопрос!

— Странно.

— То, что он не ответил?

— То, что ты успел придумать ему прозвище. Будь осторожнее, Басти. Уже поползли слухи о том, что наследник Шерези предпочитает мужчин.

Я покраснела. Если бы Уолес знал, что они поползли еще вчера и не без его участия!

— Это всего лишь слухи!

За завтраком нам прислуживали в основном девушки, и, решив не откладывать дело в долгий ящик, я протянула руку к ближайшей прислужнице, ущипнула ее за бочок.

Дева хихикнула, я повторила действие, а затем, догадавшись, что объект моего флирта ожидает продолжения, вызвала в памяти неуклюжие ухаживания бывшего. Что там дальше? Встретимся сегодня на сеновале? А если она согласится? Прикажете тащить туда свидетелей? И что я смогу им предъявить? Коко-де-мер в натуральную величину?

Поэтому, сладострастно шепнув:

— Ты такая мягонькая, — я приподнялась с места и клюнула деву за ушком.

Ушко было горячим, таким же через мгновение стало мое, потому что за него меня оттаскали.

— Стыдитесь, граф. — В свободной от моего уха руке повар держал поварешку. — Вы находитесь не в кабаке!

Или надо было бы назвать его лордом-поваром? Потому что из-за передника у него виднелась перевязь, расшитая фамильными гербами.

— Приношу извинения, — пролепетала я, когда он наконец меня отпустил. — Моя горячая натура...

— Остудите свою натуру на дворе.

Я поняла, что за недостойное поведение лишена завтрака и что жизнь — это бесконечное чередование побед и поражений.

А еще через час — получила подтверждение своей сентенции. На самом деле лорд-повар оказал мне услугу, сам того не желая. Потому что на полный желудок я бы этих издевательств не пережила.

Нас, претендентов на близость к трону, и так унижают все кому не лень, но это было просто за гранью добра и зла. На черно-красную сотню будущих миньонов приходилось десять лиловых плащей. Ну то есть сейчас они были без плащей — убеленные сединами ветераны последней войны, мерзкие старые извращенцы, получающие удовольствие от чужих страданий.

Нас разбили на десятки (в моей оказались Турень с Вальденсом и Гронден, с остальными я знакома еще не была) и велели держать дыхание во время бега.

Маршрут выглядел простым — пролегал по кромке турнирного поля. Но это было до того, как я закончила первый круг. Потому что размеры поля на глазок не определялись из-за отсутствия на нем строений, трибуна для зрителей не в счет, с другого конца ее и видно-то не было.

Десятки выпускали по очереди. Я пристроилась в самый хвост за Туренем, рассудив, что жирдяй вряд ли возьмет хорошую скорость. И поначалу все шло неплохо. Турень трусил в двух шагах впереди, я любовалась, как колышутся от бега его телеса. Затем лидер нашей десятки поотстал, не справившись с одышкой, следующий подвернул ногу, а Турень все трусил и трусил.

Мне не хватало воздуха, хотелось пить, а лучше — лечь и умереть, а он все бежал. Это уже потом я поняла, что в беге на длинные дистанции главное не скорость, а размеренность, и лорд Анри все рассчитал правильно, но тогда я его ненавидела.

Я чуть замедлила шаг, когда этот бесконечный круг закончился, мечтая, как сейчас выпью глоток воды, но надсмотрщик велел бежать дальше, потом еще и еще. На пятом круге я сбилась со счета, еще через несколько — перестала воспринимать реальность. Вся она для меня сжалась до пухлой спины Туреня. Топ-топ-топ...

Все закончилось, когда я уже почти нашла удовольствие в страданиях.

— Стой, Шерези! Куда? — Станислас тряхнул меня за плечо.

— Еще кружочек, — ответила я и рухнула на притоптанную траву.

К чести моей, я хотя бы не стонала, валяясь в грязи, как многие мои товарищи. Хотя, к стыду, многие и не валялись. Турень, например, прохаживался среди наших тел, тяжело дыша. Его голые бока вздымались, как у загнанной лошади. У жирной загнанной лошади.

Когда он успел раздеться? На каком круге? А я?

Приподняв голову, я посмотрела на свою мокрую от пота сорочку. Значит, где-то на маршруте остался мой кафтан и камзол.

Станислас присел рядышком. Выглядел он не очень.

— Ты бежал без мандолины?

— Лорд-коннетабль отобрал ее, — грустно ответил менестрель. Без инструмента он не знал, куда деть руки, поэтому делал много лишних движений, то поглаживая свои колени, то постукивая пальцами по щекам.

— Он с нами? — Я вежливо изобразила удивление, в груди жгло, и все еще хотелось умереть.

— Да. Ты его разве не узнал? Лорд Томас Биркелан — довольно известная личность. Вон, посмотри. Виклунд как раз беседует с ним, добывая мою мандолину.

Я посмотрела. Этот был не седой, а лысый. С Оливером он общался приветливо, похлопывая того по плечу.

— А почему ты послал вместо себя Виклунда?

— Потому что с позором провалил испытание...

Станислас горестно вздохнул. Я села и подтянула колени к груди.

— Что произошло?

— Я не привык так много бегать, просто не привык. А в нашей десятке почти все оказались приличными бегунами. И на втором круге я... когда мы пробегали трибуны для зрителей... я так устал...

Он просто сошел с дистанции, юркнул в щель меж досок и просидел там все время, пока остальные истекали потом.

— И теперь нас накажут, — закончил наследник Доремара.

— Вас, это Станисласа Шарля Доре?

— Нас — это меня и Гэбриела ван Хорна. Это была его чудесная идея — переждать.

Я поискала глазами. Ван Хорна отчитывал один из ветеранов — величественный седовласый старец, полный достоинства и прочих положительных качеств.

Хи-хи! И тут меченый красавчик пасет задних.

Жизнь заиграла яркими красками, ноздрей коснулся запах мятой травы и разгоряченных человеческих тел. И играла она ровно до того момента, когда я поняла, что никто меня за ратные подвиги вознаграждать не собирается.

Конечно, лорд-коннетабль назвал меня бравым Шерези и похлопал по плечу, но похлопывания на шею не повесишь и на серебро не обменяешь. Так что вскоре я основательно приуныла, разыскала свою одежду на бескрайнем турнирном поле и отправилась на обед в компании брэнчащего на мандолине Станисласа и Оливера, который всю дорогу травил байки про великого полководца Томаса Биркелана, о знакомстве с которым он и не мечтал в своих Тирийских горах.

На обеде я вела себя тише воды ниже травы, лишь однажды подмигнув давешней прислужнице. Ну и как было не подмигнуть, если бедняжка ждала от меня хоть какого-то знака внимания, поднося мне добавочные блюда и напитки и низко склоняясь во время сервировки, чтобы порадовать уставшую меня видом своих прелестей в вырезе платья. Прелести меня не радовали, видала я их и пообильнее, я имею в виду — в зеркале, но пришлось выразить восторг многозначительным хмыканьем.

Патрик, как и ожидалось, блеснул на арифметике — Джесард задавал группе бело-синих те же самые задачки, что и нам. Эжен Лятре, сидящий неподалеку, с завистью сказал, что одарили лорда Уолеса более прочих, потому что, оказывается, Патрик состоял в переписке с хабилисом и был заочно знаком.

— Ничего себе! — Я восхищенно хлопнула в ладоши. — О чем же ты ему писал?

Патрик пожал плечами и смутился, будто мы поймали его на горячем. К уму и красоте он еще и скромненький! Я вспомнила, что вчера, когда я шла на встречу с Мармадюком, хабилис Джесард ждал нашего ленстерца в библиотеке.

— Оптика! — воскликнул Лятре, о существовании которого я почти успела забыть. — Это новая наука, в которой осведомлен лорд Уолес!

— А я думал, твоим личным миньоном служит картография, — подшутила я над Патриком.

После обеда все повторилось. Лекция у Джесарда, перерыв, занятия с лиловыми плащами. В этот раз нас отправили в оружейную, где заставили начищать и полировать покореженные от времени и ратных дел клинки.

Когда лорд наш Солнце коснулся краем своим горизонта, я уже ничего не соображала от усталости. А мне еще следовало посетить лорда-шута и вычистить свою личную купальню, ну и поесть. Потому что без хорошей регулярной еды я при таком ритме жизни отойду в чертоги Спящего очень скоро.

Ужин был обильным, но без особых изысков — тушеные с мясом овощи я проглотила в мгновение ока. Подавальщица не оставляла меня заботами. Оливер, быстро разобравшись, что к чему, шепнул девушке, что граф Шерези все еще голоден и если красавица будет так любезна снабдить его добавкой, и еще одной добавкой, и парочкой ломтей хлеба, и вон тем вином в количестве трех бутылок...

Красавица была любезна, а лорд Виклунд вскорости сыто откинулся на стуле, отчего тот жалобно скрипнул.

— Умеешь ты, Цветочек, очаровать нужных людей.

— Завтра к нам отрядят прислуживать мужчин, и тогда будет твоя очередь.

Принесли десерт — сыр и большую вазу с птичьей вишней, крупной, темно-бордовой, почти как у нас в Шерези. Я отправила в рот ягоду, покатила на языке, прокусила гладкую прохладную кожицу и прикрыла глаза, наслаждаясь вкусом.

— И здесь я тебе не соперник, — сказал Виклунд.

— Что? — Я с удивлением открыла глаза.

— Мужчин ты также мастак очаровывать.

Я плюнула в Оливера косточкой и попала. Потому что в обстреле вишневыми косточками мне действительно нет равных во всей Ардере.

— За что?

— За гнусные намеки. — Говорила я невнятно, потому что жевала следующую ягоду, уже не для удовольствия, а для пополнения боезапаса. — Хочешь еще что-то сказать?

— А если и так, граф? — Инициативу в разговоре перехватил Станислас, меня насторожило, что менестрель отложил мандолину и то, что он активно заработал челюстями. — Если кто-то хочет вам что-то сказать?

Бамц! Косточка отскочила от моего лба. Видимо, в Доремаре тоже неплохие фруктовые сады.

— Ах так! — Я схватила из вазы целую гроздь ягод. — К барьеру, господа!

Это была славная баталия, в которой приняло участие человек пятьдесят, а может, и семьдесят, считать было некогда, только успевай жевать и плевать. По подбородку тек вишневый сок, я на всякий случай орала: «Во славу королевы!», поэтому получила поварешкой одной из последних.

— Ваше поведение недопустимо, господа. — Багровый от злости лорд-повар кивнул пажам. — Сопроводите зачинщика к лорду Мармадюку. Мало того что мне в дополнение к основным обязанностям приходится обслуживать эту ораву, так еще...

Он пошел с нами. Зачинщиком, естественно, избрали вашего покорного слугу. Ну что за день такой бестолковый? Хотя мне и так и так нужно было к Мармадюку идти, а так получилась экономия на охране. Если снова кто-то попытается надеть мне на голову мешок, лорд-повар так огреет разбойника поварешкой, что никому мало не покажется.

Пажи сопроводили нас только до башенки.

Мармадюк был у себя, но принять нас никак не мог, об этом нам сообщили стражники у ворот, слуги во дворе, стайка горничных и даже сам лорд-шут в своих покоях. Но повар был непреклонен.

— Полюбуйтесь. — Он вытолкнул меня на середину комнаты. — Вы видите это безобразие?

Мармадюк поднялся из-за стола, его собеседник обернулся к нам, им оказался Гэбриел ван Хорн собственной персоной. То-то я его за ужином не заметила, а то большая часть моих плевков была бы направлена именно в его сторону.

Шут приблизился, обошел вокруг меня, как мне показалось, с опаской:

— Кого ты покусал, Цветочек, Туреня?

Я потупилась. Идея покусать лорда Анри у меня сегодня возникала, но это было еще во время забега. Может, я на минутку вообразила себя лошадью, кто знает.

— Это вишневый сок. — Повар все же решил снять с меня подозрения в каннибализме. — И этот юноша, этот Шерези, плевался за столом косточками. За столом, блюда для

которого были приготовлены моими руками! Руками Симона Жана Огюста Франсуа Пападеля.

Я тихонько хмыкнула, представив, сколько рук должно быть у такого количества народа — и у Жана, и у Огюста, и далее по списку. Наверное, его поварейшее лордейшество в детстве много болел, поэтому родители выбрали ему такую кучу святых покровителей. А потом мне стало немножко стыдно. Набрал в грудь воздуху, я собралась выдать витиеватое извинение, но повар сорвал с себя передник, бросил его в Мармадюка и выбежал из комнаты. Стены содрогнулись.

— Прошу прощения, — пискнула я в пространство.

Шут прожег меня взглядом, рявкнул:

— Сидеть и ждать! — И побежал вослед обиженному.

Я подошла к столу и присела на свободный стул рядом с ван Хорном.

— Ты здесь что делаешь?

— Принимаю хулу и угрозы, — ответил он, — за то, что на занятиях ратным делом не выказал усердия, а также подбил наследника Доремара на неблагоприятный поступок.

— Давно?

— Больше двух часов.

— А почему ты так поступил? Я сейчас не про подбивания Станисласа, он взрослый мальчик и сам должен отвечать за свои решения.

— Потому что считаю бег трусцой глупейшим занятием, — любезно ответил ван Хорн. — А что сподвигло тебя на ужасные безобразия?

Мне послышался в его тоне сарказм, я уж хотела взбелениться по своему обыкновению, но одновременно со словами Гэбриел достал из-за рукава платок и осторожно вытер мой подбородок.

На белоснежной ткани остался красный след, а мое сердце пропустило удар.

— Я спорил глупость, на минуточку представил себя в Шерези. Мы в детстве устраивали настоящие вишневые битвы.

Я проводила взглядом возвращающийся за обшлаг платок.

— Мармадюк уже решил, как тебя накажет?

— Да. — Ван Хорн коснулся ладонью груди.

Я сначала не поняла, что он имеет в виду, а потом прозрела. Стараниями его папеньки эта самая грудь до недавнего времени была украшена нитями серебряных бус.

— Он забрал все бусины?! — Ужасом, прозвучавшим в моем голосе, можно было напугать небольшую деревню.

— Ну почему все. — Гэбриел порылся в кармане и извлек серебряный шарик. — Лорд-шут — добрейший человек, он оставил мне шанс на продолжение.

Меня заколотило. Если за мелкую провинность ван Хорна лишили сотни серебра (ну примерно сотни, мне никогда не удавалось сосчитать, сколько их там), то сколько же отберут у меня за масштабное безобразие?

Мармадюк вернулся, я поедала его преданным взглядом, его расшитый бисером камзол, длинноносые башмаки, плотный бегуин на голове. Странно, я раньше никогда не видала лорда-шута с покрытой головой, тем более так покрытой. Такое вообще-то под шляпой носить положено, ну то есть было положено лет двадцать назад, у нас в Шерези такой чепец только наш садовник Франц надевал, чтобы макушку на солнце не напекло.

Мармадюк прошел к столу, опустился в кресло, я выразила лицом преданность и кротость, а также раскаяние пополам с чистосердечием.

— Не кривляться, Шерези! У тебя сейчас глаза выскочат от натуги.

Я моргнула:

— Лорд-повар нас простил?

— Кого это вас? Он зол только на тебя, Чертополох. Я его, конечно, успокоил, как мог, так что лорд Пападель продолжит кормить наших будущих миньонов. Всех, кроме тебя.

— Что же мне делать?

— Испугался, Ядовитый Плющ? Раньше надо было думать! До того как строить куры дочери личного королевского повара.

Тысяча фаханов! Значит, дело не в косточках, а в моем женолюбии?

Ван Хорн явно боролся с желанием наградить меня аплодисментами.

— Я думал, что она простая подавальщица...

— Здесь, Почечуйник, нет «простых». Это королевский дворец! Иди, Крапива, и подумай над тем, как все исправить. А вы, ван Хорн, останьтесь здесь. Мне хочется узнать вас поближе.

Я покидала покои шута абсолютно раздавленной. Не обнаружив во дворе ни одного паж, понуро побрела к воротам. Не запрут же меня на ночь во внутреннем круге, даже и без пропуска? Отпустят в казарму?

Ну не будут меня кормить, подумаешь. Друзья не оставят меня голодной, на краюшку хлеба, тайно вынесенную мне в кармане камзола, я всяко могу рассчитывать.

Но мне было стыдно. Ну правда. Ну вот если бы при мне кто-то начал флиртовать с моей дочерью, неужели я бы не взвилась? Да я бы на дуэль мерзавца вызвала, особенно такого легкомысленного бабника, как я. То есть я вызвала бы себя на дуэль за то, что приставала бы к своей дочери? Брр... Какой кошмар!

Мои раздумья приняли характер совсем уж фантазмагорического.

— Цветочек, ты почему один? — Меня нагнал Николя и дружески хлопнул по плечу. — Ты чем-то расстроен?

Я пожала плечами и объяснила, чем я расстроен.

— Пападель, он такой, — паж показал какой, — грозный, но отходчивый. А Розетта его — та еще штучка, к ней лучше не подкатывай.

— Почему?

— Потому что к ней подкатываю я.

— Успешно?

Он высокомерно хохотнул, из чего я заключила, что безуспешно.

Пообещав не мешать чужой любви, я сказала:

— Может, сможешь мне помириться с лордом Пападелем?

Николя застыл с задумчивым лицом, видимо, чтобы я еще немножко помучилась, потом хлопнул меня по плечу.

— Для тебя, Цветочек, все что угодно. Пошли!

— Что, прямо сейчас?

— А чего тянуть? Я знаю, где повар сейчас, а дальше все зависит от твоего личного обаяния.

Мы прошли хозяйственным двором, потом еще чередой дворишков, потом галереей, спустились по лестнице, поднялись по другой. Дорогу я не запоминала, Дабуаз заверил, что обратно меня тоже проводит или отнесет, если любезнейший Пападель меня все-таки не простит.

Ни капельки не успокоенная этими обещаниями, я, сдерживая дрожь, вошла под своды огромной королевской кухни. Повар обнаружился во втором помещении. Он был в свежем переднике, белоснежном колпаке и священнодействовал у массивного стола.

— Убирайтесь, — поприветствовал он меня, только завидев на пороге.

Я вздрогнула от зычности его голоса, но медленно пошла вперед.

Перед Пападелем стояла миска с птичьей вишней, не миска, а мисища, туалза на два в ширину, заполненная ягодами, и миска ненамного поменьше, лордейшество занималось извлечением косточек, видимо готовя начинку для пирога. Эх, сколько мы с Магдой в Шерези этой вишни перебрали.

— Убирайтесь!

— Простите меня, милорд, — я поклонилась, — только моя горячность и самонадеянность стали причиной недоразумения. Милейшая Розетта не дала мне и малейшего повода к ухаживаниям.

— Вы знаете ее имя?

— Паж Николя Дабуаз сообщил мне, как зовут вашу дочь.

— Дабуаз! Еще один вертопрах!

Кстати, вот про вертопраха он сказал уже помягче. Рассматривает бравого Николя на должность зятя?

Повар подковырнул косточку шпилькой.

— Позвольте мне помочь? Я неплохо справлялся с этой работой у себя на родине.

— Вы? — Шпилька замерла в пухлой руке. — Мужчина и дворянин занимался кухней?

Пфф... А сам он, можно подумать, дева и простолюдинка.

— Не вижу в этом ничего зазорного, — пожала плечами я, быстро сполоснула руки над ракумойником и засучила рукава. — Вы одолжите мне булавку?

Пападель, недоверчиво хмыкнув, протянул мне свою.

Я молча приступила к делу под его внимательным взглядом. Пару минут он следил, затем ушел и вернулся с другой булавкой. В четыре руки дело пошло быстрее. Через десять минут я осмелилась спросить, что именно он собирается готовить, почтительно выслушала рецепт и почтительно же поведала, что у нас в Шерези желтки и белки для теста взбиваются отдельно до образования густой пены и замешиваются в тесто по очереди. Пападель ответил, что тоже так всегда поступает.

Ничто так не сближает людей, как общий труд. А если труд монотонный, то он еще и располагает к легкой болтовне.

Он рассказал мне о своей семье, где женщины не любили и не умели готовить, попросил не говорить Николя, что Розетта в хозяйстве не сильна. Я заверила его в сохранении тайны, а также в утешение предположила, что Розетте не придется самой заниматься хозяйством, если нанять в их совместный с Дабуазом дом толковых расторопных слуг. Через час звезда Николя начала закатываться, намеки о том, что самого Пападеля устроил бы зять, не боящийся уронить свое дворянское достоинство на кухне,

становились все прозрачнее. Я поднажала, общение пора было сворачивать, и на всякий случай сменила тему:

— Вы все еще сердиты на меня?

— Да брось, Шерези, дело понятное. Твои товарищи заподозрили тебя в мужелюбстве, и ты ринулся доказывать обратно.

Я чуть не подавилась, ну да, когда перебираешь вишню, невозможно устоять перед тем, чтобы склевать ягодку-другую.

Пападель отечески похлопал меня по спине:

— Ну-ну, успокойся.

— Это было настолько явно?

Повар расхохотался:

— Это королевский дворец, малыш, здесь все всё знают.

Я покраснела и опустила голову.

— Простить-то я тебя простил, — продолжил Пападель, — но свое решение просто так отменить не могу, чтоб не потерять достоинства.

Я слушала затаив дыхание, не переставая работать, потому что видела, что это нравится собеседнику.

— Сделаем так, Шерези. Три дня ты не будешь появляться в обеденной зале, еду тебе будут доставлять отдельно.

— А потом?

— Я прилюдно объявлю о помиловании.

— Благодарю вас, мой лорд, — искренне проговорила я и отложила булавку.

Повар нахмурился, но, переведя взгляд на стол, расплылся в улыбке. Большая миска была абсолютно пуста, меньшая — наполнена вишневой мякотью, а между ними высился курган белых косточек.

Мы распрощались просто как лучшие друзья, Николая, ждущий меня сидя на газонном бордюре, при моем появлении испуганно вскочил:

— Как все прошло? Что у тебя с руками?

Я подняла к лицу ладони. Они были насыщенно-красными и морщинистыми от вишневого сока. Я, конечно, воспользовалась рукомойником, но это было символическое действие. Этот чудесный цвет останется на коже дней на пять-семь.

— Все прошло великолепно, — сообщила я Дабуазу, — будущий тесть тебе благоволит, только не забывай повторять, что не считаешь работу на кухне недостойной мужчины и дворянина.

— Кому говорить?

— Да кому угодно, малыш, — не ввернуть «малыша» я не могла, — это королевский дворец, здесь и у стен есть уши и рты, так что до лорда Пападеля рано или поздно дойдут твои почтительно-похвальные речи.

Николай проводил меня до ворот, показал стражникам пропуск, а на той стороне меня тоже ждали: сонный Оливер, рассеянный Станислас и чуточку встревоженный Патрик.

— Вы за меня волновались? — спросила я растроганно. — Боялись, что Мармадюк меня накажет?

— Мы же договаривались, Цветочек, что ты не будешь ходить без сопровождения. — Оливер развернулся и жестом предложил следовать за ним. — Так что, тебя наказали?

— Я три дня не буду посещать обеденную залу.

— И все? — Патрик шел по правую руку. — У ван Хорна отобрали бусины.

— Он уже в казарме?

— Не важно, где ван Хорн!

— Мои бусины при мне. — Я звякнула ожерельем. — Вообще, здесь применяется странная система поощрений и наказаний. Мне начинает казаться, что выиграют в нашей борьбе не самые достойные, а самые изворотливые.

— Похоже.

— А я имел беседу с великим Робеном! — похвастался Станислас.

— С музыкальным хабилисом?

— Именно. И он мне пообещал, — Станислас остановился и вынудил нас сделать то же самое, — что в следующем месяце я буду петь перед ее величеством!

Я восхищенно ахнула и, поздравляя менестреля, изо всех сил пыталась подавить в себе зависть. Каждый из моих друзей уже добыл себе покровителя, Патрик переписывался с Джесардом, Оливер сдружился с лордом-коннетаблем, Станислас — с учителем музыки, и только мне достался Мармадюк, который обзывал меня сегодня всеми сорняками по очереди и предпочел «узнать поближе» ван Хорна.

Во дворе казармы я поблагодарила друзей за охрану, отказалась от помощи и в одиночестве отправилась в купальню. Меня ждала уборка.

Когда Басти удалился, Мармадюк вернулся к своим бумагам, а Гэбриел — к созерцанию. Именно так они провели последние два часа, и ван Хорн не имел ничего против. Он не имел бы ничего против, если бы лорд-шут сыпал ругательствами и оскорблениями, и реагировал бы на них примерно так же, то есть никак. Ему это было бы безразлично. Пока все шло прекрасно, все ниточки подвязаны, и все, что требовалось, — не дергать за них раньше времени. Хотя пока не хватало завершающего штриха, той самой соломинки, которая переломит спину верблюду, но у Гэбриела была неплохая идея и на этот счет. Он опустил руку за отворот камзола, там лежало надушенное послание от Моник и шелковый платок, которым он вытирал мордочку Шерези. Цветочек Шерези — именно та последняя соломинка.

Взгляд молодого человека скользил по стенам. Они за прошедшее время были изучены досконально: окно, карта Ардеры, пейзаж, натюрморт, портрет строгого черноволосого господина, возможно, Мармадюка-старшего.

— Это Этельбор, — неожиданно сказал Мармадюк.

— Простите?

— На портрете изображен лорд Этельбор — последний канцлер ранней ардерской династии, именно той, на смену которой пришла наше величество. Я состоял у него в услужении.

— Насколько я помню, именно лорд Этельбор был виновен в эпидемии черной хвори.

— Да, его казнили, — шут поднялся, — когда я был примерно ваших лет. Пройдемте, лорд ван Хорн. Канцлер ждет встречи с вами, и я имею в виду не покойного, а вашего батюшку.

Гэбриел тоже поднялся, размышляя, что с большим удовольствием пообщался бы как раз с покойником.

Отец в сопровождении верного Креспена ждал их в библиотеке. Мармадюк, поклонившись и сообщив, что отправляется на вечернюю аудиенцию к ее величеству, оставил их.

— Кто-нибудь из пажей проводит вас, Гэбриел, когда вы закончите, — сказал он на прощанье.

Канцлер подождал, пока за шутком закроется дверь, приблизился к сыну и наотмашь ударил его по лицу.

— Тряпка! Ничтожество! В первый же день ты умудрился опозорить меня!

Гэбриел пошатнулся, но устоял на ногах. Сейчас следовало проявить немного твердости, не реагируя на боль, а затем, будто не в силах с ней справиться, заскулить обиженной собачонкой.

Следующий удар пришелся в солнечное сплетение. Притворяться не потребовалось, он согнулся, воздух вырвался с громким всхлипом.

— Ты надеешься, что, если тебя изгонят с состязания, ты сможешь вернуться домой и продолжить свое никчемное существование? Не бывать этому!

«А ведь он стареет, — отстраненно подумал Гэбриел, — уже не так сильны удары, да и сам процесс стал короче...» И тут же упал, подкошенный ударом в спину.

Канцлер ван Хорн носил тяжелую обувь, обувь, которая пристала настоящему мужчине, а еще он был садистом.

Гэбриел посмотрел на Креспена. Лицо подручного искажала гримаса нездорового любопытства. Ван Хорн-младший охнул, и его вырвало от отвращения.

В казарму он шел очень медленно и осторожно. Надо обработать ушибы и рассеченную губу, важные органы не задеты, с остальным он справится самостоятельно. Ничего страшного, он потерпит, недолго осталось терпеть.

В это же самое время его отец, канцлер ван Хорн, возвращался в портшезе в свою резиденцию. За эти пять лет мальчишка ему надоел. Немедленно он выпишет из Дювали свою супругу леди ван Хорн, и, если в ближайшее время она не одарит его новым наследником, он подарит себе новую леди ван Хорн. Креспен об этом позаботится, как позаботился о предыдущей.

Глава 9

ДОЛГИЕ НОЧИ, КОРОТКИЕ ДНИ

Шут вошел в покои ее величества чернее тучи, фрейлины исчезли со скоростью птичьей стаи.

— Твое подавленное состояние вызвано тем, что королевский совет хочет перевести твоих миньонов под свой патронат?

— Не моих миньонов, а твоих. — Шут тряхнул головой, поднял к ней руку, поморщился. — Это был вопрос времени. Пусть лучше сражаются со мной в этих вопросах, чем ополчаются против тебя. Я уже предоставил отчеты лорду-казначею.

— Тогда что?

Мармадюк фыркнул, затем схватил Аврору за плечи и встряхнул.

— Какая экспрессия! — Королева недоуменно хихикнула и отступила на шаг. — Ну хотя бы начни, чтобы я смогла размотать клубок твоих недомолвок.

— Вчера ты отправила меня к Богдене!

— Ты не уверен?

— Это не вопрос!

— Что произошло? Неужели мой блистательный шут поддался чарам древней, очень древней, очень-очень древней...

При каждом слове лицо Мармадюка искажала гримаса.

Аврора расхохоталась:

— Она тебя соблазнила? Ты пал жертвой ее чар?

— Если бы любовных, от меня бы не убыло. — Шут устало опустился на кровать и сдернул с головы плотный чепец.

Волос на голове не было.

Королева смеялась так, что даже фрейлины осторожно заглянули в покои убедиться, жива ли еще повелительница Ардеры.

— Ты не сказала мне, что только твое общество, золотая кость, ограждало меня от любовных чар фей.

— Нет!

— И не сказала, что на самом деле она не статная красавица, которой казалась мне даже в твоём обществе, а старая скрюченная карга, которую мужчина может рассмотреть, только если она сама это позволит.

— Нет!

— И не поведала, что больше всего в нашем мире феи ценят человеческие волосы!

— И об этом я умолчала.

— Это месть?

— Конечно, дорогой. И надеюсь, это маленькое приключение научит тебя не нарушать сон своей королевы.

Мармадюк поднял на нее абсолютно несчастные глаза.

— Больше никогда. — Потом запрокинул голову и тоже засмеялся.

В купальне кто-то был, я с осторожностью вошла, было чисто, пол протерт, умывальные ковши стояли стопкой у стены, рядом со свернутым тюком грязных полотенец, в печи горел огонь, на камельке пыхтел котелок с каким-то варевом, а из щели под дверью парилки тянуло запахом пижмы.

Я туда заглянула. Абсолютно голый ван Хорн как раз переворачивал над раскаленными камнями ковш с отваром. Клубы пара скрыли мое смущение.

— Жди своей очереди, Цветочек!

Я захлопнула дверь. Одежду меченый красавчик оставил здесь, сложив ее прямо на умывальном поддоне. Рядом стоял сундучок с какими-то склянками. Я сунула туда свой любопытный нос. Все бутылочки были подписаны, но буквы были мне незнакомы. Зато знаком запах, достигший моих ноздрей из котелка. Именно этим зельем меня поили вчера ночью. Значит, это был не Патрик? Он меня обманул?

Я подняла голову. Ван Хорн как раз выходил, обернув свои чресла полотенцем. И на том спасибо.

— Раздевайся! Пара хватит как раз еще на одного, — весело велел он.

— Это ты стащил ключ!

Ван Хорн медленно приблизился — я с усилием отвела взгляд — и стал одеваться.

— Ты услышал мои стоны, напоил меня отваром, а потом взял ключ. Зачем?

— Затем, что мне нужна эта купальня. Мне больше негде хранить ингредиенты. — Гэбриел кивнул на сундучок. — Лекарство помогло, я мог рассчитывать на благодарность, но не ожидал, что твой смазливый друг так резво перехватит инициативу, присвоив мои лавры себе.

Это я проглотила, потому что это было правдой.

Ван Хорн запер свой сундучок, поставил его на пол и задвинул под лавку.

— Пора спать. Запри тут все, когда закончишь. Кстати, я рекомендовал бы тебе все-таки попариться, иначе после сегодняшних усилий на турнирном поле утром тело ответит болью и бессилием.

— А варево? — Я показала на котелок.

— Это долгий процесс, к утру на остывших углях оно как раз дойдет до нужной кондиции.

И он ушел, оставив меня в абсолютном ошеломлении, которое, правда, продлилось недолго. Пар ждать никого не будет.

Я закрылась изнутри на засов и, быстро раздевшись, юркнула в парилку. Она была крошечной, действительно на одну персону, и, кажется, ее следовало улучшить добавлением плотного полога, петли которого угадывались под невысоким потолком.

Все же какое великолепное изобретение человечества — купальни. В ковшике еще оставалось на доньшке, я плеснула на камни, вдыхая живительный пижмовый пар.

Завтра я поблагодарю ван Хорна за все, и за эту негу в том числе. Хотела бы я знать, кого и как он заставил принести сюда угли и дрова и где взял чистое полотенце? И вообще, кто он, к фахану, такой, этот ван Хорн?

После, одевшись и поправив коко-де-мер, я прибрала за собой, убедилась, что ни одного уголька не выкатилось из печи, и заперла купальню на два оборота ключа. Владение ею совместно с меченым красавчиком мне нравилось даже больше, чем единоличное.

А в казарме меня ждал приятный сюрприз: нам всем выдали новый комплект белья, свежая сорочка лежала на подушке. Этот непростой день заканчивался неплохо.

Интересно, а когда я теперь отправлюсь к Мармадюку? Он же не назначил мне следующей аудиенции. Неужели после истории с косточками и Розеттой он бросит меня? Предпочтет мне ван Хорна?

Наутро, любуясь, как мои товарищи с трудом сползают со своих постелей, стена и кряхтя, я подумала, что и сама предпочла бы ван Хорна.

У всех болело все, у всех, кроме меня и, наверное, меченого, которого видно не было, он еще до рассвета покинул казарму.

Я попыталась поговорить с ним на занятиях, но Гэбриел не ответил на приветствие, одарив холодным взглядом.

Сегодняшнее расписание было составлено таким образом, что наше черное крыло оказалось не с красными, а с синими, там я почти никого не знала. На завтрак я не пошла, сидела во дворе на занозистой лавке и поглощала порцию, принесенную Николая, в одиночестве.

На турнирное поле отправилась, переодевшись во вчерашнюю несвежую сорочку и без камзола, десятка попалась другая, но я, уже наученная опытом, держала неспешный темп все пятнадцать кругов. То, что мне удалось их посчитать, говорило о многом.

Обед — опять в одиночестве, мои друзья хотели было присоединиться ко мне во дворе, но лорд Пападель пригрозил им пожизненным отлучением от груди.

— Это ненадолго, — утешила я Патрика.

С ним я тоже не поговорила. Просто не смогла. У него такая нежная душевная организация, что обидеть его — раз плюнуть. Сам расскажет со временем.

После обеда распространился слух, что сегодня нам выдадут запасную одежду, а также облачение для активных занятий. К вечеру слух подтвердился. В казарму пришел Мармадюк, велел отправляться в портновский городок, я покрутилась пред его очами, чтобы привлечь внимание, стараясь не прыснуть, глядя на его гладкую, как куриное яйцо, голову. Что могло заставить лорда-шута обрить себя? Выглядит комично.

Наконец на меня соизволили обратить благосклонный взор, Мармадюк поманил меня пальцем:

— Ты видел вчера ван Хорна?

— Да, у вас в покоях.

— А после?

Я не покраснела лишь чудом.

— Кажется, да.

— Почему кажется?

«Потому что я пыталась на него не смотреть, болван вы, ваше шутейшество!»

— Да, видел.

— И как он тебе показался?

«Он мне показался голым и довольно привлекательным».

Я пожала плечами:

— Ничего необычного.

— Он не хромал, не держался за бок? На его лице не было синяков?

Я покачала головой:

— Мы разговаривали в полумраке, ночь ведь уже была.

— Понятно. Можешь быть свободен.

Он меня так к себе и не позвал. Я опечалилась этим фактом почти до слез. Но горевать долго мне не дали. Потому что сначала прибежал Станислас и заставил внимать канцоне, которую сочинял для ее величества, потом Оливер попросил зашить разошедшийся шов кафтана, потом Патрик позвал прогуляться к кастеляну, а я взамен заставила его тащить к прачкам грязное белье из купальни. Но визит к прачкам принес нам дюжину свежих полотенец и четыре новых сорочки. А посещение портновского городка, куда мы отправились уже вчетвером, — запасные камзолы и ратные мундиры. Последние были исполнены в тех же цветах, что и обычная одежда, но из более дешевой легкой ткани и свободного покроя.

Ван Хорн подошел ко мне после ужина. Я как раз сидела на подоконнике, свесив ноги наружу.

— Сегодня мне понадобится ключ, Шерези, — холодно сказал он, приблизившись.

Я с готовностью сдернула с шеи ожерелье.

— Избавь меня от своих побрякушек.

— У меня нет другого шнура.

— Где же твоя хваленая хозяйственность?

Он дернул ожерелье на себя, я, не поняв его желания, держала слишком крепко, ткань штанов скользнула по подоконнику, и я съехала по стене вниз, оказавшись зажатой между ней и телом меченого красавчика.

Я смутилась, но подняла голову, встречая его насмешливый взгляд.

— Спасибо, Гэбриел. За то, что дал мне лекарство, и за то, что прибрал в купальне, и за парилку.

Он сглотнул, кадык на его шее дернулся.

— За два из трех, Цветочек. Неужели ты думаешь, что лорд ван Хорн самолично отскребал жевательные пастилки с грязного пола?

— Это не важно.

— Важно. Я не присваиваю себе чужих заслуг. — Он был слишком близко, просто неприлично близко, и не делал шага назад. — Чем же ты хочешь меня вознаградить?

— Услугой?

Гэбриел посмотрел на меня с какой-то странной грустинкой, я заметила, что его нижняя губа рассечена, будто от удара, а еще от скулы за ухо шла царапина, и синяк на подбородке. Все это было тщательно припудрено, и, если бы я не была так близко к нему, вряд ли бы обратила на это внимание.

— Хорошо.

— Что?

— Я согласен на услугу, и рано или поздно я ее потребую.

И он ушел, а я продолжила сползать по стене, пока не села на траву. Если бы сейчас я была женщиной, была бы уверена, что со мной флиртуют. Все признаки налицо. Будто случайная близость тел, томные взгляды и такие же томные паузы. Пьер, конечно, ухаживал за мной иначе, гораздо проще и прямее, но и кроме Пьера на хохотушку Басти находилось хоть что-то в избытке. И это все у меня было, вся эта многозначительная недосказанность. И, честно говоря, действовала она на меня не в пример сильнее, чем шлепки и шуточки пригожего кузнеца, я, наверное, и гулять с ним согласилась, потому что так было безопаснее.

«Мне нужно бежать, — решила я, — бежать не в смысле побега, а прекратить общаться с Гэбриелом».

Мне непонятно, чем привлек столичную штучку скромный провинциальный дворянин, но и узнавать этого ни в коем случае не следует. Вполне вероятно, что флирт с его стороны мог мне примерещиться от неопытности.

— Наконец-то я тебя нашел. — Николя Дабуаз выходил из-за угла. — Почему ты сидишь на земле?

— Побегай с мое, мальчишка, на турнирном поле, — сварливо сказала я и встала на ноги. — Зачем искал?

— Лорд-шут требует тебя к себе.

Когда мы проходили мимо купальни, я не удержалась и заглянула в нее. Ван Хорн был там, также там были Турень и Вальденс. Дворяне с удобством расположились за карточным столом, который еще вчера был умывальным. Сейчас на нем стояли вазы с фруктами и бутылки, а также высились горки монет. Четырехсвечный канделябр, установленный за плечом Вальденса, давал достаточно света.

Так вот зачем меченому красавчику понадобился ключ! Он превратил мою купальню в игровой притон! И деньги. Они же на них играют, а деньги претендентам запрещены.

Я вспомнила о своем зашитом в матрас кошеле и слегка поостыла. У самой рыльце в пуху.

— Умеет он устраиваться, — зло сказал Николя, когда мы продолжили путь. — Настоящий аристократ.

— Кто?

— Да ван Хорн. Хотя, казалось бы, с таким воспитанием шансов у него было немного.

— А что не так с его воспитанием?

— Отец призвал его в столицу всего несколько лет назад, а до этого милейший Гэбриел начищал свиные пяточки в какой-то дювалийской деревушке.

— Значит, он быстро учится, — пожала я плечами. — А его пример дает надежду всем провинциальным дворянам.

Мои возражения раззадорили пажа.

— Да ты думаешь, к нему во дворце особое отношение, потому что он так уж достоин?

— А почему?

— Потому, что он ван, он из Дювали, а здесь служит уйма народу из долины. Они оказывают ему услуги в память о деде.

— О каком еще деде? — Я закатила глаза, подумав, что генеалогическое древо канцлера отпрыска мне в жизни не пригодится.

— О Фергусе ван Харте!

— Это дед со стороны матери?

— Ну да, у короля долины было двое детей, Адэр, приезда которого мы ждем со дня на день, и Альма.

— А ее вы не ждете?

— Она давно умерла, — отмахнулся Николя и протянул стражнику жетон.

— А почему «король долины»?

— Раньше был такой титул, но, когда Дювали двадцать лет назад решила поддержать королеву Аврору в ее притязаниях на престол и Фергус отправил в Ардере войска во главе со своим сыном, тот принес вассальную клятву.

Я остановилась.

— Двадцать лет назад?

— Да. Что тебя удивляет?

Меня удивило «двадцать лет». Потому что я всегда удивлялась, когда задумывалась о возрасте нашего величества. Она выглядела почти моей ровесницей. Но она знала мою мать и сама говорила мне об этом. А впрочем, какая разница. Аврора — прекраснейшая из женщин и останется такой всегда.

— Сколько лет Гэбриелу? — спросила я.

— Больше двадцати.

— Значит, когда он родился, Дювали еще была отдельным королевством?

— Именно. Поэтому дювалийцы так с младшим ван Хорном и сюсюкают. Подумаешь, «принц долины». Кстати, интересно, кто его так вчера отделал?

— В смысле, отделал?

— В смысле — избил. Мне буквально пару минут назад сообщили, что видели, как он еле полз в направлении казармы после заката. Наверное, это было, когда ты подлизывался к Пападелу, а я смиренно ждал тебя во дворе.

Мармадюк меня спрашивал, не держался ли ван Хорн за бок. Это он его избил в дополнение к наказанию? Какой кошмар!

— Подожди здесь, — велел мне Николая, завидев стайку пажей, пересекающую двор, — мне нужно узнать, иначе разорвет от любопытства.

Я остановилась. Мы почти достигли башенки, и дальше я могла пройти и сама, но меня тоже разрывало.

Дабуаз подбежал к пажам, приветственно хлопнул одного из них и, предварительно поглядев по сторонам, склонил к нему голову. Они шептались минуты три, наконец Николая распрямился, опять похлопал товарища по плечу и вернулся ко мне.

— Ну что?

Эта манера моего сопровождающего делать многозначительные паузы и выражать лицом сомнения, стоит или не стоит мне давать то, о чем я прошу, сейчас меня немало раздражала.

— Это его отец!

— Кто чей отец? — не поняла я.

— Лорд Мармадюк проводил юного Гэбриела в свою библиотеку для встречи с канцлером ван Хорном, которая продлилась около сорока минут. Кое-кто слышал, что беседа проходила на повышенных тонах, а также звуки ударов. Сложив два и два и не получив ничего, так как арифметикой я не увлекаюсь, мы можем сделать вывод, что канцлер заявил права на шкуру своего сыночка и по обыкновению наказал его за нерадивость.

Я похолодела. Если есть в Ардере святой нерушимый закон, заповеданный нам самим Спящим лордом, так это — не подними руки на отца своего. Гэбриел не мог даже защищаться.

— По обыкновению?

— Ну да. У него крутой нрав.

Мне показалось, Николая наслаждается произошедшим. «Дювальныйского принца» избивает родной отец, в представлении пажа это, наверное, было справедливо, потому что уравновешивало помощь земляков.

Мне стало очень противно, поэтому, не попрощавшись, я отправилась к Мармадюку.

Лорд-шут опять сидел за письменным столом, теперь в покоях было достаточно света, особенно много его было на лысой макушке.

— Доброго вечера, мой лорд, прекрасная прическа.

Наверное, зря я это сказала. Потому что его лордейшество хмыкнул, будто осененный удачной мыслью.

— А знаешь, Цветочек, я не могу больше терпеть. Пойдем!

Он вскочил из-за стола, сдернул с крюка перевязь с длинным клинком, а с другого — подбитый мехом плащ.

— Куда?

Шут на меня посмотрел, затем, порывшись в куче одежды на стоящем у стены кресле, извлек еще один плащ.

— Надень его. Мы покидаем дворец.

— Надолго? — Я немножко испугалась, но накинула на плечи плотную ткань.

— Ненадолго, я-то уж точно сюда вернусь.

Объяснения только усилили мою тревогу.

Мы вышли во двор, шут подозвал слоняющегося в ожидании Николая.

— Дабуаз, мне нужна лазейка наружу.

— Какая лазейка?

— Вы уморите меня, молодежь, своими односложными и бесполезными вопросами. Мне и вот ему нужно покинуть дворец на несколько часов. Один я мог бы пройти и мимо стражи, но господину графу это запрещено уставом, подписанным самой королевой. Поэтому позволь мне воспользоваться каким-нибудь тайным ходом, которым вы, пажи, выбираетесь в большой мир.

Николя против обыкновения не стал делать многозначительных пауз:

— Сюда, мой лорд.

Мы вышли из внутреннего замкового круга не скрываясь, через ворота. Я с пажом, Мармадюк чуть позади, прошли мимо миньонских казарм и купальни, в которой все еще горел свет. Узкая тропинка не освещалась даже светом лун, но я знала этот путь, он вел к колодцу, который несколько дней назад я так самонадеянно выбрала своим тайным местом. А тебе везет, Шерези. Ведь все могло бы выясниться в ночь полнолуния, когда ты сидела бы яме в абсолютно не графском облике.

Николя шуршал чем-то впереди, тихонько поругиваясь:

— Одну минуту, мой лорд. Кто-то завалил вход ветками. Осторожно, мой лорд, там ступеньки.

Спустившись вниз первым, Николая достал из углубления в стене потайной фонарь, щелкнул кремьень, вспыхнул огонек.

— Спускайтесь, господа.

Влага из колодца подмыла с одной стороны кладку стены. Странно, что я не заметила этого в прошлое свое посещение при свете дня. Хотя тут еще следовало знать, куда

смотреть. Лаз располагался почти на уровне человеческого роста. Паж опустился на четвереньки:

— Прошу, мой лорд.

— Цветочек, лезь первым, — велел Мармадюк. — Если на той стороне нас ждет засада, Ардера будет скорбеть о потере графа Шерези. Но мы справимся.

Я кивнула и наступила на пажескую спину, испытав злорадное удовольствие.

На той стороне нас ждала не засада, а мощенная гнилыми досками улочка.

— Итак, где мы очутились? — спросил лорд Мармадюк, появляясь из дыры. — Можешь не отвечать, я сейчас сам...

Я и не собиралась. В картографии мои способности стремились к нулю, о чем мне не преминул сообщить хабилис Джесард на последнем занятии.

Шут посмотрел на луны, повел длинным носом.

— Туда! — И пошел направо, ухватив меня под руку. — Это, оказывается, в двух шагах. А мы-то с... не важно с кем. Но, представь, нам пришлось сначала выйти к городским воротам, затем... Кстати, у городских ворот я тебя впервые и заметил, ты собирался сражаться с тирийским горцем, впавшим в боевое безумие...

Все это было как будто сто лет назад и подернулось в моей памяти дымкой. Все, кроме королевы. Так вот чье имя не пожелал упомянуть в своем рассказе шут.

— Почему ты молчишь?

Я вздрогнула, мы уже вышли на небольшую квадратную площадь с двурогим фонарем.

— Прошу прощения, мой лорд. Вы задали какой-то вопрос?

— Я спросил тебя, хочешь ли ты сейчас войти со мной в жилище феи Богдены или предпочтешь бежать немедленно в свое Шерези? Обещаю, что не буду тебя преследовать и даже пришло со временем фамильный кристалл.

Надеюсь, мое лицо в этот момент выражало удивление, а не испуг. Он знает? Но как?

Играй, Басти! Вспомни, что ты трикстер, даже если и не мужчина!

— Вы желаете заплатить моим телом за услугу?

— Что? — Вот шут лицом пользоваться умел.

— Вы, мой лорд, осведомлены, что, как только мы войдем к фее, нас накроет любовными чарами, но фея вряд ли захочет нас обоих одновременно и выберет меня, как более молодого и... — Я, будто испугавшись предстоящих откровенных слов, хрипло вздохнула. — Миловидного. Вы же, видимо, желаете воспользоваться передышкой и выведать у фаты нечто вас интересующее. Потому что...

Лысая макушка блеснула в свете фонаря, и меня осенило:

— Потому что вчера, мой лорд, вам этого не удалось!

Он улыбнулся и провел рукой по голове.

— Тут ты прав, Цветочек. Одна очень злокозненная леди отправила меня на растерзание к волшебному существу. И это самое существо надругалось надо мною самым бесчеловечным образом, ничего не дав взамен. Только между нами, — он заговорщицки ко мне наклонился, — раньше я отличался волосатостью в разных труднодоступных местах.

Я хихикнула:

— Тогда пойдёмте, мой лорд, и потребуем у этого существа все ответы. И, если бывших

ваших волос нам не хватит, граф Шерези с удовольствием предоставит свои.

Шут уверенно подошел к скрытой в арке двери. Я трусила просто до обморока. Если фея раскусит колдовство моей фаты? Хотя вряд ли эта Богдена так уж сильна. Шерезийской Илоретте даже в голову не пришло бы брить просителя налысо, тем более еще и в разных местах. Это противно, наверное. Да и стоячей воды здесь нет, а все знают, ну то есть не все, а я точно знаю, что большую часть своей силы фата Илоретта черпала из фейского озера. А если считать за озеро замковый колодец? Он неподалеку, если напрямик.

Вопросы, вопросы, и ни одного ответа. Увидит Богдена чужое колдовство или не увидит? Через мгновение я это узнаю.

Вперед, Шерези, вспомни девиз, вышитый на полотнище в главной зале твоего замка. Промедлить — значит, потерять честь! На тебя сейчас из чертогов Спящего смотрит восемь поколений твоих благородных предков. Не посрами!

Дверь оказалась не заперта. Мармадюк поколотил в нее всеми частями тела по очереди, только что лысой головой не стал, а затем повернул витую ручку и переступил через порог.

— Пойдем, Цветочек. Пожилая леди вполне могла запомнить, что на ночь нужно запирается.

Я последовала за ним. Прихожая была устлана коврами и вела в залу, в центре которой стоял многоногий резной трон. Подделка! Хотя нет, не подделка, точно пень. Точно такой же, как престол фаты Илоретты. На потолке крепилась люстра, добрая половина свечей в которой уже оплавилась и потухла.

Мармадюк остановился и обернулся ко мне.

— Эту залу я помню прекрасно, а вот дальше...

— Должна быть боковая комнатка — кабинет.

— Почему кабинет?

— Ну не здесь же она зелья варит.

— Они еще и зелья варят?

Я внимательно взглянула на шута, он, кажется, трусил и тянул время. Три хи-хи, ваше лордейшество. Бегите в Шерези, я не буду вас преследовать?

Драпировка была на левой стене и даже не до конца задернутая, я резко отбросила ее и кивнула:

— Нам сюда, мой лорд. Что вы предпочтете — пройти со мной или подождать здесь?

Он вошел первым. Здесь тоже было светло. Я не сдержала испуганного вскрика. На полу у потухшего очага лежало тело. Это была фея. Очень древняя и очень неопрятная. Из-за приоткрытых в гримасе губ виднелись острые треугольные зубы, а уставившиеся в потолок глаза были алыми, как рубины, и абсолютно безжизненными.

— Она мертва, — сказал шут. — Быстро, Шерези, осмотрись. Чего здесь нет, что должно быть у фей? Что у нее взяли?

Меня колотило так, что даже зубы стучали.

— Н-не зн-наю, м-мой лорд. Моя фата никогда не показывала мне больше того, что необходимо.

— Ну ты же общался с ней и даже остался при своих волосах! Быстрее, Цветочек, соберись. Что можно взять у фей кроме информации?

Я подбежала к шкафу, раскрыла дверцы.

— Зелья и амулеты.

— Они делают их про запас?

— Никогда, мой лорд. — Да чтоб фата Илоретта хоть мизинцем пошевелила без договора и обещанной платы, такого я не помнила.

— Значит, некто заказал у старушки амулет или зелье, а потом вместо того, чтобы заплатить...

В шкафу стояли склянки, в основном пустые.

— Ты определил, что пропало?

— Нет, — пробормотала я. — Я правда не знаю.

— Что ж. — Мармадюк поднялся на ноги, отряхнул колени и скомандовал: — Отступаем, Цветочек.

— А тело?

— О нем позаботятся.

— А почему...

— Идем, Шерези. Нам нужно побыстрее вернуться во дворец.

И только когда мы уже почти подошли к едва заметной дыре в стене замка, я осмелилась заговорить:

— На самом деле вопрос не «почему?», а «кто?».

— Ну-ну, юноша, продолжай. — Шут юркнул в лаз первым.

Я последовала за ним, тяжело спрыгнув на влажную глину колодца. Мармадюк чиркнул кремнем, зажигая фонарь.

— Мой лорд, — громко прошептала я, — но человек не может убить фею!

— А это как раз самое интересное. — Шут развернулся, подсвечивая дорогу, споткнулся и прошипел: — Тысяча фаханов! Ну что сегодня за день такой!

Я помогла ему подняться.

— Кто? Скажите мне!

— Золотая кость, Цветочек, только тот, в ком течет королевская кровь Ардеры, может принести фее смерть.

Я ахнула, а шут как ни в чем не бывало продолжил:

— Сейчас я спрошу одну представительницу золотой кости, не убивала ли она. А ты... Не стоит напоминать тебе о молчании?

— Я нем как камень.

— Никогда, никому. Забудь.

— Уже забыл. А вы расскажете мне, что она ответила?

Мармадюк щелкнул меня по носу.

— Иди в казарму, Шерези. Поздравляю, сегодня ты стал мужчиной.

— Но...

— Завтра поговорим. — Шут развернул меня к ступеням и шлепнул пониже спины. — Ступай! Я немного пережду, не нужно, чтоб нас видели вместе.

Осторожность, с которой я передвигалась, оказалась излишней, как только я поравнялась с дверью купальни, она приоткрылась и твердая рука втощила меня внутрь.

— Ну наконец ты явился, Цветочек!

Гэбриел был сильно навеселе, от него пахло вином, а глаза возбужденно блестели. Свечи в канделябре доживали последние минуты, освещая стол, пустые бутылки и явно поросшие кучки монет.

— Ты меня ждал?

— Мне нужна помощь.

— С уборкой?

— Что? — Ван Хорн оторвался от созерцания моих губ. — Нет, завтра с утра здесь приберутся. Дело в другом. — Он повернулся к двери и опустил в пазы засов, запирая нас изнутри. — Я, как ты, наверное, заметил, слегка нетрезв.

— Слегка? Ты себе льстишь.

Он хмыкнул:

— Ты прав, я надрался как свинья.

— И зачем это было надо? Расслабиться после трудного дня?

— Затем, Цветочек, что я играл, а если игрок пренебрегает вином, его соперники могут решить, что он мухлюет, желая сохранить трезвую голову, будут напряжены и сверхосторожны.

— А ты ставил своей целью не играть, а выигрывать? — Я кивнула в сторону монет.

— Я всегда ставлю перед собой именно такую цель, — ответил Гэбриел серьезно. — Теперь, когда я наконец удовлетворил твоё любопытство, могу я перейти к просьбе?

— Валяй! — Я заметила, что в одной из бутылок оставалось еще на доньшке, и, не чинясь, допила прямо из горлышка.

У меня, знаете ли, сегодня чуть сердце не выскочило. Я, между прочим, труп видела. И не просто труп, а тело феи. Такого до меня вообще никто не видел!

Вино теплой дорожкой скользнуло в горло, вызвав приятные ощущения.

— Мне нужно, чтоб ты обработал парочку моих царапин.

«Надеюсь, они не в труднодоступных местах?» От размышлений о фее я перешла к мыслям о Мармадюке, откуда и появились эти самые места, про которые я, слава Спящему, все же промолчала.

— Со всем почтением, мой лорд, — ответила я вместо неприличных уточнений. — Показывай, чем и где.

Гэбриел выдвинул из-под лавки свой сундучок и грузно на нее опустился. Скланку он доставал не глядя, как Мармадюк наши фамильные кристаллы, она оказалась пузатенькой, с широким горлом, закрытым притертой крышечкой. Ван Хорн подковырнул крышку, внутри была мазь, пахнувшая едко, но не противно.

— Тебе понадобится больше света, возьми свечи вон там.

Они лежали в коробе у противоположной стены.

А меченый красавчик обживается в купальне просто рекордными темпами. Скоро я обнаружу здесь трактирную стойку, дюжину пригожих подавальщиц и пузатого трактирщика до кучи.

Пока я меняла огарки в канделябре и подтаскивала его поближе к лавке, ван Хорн успел

по пояс раздеться. Глядя на его багрово-черный бок, я до боли закусил губу.

— Это твой отец постарался?

— Если бы он постарался, дружище, я харкал бы кровью до весны, — улыбнулся Гэбриел. — А что, тебе уже рассказали, как мой достойный батюшка предпочитает развлекаться?

— Мы же в королевском дворце, — я зачерпнула мазь кончиками пальцев и осторожно стала обрабатывать кровоподтеки, — здесь просто не продохнуть от сплетен. А шрам на щеке тоже его работа?

Ван Хорн следил за моими руками как замороженный, поэтому ответил не сразу:

— Нет, его я получил гораздо раньше, чем познакомился с родителем.

Он слегка развернулся, подставляя спину, там багровые полосы шли до самых лопаток.

— Расскажи как, — попросила я, вновь зачерпнув мази. — И где.

— В деревеньке Кардень, что находится на окраине Дювали. Когда мне было пять лет, я жил там с матушкой. На деревню напали лесные разбойники. Они вырезали половину жителей, в том числе...

— Твою маму? — Я, видимо, слишком сильно надавила на кожу, потому что он вскрикнул.

— Да. Леди Альма погибла во время того набега.

— Твой отец покарал преступников?

— Не отец, дядя. Он велел войскам прочесывать лес, и шайку настигли на следующую ночь, всех разбойников казнили, но мать, как ты понимаешь, мне это не вернуло. Лорд ван Хорн в письме поведал нам о терзающей его скорби, но на похороны не приехал.

— И потом ты жил с дядей?

— До восемнадцати лет.

— А потом отец призвал тебя в столицу.

— И я стал тем, кем стал.

Я закончила смазывать раны и вернула ван Хорну склянку.

— Кажется, надо немного подождать, прежде чем одеваться, пусть мазь подсохнет.

Он кивнул, поднялся с лавки и, подойдя к столу, принялся складывать монеты в большой кожаный кошель.

У меня глаза были на мокром месте. Мне было жалко мальчика, у которого отняли мать, и юношу, которого избивает отец, в сердце плескалось сочувствие пополам с нежностью.

— Ты ему сопротивляешься?

— Кому? Отцу? — Гэбриел фыркнул. — Цветочек, ты хоть раз пробовал ударить своего папашу?

— Граф Шерези почил еще до моего рождения. Но я тебя понимаю, не подними руки на отца своего и прочие религиозные запреты.

— Это не запрет, а заклятие. Я задал тебе вопрос вовсе не риторики ради. Ты не можешь ударить отца. Просто не можешь. Даже мысли об этом скручивают твои внутренности болью. Наши предки умели колдовать, особенно те самые — пропозиты. Спящий лорд был великим чародеем, и именно своим волшебством он создал наше королевство, и изгнал на Авалон всех фей, и создал перевозапреты, которые мы не можем нарушить. Поэтому, Цветочек, если бы ты хоть раз в жизни попробовал поднять руку на отца

своего, ты бы это знал.

На дворе раздался какой-то шум, ван Хорн приник к щели в ставне.

— Там много людей с факелами. Потуши свет.

Я быстро задула свечи и тоже припала к окну.

Группа стражников и пажей двигалась в сторону колодца, работники несли ведра, судя по всему тяжелые, а еще двое — носилки с кирпичами, за ними шел Мармадюк, тоже с факелом.

— Не жалейте раствора. Все лазейки должны быть сегодня же запечатаны! Даже мышь не должна проскочить во дворец без моего ведома!

Кажется, ее величество ответила на вопрос шута отрицательно и приказала усилить охрану.

— Цветочек, ты понимаешь, что происходит?

Ответить честно я не могла.

— Я понимаю только, что выйти из купальни сейчас мы не сможем, а также знаю, что за полчаса кирпичи не кладутся. — Ван Хорн был рядом в темноте, он был по пояс голым и пах лечебной мазью. Я ощутила, что мое лицо заливают жаркая волна. — Спящий знает сколько нам предстоит ждать.

— Значит, будем спать здесь. — Гэбриел, видимо, стал на ощупь одеваться. — Не соблаговолит ли благородный граф Шерези предложить край своего плаща одинокому путнику?

Граф соизволил, лавка была широкой, но твердой, подушкой нам послужила стопка чистых полотенец, а одеялом — плащ Мармадюка. Я спала с мужчинами и раньше, ну со Станисласом, к примеру, или с Патриком, так что ожидала, что провалюсь в сон, как только приму горизонтальное положение. Не тут-то было. Меня отвлекал запах мази и неподвижное тело Гэбриела по правую руку, а еще нахлынули мысли о мертвой фее и о том, чем грозит королевству существование еще одного представителя золотой кости. Поняв, что сон бежит от меня, я тихонько спросила:

— Гэбриел, ты не спишь?

— Нет, — ответил он спокойно. — Раньше мне не приходилось делить ложе с мужчинами, я чувствую себя...

— Неуютно?

— Смущенным.

— Не стоит. — Я развернулась к нему лицом. — На привалах спутники часто делят один плащ, чтоб согреться. Просто представь, что ночь застала нас в дороге.

— Попытаюсь. — Он чуть придвинулся, видимо, чтобы не свалиться с лавки, я почти вжалась в стену, освобождая ему место.

Гэбриелу, наверное, больно, когда что-то касается его ран. Жестокий канцлер! Ненавижу!

— Кстати, — спросила я, хотя мое «кстати» относилось к моим мыслям, а не к беседе, — на матерей это заклятие распространяется? Мы можем поднять руку на родительницу?

— Не глупи, Цветочек, какому чудовищу придет в голову мысль ударить мать?

— Ты прав. Моя частенько отвешивала мне оплеух, она у меня доманка, с южной горячей кровью, но ни разу в жизни мне не хотелось дать сдачи.

— Мужчины не сражаются с женщинами, разве что в любви. — Он говорил все тише, видимо засыпая, и, чтобы не упасть, обхватил меня за талию. — Сладких снов, дружище.

Сны у меня действительно были сладкими, даже чересчур, поэтому еще до рассвета я проснулась первой и выскользнула из купальни, оставив Гэбриела досыпать в одиночестве.

Когда я прокралась в спальню, первое, что увидела, — изумрудные глаза Патрика, полные укоризны.

— Где ты был?

— Ты ждал меня всю ночь?

— Басти, мы договаривались не ходить поодиночке.

— У меня было сопровождение. — Я улеглась в свою постель, ощутив блаженство от мягкого матраса, и накрылась покрывалом.

— Гэбриел ван Хорн?

— С чего ты взял?

Мы переговаривались поверх неподвижного Оливера.

— С того, что он тоже отсутствовал в казарме! Только не нужно лгать.

Я разозлилась, припомнив, что если кто-то из нас и лгал, то точно не я.

— Да что ты прицепился к этому ван Хорну? Чуть что — ван Хорн!

— Действительно, Уолес, почему? — Гэбриел шел по проходу между кроватями, неся в руке свернутый плащ. — Неужели... О нет! Мы можем вообразить, что ты ревнуешь!

Ван Хорн подошел к моему изножью и опустил на него плащ.

— Возвращаю его тебе, Цветочек. Ты хорошо спал?

— Хорошо спал я, — раздраженно сказал лорд Виклунд, не открывая глаз. — Ровно до того момента, как над моей головой стали скандалить громким шепотом. Еще и воркований я не перенесу. У меня от этого дядя умер, если что.

— Прости. — Я накрылась с головой покрывалом, пресекая дальнейшие разборки.

Патрик дулся почти до обеда, мы занимались у Джесарда с белыми, потом с ними же отправились бегать. И все это время лорд Уолес меня игнорировал. Лорд ван Хорн, в отличие от моего друга, был мил и предупредителен. Он озаботился сесть рядом со мной на арифметике и слушал лекцию со вниманием, лишь время от времени бросая на меня косые взгляды. Джесард обратился к нему с вопросом лишь однажды. На него Гэбриел не ответил, покачав головой. К удивлению, на вопрос не ответил также и Патрик. Я даже развернулась на стуле, чтобы на него посмотреть. Лорд Уолес был бледен и грустен. Фахан его знает, неужели действительно ревность? То есть не любовная ревность, а дружеская. Патрик уже ощущал, что его все оставили, и только клятва на фамильных кристаллах помогла мне вернуть ему веру в дружбу.

Мы с Гэбриелом оказались в одной десятке, он честно пробежал все положенные круги, но делал это с такой явной неохотой и так медленно, что нам всем пришлось его ждать.

Патрик, стоявший с Эженом Лятре, отпустил по этому поводу неприличную остроту, я, чтобы его порадовать, даже хихикнула, но запнулась, встретив его взгляд.

Нас помирили Станислас с Оливером. Они ждали во дворе, держа одно на двоих льняное полотенце, которым и принялись вытирать наши потные лица.

— Выдохнули и пожали друг другу руки! — строго велел менестрель. — Ваша ссоры все более стали напоминать супружеские. Это, в конце концов, недостойно мужчин и дворян, господа.

— Ну или поцелуетесь. — Оливер как раз растирал Уолесу плечи. — Вражда меркнет от магии дружеского поцелуя. Скажи, наследник Доремара?

Наследник сказал и даже клюнул великана в щечку.

— А от этого у тебя дядя не умирал? — Я рассмеялась, поняв, что этим представлением друзья хотят перевести разговор в комичное русло.

— У меня, Цветочек, была дюжина дядей и еще один, и все они померли от разного.

Мне не показалось, что Виклунд шутит. Тринадцать покойных дядей?

Я тряхнула волосами, отодвинула Виклунда и крепко обняла Патрика.

— Лорд Уолес, ты мой самый близкий друг. Ближе тебя и этих двух шутов гороховых у меня нет никого во всем мире.

Ленстерец сомкнул руки за моей спиной.

— Прости, Басти, я действительно боюсь вас потерять, ведь и у меня, кроме вас троих, нет людей ближе.

Уж не знаю, что он наговорил Пападелю, но обедали мы вместе на лавке.

Подливая в мой бокал белое молодое вино, Патрик сказал:

— Прости.

— Ну сколько можно извиняться? Я знаю, что это не ты поил меня ночью отваром.

— Я солгал тебе.

— Видимо, тогда это казалось тебе правильным. — Я пожала плечами, с которых в этот момент как будто свалился тяжелый груз, между мной и Патриком больше не осталось недомолвок.

— Меня ослепляет злоба, когда дело касается ван Хорна. И дело даже не в том, что он крадет у нас твое внимание, я не доверяю ему.

— Почему? Потому что он — столичный аристократ, наследник королей долины, а мы — всего лишь мы?

— Мне знаком такой тип людей. Он хитер и расчетлив, Басти, но пытается произвести на окружающих впечатление, что является безбидным простачком. Ты знаешь о том, что он играет в карты?

— Да. Это в обычае у ардерских аристократов.

— Он играет в баккара, там важен подсчет, тщательный и сложный. Турень говорит, что более сильного соперника ему видеть не приходилось. И этот ван Хорн, способный держать в голове десятки карточных комбинаций, не может освоить простейшую арифметику?

Я кивнула:

— Соглашусь с тобой. Но также предложу самый очевидный ответ. Канцлер ван Хорн определил сюда Гэбриела против желания последнего, и он всячески пытается доказать отцу, что к миньонской науке не приспособлен.

— А к чему он приспособлен?

— Не знаю. Может быть, к медицине. Он разбирается в свойствах трав и отваров и умеет их готовить.

— Ходят слухи, что его матушка — леди Альма была выдающейся травницей и близко водила дружбу с дювальнойскими феями.

Значит, Гэбриел продолжил дело родительницы? У меня опять что-то екнуло в груди, та самая пресловутая нежность. «Какое чудовище может поднять руку на мать?»

— В любом случае нам с тобой от его действий ни жарко ни холодно. Если ему хочется выглядеть дурачком — нам же лучше, на одного соперника в борьбе за место у трона меньше.

Патрик грустно улыбнулся:

— Будь осторожен с ним, Басти. И знай, чтобы ни произошло, я буду на твоей стороне.

Я покраснела от удовольствия. А потом из дверей казармы вышел предмет нашего разговора с тем, чтобы вернуть мне ключ от купальни.

Креспен вошел в опочивальню господина, вежливо постучав и дождавшись разрешения.

— Что там?

Канцлер лежал на постели, глаза его покраснели от бессонной ночи, а причина ее — хорошенькая Моник высунула белокурую головку из-за двери смежной купальни, чтобы приветливо поздороваться.

Креспен залюбовался девушкой, она была свежа как роза, бессонные ночи были ей привычны.

— Что ты хочешь мне сообщить? — поторопил канцлер подручного.

Тот кашлянул:

— Ваша супруга леди Эленор начала свое путешествие и преодолела около трети пути до столицы. Я распорядился, и на каждом постоялом дворе ее ждут свежие лошади. Леди предпочла ехать верхом, ее сопровождает три десятка моих людей.

— Когда она прибудет?

— В начале следующей недели. Велики шансы, что в дороге она догонит ван Харта и в столицу они явятся вместе. Эдер, видимо еще не пришедший в себя после кончины жены, не спешит.

— Прекрасно. Распорядитесь, чтобы началась подготовка к празднеству. Я желаю торжественно воссоединиться с супругой, ну и проявить уважение к пожилому родственнику тоже будет не лишним.

— Где именно будет проходить праздник?

— В королевском павильоне.

— Ее величество не сочтет это слишком дерзким? Ведь павильон находится на территории дворца.

— Она это проглотит, — жестко улыбнулся ван Хорн, — и не только это, и не только она.

Креспен догадался, что выбор места не случаен, что тем самым его господин хочет напомнить королеве Авроре, кто кроме нее правит Ардерой.

Когда подручный удалился, Моник скользнула в постель:

— Я наконец увижу твою супругу, дорогой. Она красива?

— Не сравнить с тобой, дорогая. — Канцлер ван Хорн умел делать комплименты.

— Ты совсем забудешь меня, — грустно протянула девушка, — производство новых наследников ван Хорнов займет все твое время и истощит силы.

— В отношениях супругов нет места страсти, не думаю, что это будет так уж тяжело.

Моник поцеловала его с нешуточной страстью. «Тебе это будет абсолютно невозможно, дорогой, — подумала она злорадно. — Фея Богдена сообщила мне, что ты бесплоден. За

эту новость мне пришлось отдать целых три локона своих прекрасных волос. Но оно того стоило, дурашка. И кроме Гэбриела, тебе не светит иметь детей. Странно, что ты сам не пришел к столь простому выводу, прожив на этом свете так много лет. У тебя был, есть и будет только он, Гэбриел. Наследник и будущий великий человек».

О том, кем именно станет Гэбриел, она не задумывалась. Будет велик, и точка.

Кстати, он так и не ответил на письмо, в котором она заверяла его в любви и страсти, а также в милых выражениях повинилась за ночь, проведенную с графом Шерези. Она заверила возлюбленного, что осталась чиста перед ним как телесно, так и в помыслах, ибо отважный Цветочек предпочитает мужчин.

Почему же он не ответил? Им необходимо встретиться и поговорить, и предстоящий праздник в честь приезда мачехи может стать прекрасной возможностью. Теперь надо только проявить достаточное усердие здесь и сейчас, чтобы канцлер пригласил ее туда. Это ведь будет маскарад, не правда ли?

И Моник, более не размышляя, приступила к делу.

Шут нашел свою королеву в тронной зале. Не в парадной, где предполагался прием почетных гостей или проведение королевских празднеств, а в полукруглом помещении, скрытом в толще главной замковой башни. Трон и здесь, конечно, был. Но он являлся лишь одним из кресел, стоящих полукругом у инкрустированного кристаллами круглого же стола.

Камни были непростыми, они представляли все дворянские дома Ардеры, являясь как бы близнецами фамильных кристаллов.

Аврора сидела на троне, опустив ладони на столешницу, камни светились, отбрасывая на усталое лицо королевы причудливые пятна.

— Пытаешься быть поближе к подданным? — пошутил Мармадюк.

— Мне так лучше думается. Ты усилил охрану?

— Да. Каменщики заложили все возможные ходы и лазы, а также я удвоил количество стражников у ворот внутреннего круга.

— Хорошо. Что это было, Мармадюк? Со вчерашней ночи, когда ты разбудил меня, чтоб сообщить страшные новости, я не перестаю думать об этом.

— Все просто, дорогая. — Шут присел напротив. — Объявился еще один представитель золотой кости. Точка.

— Я не о том. Мы искали их повсюду, ты пересек всю Ардеру, от Изумрудного моря до Тирийских гор.

— Ну так мы и нашли. Юный Атаир явно подходит для уготованной ему роли. Он еще мал, но и у нас есть время.

— Я сейчас не о мальчике, а об этом, другом. Мы искали, мы не нашли. Значит, он скрывался. Так почему сейчас он открыл свое существование, да еще столь страшным образом? Ведь если бы не убийство феи, мы ничего бы не узнали.

Мармадюк пожал плечами:

— Либо у него не было другого выхода, либо он хочет тебя испугать.

— Чтобы я сделала что?

— Мы еще не знаем этого, дорогая. Предлагаю просто подождать. Где-то снаружи бродит убийца, в чьих жилах течет королевская кровь, и, боюсь, свой род он ведет от проклятой ветви первой ардерской династии.

— Это очень плохо?

— Да, дорогая. Они залили наше королевство кровью. Вспомни Безумного Ригеля, в чье царствование ты появилась при дворце, вспомни его жестоких сыновей, сластолюбивых дочерей, вспомни, что говорил тебе Этельбор, отправляя в замок, чтобы ты зажгла прикосновением все фамильные кристаллы и доказала свое право на трон.

— Он говорил мне — Ардера превыше всего!

И ее величество безутешно разрыдалась.

Глава 10

ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНЫЙ АККОРД

Время пролетало просто с ошеломительной скоростью. Конец недели застал меня врасплох. Возблагодарив молитвой Спящего, я обменяла свою медь на серебряную бусину и еще на шаг приблизилась к цели.

Следующим этапом должно было стать два экзамена — по арифметике и по ратному делу. Для зрелищности — а лорд-шут собирался допустить на экзамены публику — во второй включили состязания по стрельбе из лука. Отдельно нас этому не учили, рассудив, что любой ардерский дворянин и без того владеет благородным искусством стрельбы.

Я не владела, но, решив, что за две недели смогу освоить хотя бы азы, нисколько не волновалась.

В конце этой недели пятьдесят наших товарищей покинули стены Ардерского замка. В казарме стало посвободнее.

— Сегодня объявят о возможности смены крыла, — сказал Оливер, когда мы переодевались к обеду после занятий ратным делом.

Нас ставили в пары и заставляли отрабатывать удары палками, изображающими мечи. Я взмокла больше, чем бывало от бега, и спешила снять мокрую одежду.

— Для чего?

— Чтоб уравнивать количество человек в каждом цвете. Не хочешь перейти к нам?

Я не хотела, и причина этому переодевалась сейчас в черный камзол в двух шагах от меня. За эти несколько дней я привязалась к Гэбриелу. Он поил меня горькими отварами, поддерживающими силы, и подарил брусочек мыла, от которого мои ладони вернули себе свой телесный цвет. А еще мы много беседовали, когда представлялась такая возможность.

— Я подумаю, — ответила я Виклунду. — Лорд-коннетабль щедро тебя одарил за победу!

На груди Оливера висело две нити серебра.

— Он считает, что шансов на предстоящем экзамене у меня нет, поэтому решил подстраховать подобным образом. Хотя ты прав, я победил. Думаешь, награда с этим как-то связана?

Соперником Оливера был «черный» лорд Формино, почти такой же огромный, как и мой друг, и за исходом их поединка с трепетом наблюдали все. Это выглядело так, будто две горы сошлись в битве, — величественно и страшновато.

— Ни в коей мере, — я толкнула друга в плечо, — подумаешь, доблесть — поколотить палкой другого здорового парня.

— В этом действительно мало доблести, — пригорюнился Оливер. — Формино оказался слабаком. Я просил себе Туреня, там могло бы получиться интересно, его обманчивая рыхлость маскирует стальные мышцы, а уж сила удара может соперничать с ударом быка.

— Благодарю за комплимент. — Турень тоже был здесь и даже покраснел от удовольствия.

Они торжественно пожали друг другу руки и принялись вслух мечтать, как рано или поздно сойдутся лицом к лицу. Мужчины, что с них взять.

Прибежал паж ван Сол, передал Гэбриелу какие-то стянутые шнуром письма и быстро удалился. Ван Хорн уселся на постель и погрузился в чтение.

— У Патрика еще не закончились занятия? — спросила я Станисласа. — Или Джесард не

хочет его от себя отпустить?

— Сегодня с белыми и синими мэтр Бони — риторика и логика.

— Арифметику с картографией они уже постигли?

— Лорд Робен по секрету сказал мне, что хабилису Джесарду понадобилось срочно уехать, а замены на его предметы пока не нашли. Поэтому и ему, и мэтру Бони пришлось передвинуть свои занятия, чтоб занять наше время.

К слову, на Станислаше также болталось новое серебряное ожерелье. Проследив за моим удивленным взглядом, он сообщил:

— Хабилис Робен считает, что на предстоящем состязании лучников у меня шансов нет, так что решил меня немножко поддержать.

Любимчики! И только его лордейшее шутейшество Мармадюк оставил меня с одной серебряной бусиной, будто Цветочку Шерези повредит серебряная поддержка. Хотя я еще не из последних, у меня есть еще десяток меди, а вот у Гэбриела и того нет. За прошедшие дни количество его бусин не возросло, его бусины, если точнее, одиноко приколотой у отворота камзола серебряной же булавкой.

— Кстати, я как раз хотел поговорить с вами об этом. — Оливер закончил любезничать с Туренем и вернулся к нам.

— О бусинах?

— О шансах. — Он посмотрел вокруг. — Но нам потребуется уединение.

На обед еще не звали, поэтому я предложила отпереть купальню, где нам уж точно никто не помешает.

Оливер предложение одобрил.

Я пригласила друзей внутрь и приоткрыла ставни, чтобы впустить солнечный свет.

Станислас опустился на лавку, Оливер на другую.

— Жаль, что приходится начинать без Патрика, но... Любезный наследник Доремара, скажи, сколько свечей в этом канделябре?

Он стоял у противоположной стены, туазах в шести.

Менестрель бренькнул струнами:

— Шесть?

— Ты понял? — Оливер повернулся ко мне встревоженным лицом.

Я похолодела.

— Станислас, дружище, ты плохо видишь?

— Не ожидал, что мою страшную тайну так быстро раскроют. — Он жалко улыбнулся. — Да, я слеп почти как крот, не могу рассмотреть монеты под ногами. Как ты понял?

— Видел, как ты машешь палкой, — хмыкнул Оливер. — Один из моих покойных дядей, которого отравили, ослеп незадолго до последнего путешествия в чертоги Спящего, подозреваю, что вследствие яда. Вот он примерно так же не знал, куда колоть и кого рубить. Что будем делать? Ни одного ратного экзамена наш доремарец не выдержит. Еще хорошо, если не пультнет стрелой в почтеннейшую публику.

— Наша проблема обширнее. — Я присела рядом со Станисласом. — Для экзамена по арифметике придется сначала прочесть задание, написанное на доске, доска будет одна на всю залу, от первого ряда до стены — четыре туаза. Это слишком далеко?

— Да, — прошептал менестрель.

— Мармадюк говорил мне, что королевский совет, в чьем ведении находятся сейчас королевские миньоны, потребует хороших результатов хотя бы в одной дисциплине. То есть ты должен справиться либо с арифметикой, либо со стрельбой из лука. Никакие бусины тебя не спасут, если оба экзамена будут провалены.

Струны мандолины всхлипнули.

— Мы обязательно что-нибудь придумаем, — твердо проговорила я. — Может, будет возможность тихонько тебе подсказать? У тебя же прекрасный слух, как у всякого музыканта.

— Это может сработать с арифметикой, но бесполезно в стрельбе из лука. Для того чтобы выучиться стрелять на слух, лорду Доре надо было начинать тренировки лет пятнадцать назад.

— Лорд Робен говорит, что, если моя канцона понравится ее величеству, даже в случае исключения из состязаний меня оставят при дворе. Место королевского менестреля мне не светит, но я смогу устроиться помощником менестреля, следить за инструментами.

Я чуть не всхлипнула, представив полуслеплого Станисласа на побегушках. Мы обязательно что-то придумаем. Просто нужно немного времени. Надо спокойно поразмышлять на досуге. Хотя этого самого досуга нам катастрофически не хватает. Время сжалось в пестрый клубок и сматывается все плотнее и плотнее.

Во дворе раздался звук трубы, призывающий к обеду.

— Займите мне местечко, я запроу купальню и присоединюсь к вам, — попросила я.

Друзья ушли, я еще немножко подумала и со вздохом поднялась с места.

В дверях я столкнулась с Гэбриелом.

— Подожди, Цветочек, мне срочно нужна печь.

Он чиркнул кремнем, высекая искру, и принялся жечь над углями бумаги, видимо, те, которые недавно принес ему паж.

Я ждала, когда он закончит, хотя могла просто отдать ключ и догнать друзей.

— Ты знаешь какие-нибудь способы улучшить зрение?

— Зачем?

— Не важно. Просто есть некий человек, который плохо видит, и в жизни ему это в принципе не мешает. Но на какое-то время он должен прозреть.

— Существуют окуляры, специально отполированные стекла, которые крепятся перед глазами. — Ван Хорн закончил сожжение и разогнулся. — Ты можешь спросить об этом хабилиса Джесарда, который как раз увлекается оптикой.

— Хабилис покинул столицу и недосыгаем для меня.

— Ну тогда лорда Уолеса, кажется, это их общая тема.

А ведь точно! Патрик переписывался с хабилисом об оптике!

Я бросила Гэбриелу ключ и побежала на обед, только что не подпрыгивая от радости.

— Нет, — сказал Патрик на мой вопрос.

Это невозможно, для этого требуются особые инструменты, которые, скорее всего, были у Джесарда, но которых нет у него.

Оливер со Станисласом, которых я поначалу заразила своим оживлением, синхронно погрузнели.

— А кто рассказал тебе об окулярах?

— Не помню, — соврала я, чтобы опять не вызывать дружескую ревность лорда Уолеса, — и даже не помню когда.

Остаток обеда прошел в молчании.

Когда мы уже собирались покинуть залу, чтобы дать возможность прислужникам подготовить ее к занятиям, к нам с визитом пожаловал лорд Мармадюк.

Десять минут обязательных оскорблений я дремала с открытыми глазами, затем шут перешел к делу, ради которого и явил нам свой светлый лик.

— Время, когда вы можете сменить цвет крыла, — сегодня до заката. С последним лучом солнца я закрываю списки. Это понятно?

Мы сказали, что да.

— Ну а теперь, птенчики, радостная для вас новость: до ужина вы совершенно свободны. — И, переждав недоверчивые возгласы присутствующих, продолжил: — Но она соседствует с грустной — ужин у вас сегодня тоже отменяется. Вечером в королевском дворце лорд-канцлер ван Хорн дает бал в честь воссоединения с любимой супругой и не менее любимым шурином Адэром лордом ван Хартом. Поэтому, как вы понимаете, наш любезный лорд Пападель будет занят, а с ним и те люди, которые, видимо, за какие-то тайные, но страшные грехи вынуждены обслуживать вашу ораву. Так что сегодня у вас день свободы, разбирайтесь со всем самостоятельно. А чтоб вы не загрустили и не принялись сворачивать шеи королевским почтовым голубям или павлинам... Успокойтесь, Алари, да, павлины здесь есть, и да, их иногда едят. Но вам это не светит. Поэтому сейчас вам принесут какой-нибудь снеди, чтобы продержаться до завтрака, а уж вы сами решайте, что с ней делать.

В залу вошел строй пажей, нагруженных подносами.

Дальше последовала безобразная свалка и борьба за еду. Эпичное побоище.

— Ну как так можно? — высокомерно протянула я. — Ведь никто не умрет, один раз пропустив ужин. Лорд Виклунд, дружище, там на столе лежит освежеванный кролик. Не будешь ли так любезен добыть его для своих друзей?

— И вина, — поддакнул Доре.

— И хлеба, — сказал Патрик, — потому что без хлеба ты, Оливер, не испытаешь удовольствия от крольчатины.

Кто мог противостоять нашему посланнику? Явно никто. Лорд Формино еле передвигался после недавнего спарринга с Виклундом, а Турень... С Туренем Оливер как раз и поделился, вернув вежливый поклон.

Через десять минут в нашем распоряжении была краюха хлеба, семь бутылок вина, гирлянда красных перцев и две кроличьи тушки, а также все свободное время до того, как нас сморит сон.

Ван Хорн в битве за еду участия не принимал. Он издали махнул мне рукой и, когда я нагнала его во дворе, повесил на шею мое ожерелье.

— Ты уходишь, чтоб повидать родственников?

— Не сейчас, но я подумал, что сегодня тебе пригодится купальня.

— Ты мог бы к нам присоединиться, — сказала я неуверенно.

— И терпеть обжигающие взгляды Уолеса? Нет уж, избавь меня от этого удовольствия. Кстати, он сделает окуляры?

— У него нет необходимых инструментов, — вздохнула я.

Ван Хорн похлопал меня по плечу:

— Ты обязательно придумаешь какой-нибудь выход, Цветочек.

— Было бы неплохо.

Мы немножко помолчали, Гэбриел все еще держал руку на моем плече.

— Не хочешь посетить со мной торжественный прием?

Я захлопала ресницами:

— Ты меня приглашаешь?

— Ну да, мне не нравится, когда мой друг грустен, поэтому мое желание развеселить и развлечь его вполне объяснимо.

Я раздумывала.

— Это карнавал, Басти. Под маской тебя никто не узнает, мы выпьем хорошего вина, не чета той невнятной бурде, которую подают в казарме будущим миньонам, ты послушаешь музыку. Хотя, думаю, от тесного общения с лордом Доре у тебя давно должно выработаться отвращение к любым ее видам.

Я хихикнула:

— Еще скажи, что мы будем танцевать.

— Почему бы и нет? Под маской мы сможем делать все, что душа пожелает.

Ах, как Басти — не граф Шерези, а та девчонка, которой я была совсем недавно, — любила танцевать! У меня даже голова закружилась, будто в хороводе. Басти знала все движения, умела исполнить и народную пляску, и горячую доманскую чакону, и болеро.

— Хорошо.

— Ты согласен?

— Почему бы и нет, к тому же мне хочется посмотреть на твоих родственников. Погоди, но ты же не собираешься меня им представить?

Гэбриел взял меня и за другое плечо, склонив голову поближе.

— А тебе бы этого хотелось?

Я фыркнула и сбросила его руки.

— Вот еще!

Мы рассмеялись, я дружески пихнула его в бок.

— Воображаю себе эту сцену. Маменька, папенька, это мой друг Цветочек Шерези, с которым мы делим казарму и купальню...

— Да уж, эпичное зрелище, мы будем избегать знакомства. Значит, встречаемся после заката, ну, например, на этом самом месте. Сейчас много не пей, иначе не почувствуешь тонкости вкуса прекрасных королевских вин, да и твоя выносливость в танце нам сегодня пригодится.

— Хорошо.

Наш разговор напомнил мне кое-что из прошлого. Примерно так же мы с Пьером договаривались о встрече на празднике сенокоса и о том, что ночью я стану принадлежать ему. Аналогия заставила меня слегка покраснеть.

— И постарайся не притащить с собой всю вашу компанию.

— Постараюсь. После заката, здесь. Я буду.

Меня переполняло предвкушение праздника.

Мармадюк наблюдал за беседой молодых людей с крыльца. Цветочек плавился от счастья, а Гэбриел все увеличивал градус своего обаяния. Глупый маленький Шерези, его в данный момент разводили просто как девицу, прежде чем залезть к ней под юбку, но он ничего не замечал, глядя на ван Хорна влюбленными глазами. Шут понимал, что делает ван Хорн, и знал зачем. А также мог разбить его планы всего лишь одной фразой, брошенной вскользь в обществе канцлера. Мог, но не хотел. Мальчик имеет право на месть.

Ах, какой мальчик! Как осторожно и уверенно он ведет игру, все свои игры. Намек, ожидание реакции, обдумывание, ответ. В этом он напоминал ему Этельбора. Ну разве можно устоять перед таким сходством?

Пусть будет как будет. Мармадюк даст шанс юному Гэбриелу и, если тому удастся его интрига, будет доволен. Цветочек, конечно, огорчится тем, что его использовали, или придет в бешенство. У него горячее благородное сердце, на струнах которого так легко играть.

Он будет раздавлен, бросится за утешением к нему, Мармадюку, и если окажется, что граф Шерези все-таки девица... Что ж, он утешит его в любом случае. И либо воспитает из него достойного соперника любому интригану, либо отдаст замуж за кого-нибудь из великовозрастных пажей, срок службы которых подходит к концу.

Решено. Пусть ван Хорн играет, а мы понаблюдаем за его игрой.

Молодые люди расстались, Шерези отправился к друзьям, поджидающим его у двери купальни, а ван Хорн, заметив шута, ему поклонился.

Мармадюк спрыгнул с крыльца и подошел к Гэбриелу. Он ничего не говорил, это было лишним, лишь достал из кармана камзола фамильный кристалл ван Хорнов и протянул на раскрытой ладони.

«Я знаю, мальчик, я все знаю, — говорил его жест, — и разрешаю тебе продолжать».

Гэбриел взял кристалл и еще раз поклонился, он понял, что ему хотели сказать.

Начинать ужин сразу после окончания обеда было глупо, но глупость происходящего нас волновала меньше всего. Сырое мясо, знаете ли, портится от свежего воздуха. Пока я беседовала с Гэбриелом, мои друзья успели сервировать стол (тот самый картежно-умывальный, который, наверное, уже притомился от частой смены ипостасей). Я послала Виклунда к кузнецам, велев принести нам какой-нибудь железный прут, который мы могли использовать в качестве вертела, и развела огонь. Тонкость приготовления мяса состоит в том, что угли предварительно нужно прожечь, чтобы жар, от них исходящий, был равномерным. Пападель нас барбекю не баловал, но что делать, я знала прекрасно и без него. Когда Оливер вернулся со старым выщербленным клинком, я насадила на него обе тушки, предварительно их промыв. Специй у нас не было, даже соли, поэтому, когда мясо стало подрумяниваться, я потихоньку подливала на него вино, это должно было придать кушанью мягкость и изысканный вкус. Скоро по двору казармы разнесся божественный аромат. Но никто не стремился нарушить наше уединение. Большинство претендентов, пользуясь случаем, предпочли заняться своими делами, отправиться на турнирное поле или завалились спать в казарме.

— Я бы на тебе женился, Цветочек. — Виклунд потянул носом и закатил глаза.

— Но-но! — Я погрозила ему бутылкой. — Что за гнусные намеки!

— А что? Я бы добывал дичь, ты бы ее готовил, а в свободное от еды время мы приударяли бы за девами.

— Тогда вам придется усыновить меня, — не отстал от друга Станислас.

— Ты ничего не умеешь. — Виклунд не желал увеличивать нашу семью. — Лучше мы удочерим Патрика, он хотя бы умный.

— А я музыкальный.

— Это еще одна причина для нашего окончательного «нет»! В нашем доме под запретом будут все музыкальные инструменты, а слово «мандолина» — приравнено к самому страшному ругательству.

В ожидании, когда мясо приготовится, мы потягивали вино прямо из бутылок, поэтому беседа и приобрела столь фривольный характер.

Мы еще немножко поспорили и пришли к выводу, что жить вчетвером было бы идеальным решением.

— Мы и так живем вчетвером. — Я пила осторожно, памятуя, что меня ожидает через несколько часов.

— Интересно, как надолго? — задумчиво протянул Станислас.

— Что ты имеешь в виду?

— Сейчас нас объединяет общая цель, а что с нами будет, ну, например, через пять лет?

— Ты станешь королевским менестрелем, — уверенно сказала я, — твои канцоны и баллады прогремят на всю Ардери, Оливер будет новым лордом-коннетаблем, самым молодым за всю ардерскую историю, а Патрик — патроном Королевского университета и, может быть, хабилисом, на лекции которого будут съезжаться студии со всего мира.

— А ты? Кем станешь ты, Басти?

Я пожала плечами:

— Буду с достоинством носить алмазную королевскую звезду. В конце концов, я больше ничего не умею.

Мои друзья расхохотались. Потом мы спорили, на какой именно части тела предписано носить королевский алмаз, потом спорили о чем-то еще, слушали песни Станисласа, пели, жевали действительно неплохо получившееся мясо и запивали его вином.

На закате мы стали собираться, прибрали купальню, вернули на место умывальный стол, Оливер вынес пустые бутылки и прочий мусор к выгребной яме.

— Может, прогуляемся? — предложил Патрик. — Абсолютно не хочется спать.

— К сожалению, я вынужден вас покинуть.

— Куда ты идешь?

— Гэбриел ван Хорн пригласил меня на празднество.

Патрик покачал головой:

— Не стоит, Басти.

— Я хочу!

— Ты помнишь, о чем я тебе говорил? Будь с ним осторожен. Он из тех людей, которые используют других, а потом отбрасывают как ненужные вещи.

— Ты его не знаешь, как знаю я.

— Со стороны все видится отчетливой.

Мне стало грустно, я обвела взглядом лица своих друзей, они тоже были невеселыми.

— Если вам так уж не хочется спать, господа, граф Шерези знает, чем вас развлечь. — Я сняла с шеи ключ и протянула его Патрику. — В дальнем углу у стены вы обнаружите неплохой запас углей и дров, а за боковой дверцей — парильню. Она на одного, так что париться вам придется по очереди. Кто из вас умеет раскалять камни?

— Я! — Виклунд выдернул из моих рук ожерелье. — Это прекрасный подарок, граф. Иди

развлекаться, я позабочусь и о будущем королевском менестреле, и об ученом светиле.

Развернувшись, я пошла ко входу в казарму, а заметив уже стоящего там ван Хорна, ускорила шаг.

Ван Хорн был весел как никогда, он сыпал остротами и всячески демонстрировал предвкушение. Вот именно, что демонстрировал. Мне показалось, что на самом деле он волнуется и пытается скрыть это под напускной бравадой даже от себя. Может, отчасти он поэтому пригласил меня с собой, для дружеской поддержки?

— Ты пил вино, Цветочек?

— Немного.

— Хорошо.

Во внутренний круг нас проводил паж ван Сол. Он ждал нас у ворот.

— Шерези, ты почему здесь?

— Поторопись, — оборвал его Гэбриел, — нам еще нужно переодеться.

Мы слегка поплутали между хозяйственных построек.

— Это пажеские казармы, — пояснил мне ван Хорн. — Празднество проходит неподалеку, в королевской оранжерее.

Дэни толкнул какую-то дверь:

— Сюда, господа.

Пажеская казарма отличалась от миньонской в лучшую сторону. У маленьких бездельников были почти отдельные комнаты, в каждой из которых стояло по две кровати, а также сундуки с одеждой и прочим скарбом. Я завистливо хмыкнула, когда очутилась в покоях Дэни ван Сола.

— Подождите, маскарадные костюмы должны прибыть с минуты на минуту.

Паж покинул нас, ван Хорн раздраженно плюхнулся на кровать, я села рядом, потому что стульев в комнате не было.

То ли мне передалась нервозность Гэбриела, то ли выпитое сегодня вино давало о себе знать, но я дрожала.

Вдалеке хлопнула дверь.

— Стой! — высоким голосом закричал какой-то мальчишка. — Там переодевается Гэб.

— Подумаешь! Что я там не видел? Или он с дамой?

И мальчишки захихикали. Потом зашептались, потом заржали.

Ван Хорн обнял меня за плечи:

— Маленькие болваны. Ты встревожен?

— Тебя называют Гэб?

— Это вызывает удивление?

От тепла, распространившегося от его руки, я расслаблялась.

— Это была дурацкая идея. Мне стоило идти с тобой.

— Понятно. — Гэбриел поднялся с кровати, уверенно подошел к одному из сундуков и отбросил крышку. — Это должно снять твою тревогу. — В его руке оказалась шарообразная прозрачная бутылка. — Моя любезная мачеха Эленор часто передает мне гостинцы с родины. — Ван Хорн вытащил пробку и взболтнул изумрудное содержимое. —

Это...

— Эликсир фей, — уверенно сказала я. — Он пахнет лакрицей и полынью.

— Как я мог забыть... — Рука Гэбриела опять скользнула в сундук и извлекла из него небольшой хрустальный бокал. — Ты же провел ночь с прелестной Моник.

В хрустале эликсир смотрелся еще лучше, чем в стеклянном заточении. Я поднесла бокал к лицу, вдыхая аромат.

— К сожалению, наша с тобой Моник в тот раз не оставила мне ни капли. Или к счастью. Мне показалось, что в состав этого чуда входит белладонна.

— В небольших количествах она не причиняет вреда.

— Поверю знатоку, ведь все твои снадобья до сих пор приносили мне лишь пользу. — Я отпила примерно половину и задохнулась от пролившейся в меня крепости. — Ваша очередь, мой лорд.

Он быстро опрокинул в себя оставшуюся половину и налил опять.

— Я думал, что стал твоим врагом после той истории с Моник.

— Она вряд ли сможет стать причиной моей вражды хоть с фаханом из ада. — Ван Хорн внимательно смотрел, как я приканчиваю уже третий бокальчик.

— Почему? — Мне стало легко и весело, уже хотелось танцевать и проказничать.

Я бросила пустым бокалом в Гэбриела и растянулась на постели. Судя потому, что звона разбитого хрусталя не последовало, он его поймал, а судя по движению матраса — сел рядом со мной.

— Потому что для вражды нужны сильные чувства, а испытывать их к инструменту — к инструменту, чье предназначение донести некие мысли до человека, к которым он не прислушается, если они исходят от тебя...

— Станислас любит свою мандолину и испытывает... — Я икнула и от того не закончила фразы.

— Для этого инструмент должен быть очень-очень особенным.

Я открыла глаза, ван Хорн, опершись на локоть, заглядывал мне в лицо.

— Например, как ты... — Его пальцы коснулись моей щеки, подбородка.

Я опять зажмурилась.

— Костюмы, Гэб!

— Заносите.

Ван Хорн поднялся с постели, я осталась лежать абсолютно без сил, голова кружилась, а тело как будто плавилось в лучах злого солнца.

— Ого! Цветочка Шерези эпично разнесло. Ты напоил его эликсиром?

— Помоги. Празднество в разгаре?

— Встреча двух канцлеров состоялась, если ты об этом, и никто никого не убил. Ее величество вполне может и не порадовать нас своим присутствием. По слухам, она так разозлилась, что ван Хорн-старший решил использовать оранжерею, не испросив разрешения, что топала ногами и ругалась. Маман твоя поражает общество немодным энненом, а дядя — старческой сварливостью. Мармадюк наслаждается всем вышеперечисленным. Так я не понял, что с Шерези? Вы и выпили-то всего ничего.

— Учись на чужом примере, малыш. Смешивать хмельные напитки — очень опасно. Эликсир в сочетании с молодым вином...

— И что, ты оставишь его здесь отсыпаться?

— Если я все рассчитал правильно, через несколько минут нас ждет чудесное воскрешение бравого миньона.

— Уже! — громко сказала я и поднялась с постели. Тело пело, голова была звонко-пустой, хотелось дурачиться и танцевать.

Гэбриел успел сменить мундир на расшитый канителью камзол и шелковый плащ.

— Тебе помочь? — спросил он меня.

— Я сам со всем справлюсь! — Отвесив шутовской поклон, я вытолкнула дворян в коридор и заперла дверь.

Одежда, которая предназначалась мне, была точно такой же, как у Гэбриела. Руки дрожали и не слушались, я возилась с застежками, напевая под нос.

— Ты скоро? — спросили из-за двери.

— Уже! — Воздвигнувшись на пороге, я ткнула ван Хорна указательным пальцем в грудь. — Где моя маска?

— Без нее будет удобнее. Поспешим, Цветочек. Ты же хотел танцевать?

— Да-да-да. — Я схватила ван Хорна под руку и потащила по коридору. — Танцевать, и попробовать всяческих вин, и посмотреть на эннен леди ван Хорн, чтоб выяснить, больше ли он эннена госпожи Фроше, моей достойной тетушки, или уступает ему в размерах. Уступить там нетрудно, труднее превзойти. Ах, если бы видели тот эннен! Ах, поскорее бы увидеть этот!

Ван Хорн подстраивал шаг под меня, Дэни семенил позади, время от времени выдавая восхищенное:

— Шерези в лоскуты! Какой будет скандалище!

Королевская оранжерея была прекрасна, были прекрасны цветочные арки, цветочные гирлянды, цветочные деревья и цветочные кусты, и музыка была тоже, наверное, цветочной. И людей видимо-невидимо.

Потом меня закружил вихрь хоровода, потом Гэбриел протягивал мне тонкий бокал на ножке, и я пила пронзительно-кислое вино, а за ним — приторно-сладкое, а еще — танцевала с Мармадюком. И это мне точно не привиделось. Потому что во время танца я постоянно норовила погладить его по лысой голове, а он сказал — «ты просто звезда сегодняшнего вечера», а я сказала — «адамантовая звезда» и, оставив его, схватила в объятия первую попавшуюся леди, чтоб танцевать в обратную сторону. Леди оказалась рослой, но почти не отбивалась, сраженная моим напором, а я подпрыгивала, чтоб рассмотреть, нет ли на ней эннена. А еще мне послышался обрывок разговора: «... провинциальный дворянчик... миньоны королевы... но пока его избрал своим миньоном младший ван Хорн... одинаковые костюмы... бедный отец... такой позор... ни от кого не скрываясь...»

А потом музыка закончилась, я поклонилась своей леди и услышала за плечом голос Гэбриела:

— Тебе пора немножко отдохнуть.

— Пить! Я умираю от жажды.

Ван Хорн уверенно вел меня сквозь толпу, придерживая за плечи, отдернул тканую драпировку, за которой оказалось высокое узкое окно.

— Садись. — Он обхватил меня за талию, приподнял и усадил на подоконник.

— Дай мне вина, — протянула я капризно.

Он оглянулся через плечо, кивнул кому-то, и моих губ коснулся прохладный ободок

бокала. Я отпила:

— Фу-у-у! Вода?

— Ну мы же не хотим, чтоб ты заснул и пропустил самое интересное? — Гэбриел недобро улынулся и отпил из своего бокала, сразу же поставив его на подоконник. — Правда, Цветочек? — Он прислонился к моим коленям, разведя их в стороны. — Тебе не кажется, что наша дружба несколько поблекла и требует подновления?

— Что? — Я разжала пальцы, бокал ответил с пола звоном разбившегося стекла, в отличие от ван Хорна, который не ответил ничего.

Он взял меня за шею, приблизил лицо и поцеловал.

Что там говорила белокурая Моник про экстаз, который наступает от фейского эликсира? Не важно. Важно, что этот экстаз наступил. Пожар, землетрясение, потоп. Я застонала и страстно ответила на поцелуй, сжала колени, привлекая к себе Гэбриела, запустила руку ему под сорочку.

— Позор! — раздался громовой голос.

Гэбриел отодвинулся от меня и обернулся.

— Отец?

Они были похожи — ван Хорн-старший и Гэбриел, канцлер был мощнее и кряжистее, и волосы его, тронутые на висках сединой, гораздо темнее, но семейное сходство явно прослеживалось. Одно их разнило. Гэбриел сейчас стоял ко мне вполоборота, и мне прекрасно было видно, что в отличие от пышущего праведным, абсолютно натуральным гневом отца сын только изображает испуг.

Канцлер занес руку и нанес первый удар, Гэбриел упал на колени, склонив голову.

— Кровь от крови, плоть от плоти моей! — кричал отец, в ход пошли кулаки, затем носки башмаков, окантованных железом.

Хмель покинул меня, я с ужасом смотрела на побоище, разворачивающееся буквально у моих ног.

— Подвинься. — Мармадюк, подпрыгнув, сел со мной рядом на подоконник, сбрасывая на пол второй бокал. Разбившийся с таким же хрустальным звуком. — У тебя лучшее место в зрительном зале.

Канцлер входил в раж, на узорный пол брызнула кровь, Гэбриел упал на бок, конвульсивно дернулся.

— Помогите ему, мой лорд, — жалобно попросила я. — Он же убьет его.

— Он в своем праве, — ответил шут равнодушно. — Потерпи, представление только начинается.

Мой взгляд, мечущийся по толпе, выхватил из нее женщину в конусообразном эннене. Она была очень молода, может, чуть старше меня, и очень хороша собой. Она плакала, поднося к глазам кружевной платок. Неужели и она не вступится за пасынка?

На лицах стоящих рядом с леди ван Хорн людей читались разные чувства — злорадное удовлетворение, злорадное любопытство, простое злорадство.

— А вот и Адэр лорд ван Харт, дядюшка твоего друга, — сказал Мармадюк, указывая в сторону.

Оттуда, пересекая почтительно расступающуюся толпу, к нам приближался рослый старец.

— Наказываешь сына, Гэбриел?

Их одинаково зовут, сына назвали в честь отца?

Канцлер повернулся, тяжело дыша.

— Он! Мне! Не сын! — отдельно произнес Гэбриел ван Хорн, канцлер Ардеры. — Отныне не сын! Я отказываюсь от этого выродка! Слышите все? У меня нет сына!

В гробовой тишине, последовавшей за этим заявлением, Гэбриел-младший пошевелился и сел на полу.

Я дернулась спрыгнуть, чтобы ему помочь, но Мармадюк придержал меня, ухватив за талию.

— Сидеть, Цветочек. Это не твоя игра.

Гэбриел с трудом поднялся на ноги, покачнулся, по его лицу текла кровь, он вытер ее ладонью, потом засунул руку за отворот камзола и, достав оттуда черный фамильный кристалл, поднял его над головой на раскрытой ладони.

— У вас и правда теперь нет сына, лорд ван Хорн!

Толпа ахнула. Кристалл не зажегся, Гэбриел потерял право наследования.

— Какая неожиданность, — желчно сказал старец Адэр. — Отдай камушек канцлеру, мальчик.

Гэбриел протянул кристалл бывшему отцу, тот взял его и обратился к ван Харту:

— Теперь вы сможете забрать его в Дювали и распоряжаться по своему усмотрению. Это ничтожество, этого безродного выродка.

— Ну почему же безродного. — Ван Харт покачал головой и закусил нижнюю губу. — У мальчика есть семья, он происходит из достойного рода, ему самое время проявить себя при дворе владычицы нашей Авроры, храни ее Спящий.

Пока все вразной повторыли: «Храни ее, Спящий!», ван Хорн сверлил ван Харта взглядом, потом издевательски протянул:

— В качестве кого?

— Ну не знаю. — Ван Харт пожевал губами. — Он хотел стать миньоном? Почему нет?

— Скорее это я заставлял этого ублюдка к этому стремиться.

— Понимаете ли, Гэбриел, — старец жевал губами постоянно, — Гэбриел, не вы, а этот Гэбриел... Ах, почему моя покойная сестра решила назвать ребенка в честь мужа, создав тем самым такую путаницу? Мальчик, подойди ко мне.

И пока лишенный наследства юноша пересекал разделявшее их расстояние, ван Харт продолжал говорить:

— Этот молодой человек никогда не делает того, что сам не хочет, ну вот так плохо я его воспитал, прости старику эту ошибку. Подожди, я знаю все, что ты сейчас попытаешься мне сказать. Ты скажешь, что без фамильного кристалла он не сможет продолжать борьбу за миньонство. И на это у меня есть ответ.

Из-под отороченного мехом плаща старец извлек другой кристалл — черный овал, испещренный какими-то рунами. И кристалл, и руны ярко светились.

— Как вы все знаете, богини наши не благословили мой брак потомством, поэтому, — он повернулся к юноше, — я нарекаю тебя сыном, Гэбриел, и наследником ван Хартов. Прими этот знак.

Гэбриел взял камень, вспыхнувший в его руках нестерпимо ярко, и поднял над головой.

— Я буду вам хорошим сыном, почтенный Адэр. Отец!

Старец улыбнулся и пожевал губами.

— Что еще? Ах да. Миньоны! Передай свой фамильный кристалл лорду-шуту, мальчик. Мне говорили, что именно любезнейший Мармадюк взял на себя труд хранить их, пока вы постигаете нужные вам науки.

Когда Гэбриел приблизился к нам, я улыбку и попыталась поймать его взгляд. Но он не обратил на меня никакого внимания, просто отдав камень шуту и вернувшись к новому отцу.

— Это же не будет проблемой, Мармадюк, — спросил Адэр, — сменить в бумагах имя нашего мальчика?

— С сегодняшнего дня в списках черного крыла будет значиться Гэбриел лорд ван Харт, наследник канцлера ван Харта, — поклонился шут.

— Прекрасно. Ну что ж, господа, не смею больше мешать вашему веселью. Развлекайтесь, танцуйте, а я, с вашего позволения, откланяюсь, дорога меня утомила.

— Он бездарен, твой новый сын, туп и труслив.

Если канцлер хотел нанести разящий удар, то у него не получилось.

— У меня другое мнение.

— Он не преуспел ни в арифметике, ни в картографии!

— Он еще преуспеет. Правда, мальчик? В конце концов, припомнишь, за что в четырнадцать лет получил ученую степень Тарифского университета, и все наверхстаешь.

— Ух ты! — восхищенно шептал Мармадюк у меня над ухом. — Кажется, они вместе эту интригу проворачивали. То-то дедуля петушится. Небось перед зеркалом каждое словечко репетировал.

— Кто с кем? Я ничего не понял.

— Ну смотри. — Шут обхватил меня за плечи, чтобы не упасть. — Адэр долго готовил племянника, ему дали образование и, я почти уверен, учили всему, что положено знать и уметь дворянину. Но все это втайне от отца, чтобы потом продемонстрировать ван Хорну букет плохих качеств и заставить его отречься от сына. Малыш Гэбриел пять лет терпел издевательства, пять лет готовился. И, знаешь, я уверен, что, если бы понадобилось не пять, а десять лет, он бы все равно пошел на это, твой друг Гэбриел. Bravo. Снимаю шляпу. Не знаю, кто это придумал — новый отец или новый сын, но снимаю шляпу перед обоими. Всем известно, как канцлер ван Хорн ненавидит мужелюбов, и даже на этой слабости они тонко сыграли.

Я только моргала и пыталась безуспешно сглотнуть, в горле пересохло.

— Мы с тобой можем уходить, Цветочек. — Шут спрыгнул с подоконника и потянул меня за собой. — Представление окончено. Хотя нет, некоторые господа просто не чувствуют меры.

Ван Хорн заорал:

— Мужеложец!

Мармадюк засунул меня обратно и прислонился к моим коленям спиной.

— Не дергайся, Шерези, ты меня отвлекаешь, а я жажду узнать, чем парируют этот выпад.

Его парировал Гэбриел ван Харт:

— Я попрошу вас выбирать выражения, канцлер. Такие обвинения дворянину чреватые дуэлью. — Он достал из-за отворота платок и отер с лица кровь.

— Ты с ним целовался! С этим мальчишкой, про которого сплетничают все, от судомоек до пажей. Да и все сегодня это видели!

— В отличие от вас я не накоротке ни с одной судомойкой, милорд...

В толпе раздалась смешки, Мармадюк одобрительно хмыкнул.

— ...А всем я должен сообщить, что уже два года обручен с леди Дидиан ван Сол, что может подтвердить находящийся здесь Дэни лорд ван Сол, ее брат.

Паж выскочил как фаханчик из коробочки фокусника, подтвердил и исчез со сцены.

— Твое обручение не более чем трюк! Дымовая завеса для сокрытия правды. Поцелуй был! И не один!

— С Бастианом Мартере графом Шерези, — Гэбриел преувеличенно устало вздохнул, — мы обменялись поцелуями дружбы, которые приняты между боевыми соратниками со времен Спящего лорда. Вы, дорогой канцлер, вероятно, не осведомлены об этом древнем обычае, так как принять участие в бою вам не удавалось, видимо, вследствие невероятно важных причин, да и друзей у вас нет.

И тут ван Хорн не выдержал, заорал что-то невнятное, бросился с кулаками на бывшего сына, тот встретил удар предплечьем и вернул сторицей, ван Хорн отлетел туаза на четыре, упал на спину, Гэбриел остался стоять на месте и проговорил, повысив голос:

— Больше никогда вы не поднимете на меня руки, в следующий раз вас встретит клинок. Сегодня я вас прощаю, спишу все на волнение, но впредь будьте осторожнее, милорд, иначе Ардера лишится своего такого замечательного канцлера на дуэли.

На ван Хорна было страшно смотреть, его подхватили под руки и повели прочь, супруга семенила следом, ее плечи мелко дрожали от плача.

— Вот теперь точно все, — сказал Мармадюк. — Пошли, я отведу тебя в казармы.

Я двигалась как кукла на ниточках, просто двигалась, просто переставляла ноги.

Поравнявшись с Гэбриелом и старым ван Хартом, шут поклонился:

— Bravo, милорды, брависсимо.

Адэр хихикнул:

— Похвала от трикстера самого Этельбора может вскружить мою седую голову.

— Нам нужно поговорить. — Гэбриел взял меня за руку, затем, будто обжегшись, отпустил и кивнул. — Следуй за мной.

Мы вышли из оранжереи. Наверное, дорога должна была быть мне знакома, но не была, сюда меня вели абсолютно пьяной, так что сейчас, будучи трезвой как тарифское стеклышко, я даже не пыталась определить наше местоположение. Цветочные гирлянды, цветочные арки, цветочные кусты... Золотистая дорожка вела нас через парк, меж клумб с уже увядающими розами. За поворотом появилась скамейка.

— Присядем? — Он опустил первым, я осталась стоять перед ним. — Я должен извиниться?

— К фахану извинения, лорд ван Харт. Вы всего лишь заманили меня дружеским участием, коварно напоили, филигранно рассчитав порцию, заставили бесчинствовать при скоплении народа, а затем поцеловали, но стоит ли извиняться перед инструментом?

— Остынь, Цветочек. Давай просто забудем то, что было, и начнем с чистого листа. Я не желал тебе зла. Просто так совпало, ты любишь мужчин... не спорь, ты со страстью отвечал на мои поцелуи... ты яркий, привлекаешь к себе взгляды. Мне нужен был кто-то вроде тебя. Отец... — Он запнулся. — Ван Хорн ненавидит мужелюбов, но, если бы не твое сегодняшнее представление, он просто еще раз избил бы меня. Так что я благодарен тебе за все.

— Как давно ты это задумал? Когда ты решил сделать меня инструментом?

— Как только увидел, — сказал Гэбриел. — Ты шутил с какими-то парнями у ворот королевского дворца. Они внимали твоим словам, смеялись, ты был в центре внимания. Твои волосы на солнце отливали пурпуром, и это тоже было ярко и забавно. А потом я увидел тебя с Патриком, как ты льнешь к нему, и картинка сложилась полностью. Мне всего лишь требовалось увести тебя от лорда Уолеса, как уводят красотку от мужа-рогоносца.

— Ты сейчас оскорбляешь моего друга. Твои слова ранят. Ты целовал меня, и это были вовсе не поцелуи дружбы, а поцелуи любви!

— Что ж, как я понимаю, у тебя есть своя картина произошедшего, и разрушить ее мне не удастся. — Он вздохнул, а затем голос его приобрел холодную твердость: — Бастиан Мартере граф Шерези, я прошу вас больше никогда не докучать мне своим обществом.

В моей голове как будто лопнул хрустальный бокал.

— Что?

— Наше дальнейшее общение невозможно. Я не разделяю ваших склонностей, а дружба с вами может бросить тень на честь ван Хартов.

Он поднялся и неторопливо ушел по дорожке. Я стояла в тишине и одиночестве. Я только что получила отставку, второй раз в жизни, и в отличие от первого — не могла отстегать обидчика. По щекам заструились слезы, я вытерла их рукавом, а потом, выдохнув, припустила за Гэбриелом.

Он не успел отойти так уж далеко, я обнаружила его за вторым поворотом, у его ног на коленях стояла женщина, ее роскошное платье сползло с плеч, полумаска болталась на одной завязке, женщина натужно рыдала и, кстати, оказалась нашей старой знакомой Моник.

Не став слушать, о чем она там стенает, я подбежала к Гэбриелу и развернула к себе, взяв за плечи. Он удивленно подчинился моему жесту.

— Последнее слово, — сказала я, ловя сбившееся от бега дыхание, — ты — бесчувственная скотина, ван Хорн, или ван Харт, если тебе будет угодно, ты разбил мне сердце, я больше никогда не заговорю с тобой без крайней необходимости и не посмотрю иначе как с надеждой, что ты корчишься в муках. Но знай! Для тебя никогда уже не будет все как прежде. Ты никогда ничего не забудешь и не обретешь покоя. В каждой встреченной тобой женщине ты будешь искать меня!

Я плюнула ему под ноги, чтобы поставить точку по-нашему, по-шерезийски, а потом быстро пошла к виднеющемуся вдалеке строению.

— Эти слова должна была сказать я, — рыдала позади безутешная Моник.

Мармадюк вернулся в свои покои на рассвете, у шута, знаете ли, всегда полно дел по ночам, особенно у лорда-шута, особенно у лорда-шута, который сначала в подробностях пересказывает ее величеству все перипетии прошедшего без ее величества праздника и переживает восторги по поводу того, как отомстила судьба выскочке-канцлеру, без спроса захватившему королевскую оранжерею, потом обстоятельно утешает встреченных в парке прекрасных куртизанок, параллельно выслушивая подробнейший рассказ об их, куртизанок, злоключениях. Он справился со всеми делами только к исходу ночи, хотя куртизанка на самом деле была всего одна.

Шерези ждал его в его же покоях, кляня носом за его же письменным столом.

— Уже успокоился?

— Я и не волновался. — Басти зевнул, сдул со лба непослушную челку и многозначительно остановил взгляд на его безволосой голове. — А вы как поживаете?

— Я? Великолепно! — Мармадюк присел в кресло для посетителей. — Ну давай, рассказывай.

— А что рассказывать? Сначала я заблудился в парке, ходил по нему кругами как заколдованный феями, — тут снова последовал многозначительный взгляд на его лысину, — а потом мое верное сердце привело меня к моему лорду.

— И чего желает узнать твое верное сердце?

— Моник говорила правду?

— Ты говорил с Моник?

— Ах нет, милорд. Это вы говорили с ней. Я же сказал вам о сердце, мое сердце привело меня к вам, когда я был в парке, и вы были в парке, и Моник, что примечательно, тоже там была... с вами.

— Кхм... — Лорд-шут впервые за довольно долгое время почувствовал себя не в своей тарелке. — Что именно из сказанного Моник тебе хотелось бы уточнить?

— То есть это она продвигала Гэбриела к вершинам власти? Посвятила этому всю жизнь, многим пожертвовала?..

— Ох уж эти женщины. — Шут закатил глаза. — Я надеюсь, ты, Цветочек, не женщина? Потому что женщины, любезный Шерези, почему-то считают, что они многое значат в мужской судьбе, могут что-то решить, на что-то повлиять. Это все не более чем самообман, мой дорогой. А истина заключается в том, что Моник внушала одному своему любовнику то, что внушал ей другой любовник. Как только этот «другой» выиграл у «одного», она потеряла для него ценность.

— Инструмент, — прошептал Шерези и зло улыбнулся.

— Если я удовлетворил твое любопытство, мне хотелось бы поспать.

— Простите, милорд, позвольте откланяться.

У двери Басти обернулся и, махнув рукой в сторону настенного портрета, сказал:

— Знаете, милорд, мне очень хочется, чтоб через много-много лет какой-нибудь убеленный сединами ван Харт сказал мне: «Похвала трикстера самого лорда Мармадюка, трикстера самого Этельбора...»

Шут бросил в него башмаком:

— Сегодня. После ужина. Как обычно. Не опаздывай.

И когда Цветочек наконец действительно удалился, проговорил, обращаясь в пространство:

— Вот и растет наша смена, мой лорд.